

Луи Клод де Сен-Мартен

Человек Желания

А л е т е й я

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

L. Marten

«И если молнии, сверкая мимолетно, порой пронизывают нашу
темень, нас ужасая крайней силой иль больше унижая нас, то
заставляют нас увидеть, что мы утратили когда-то».

Из трактата Луи Клода де Сен-Мартена
«Естественная картина отношений, которые существуют
между Богом, человеком и Вселенной»

Луи Клод де Сен-Мартен

Человек Желания

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2017

УДК 141.33
ББК 87.3(4Фра)
С 312

Сен-Мартен де, Л. К.

С 312 Человек Желания / Л. К. де Сен-Мартен; пер. В. Ткаченко-Гильдебрандт. — СПб.: Алетейя, 2017. — 250 с.

ISBN 978-5-906980-13-7

Среди духовных писателей своего времени выдающийся французский мистик Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803), или «Неизвестный Философ», стоит особняком. Причина тому — его оригинальный и очень сложный для передачи на других языках способ изложения тринитарных христианских истин, обрамляемых символами рыцарского франк-масонства, идущего от Жана-Батиста Виллермоза (1730–1824), и каббалистическими эмблемами.

Публикуемое впервые на русском языке философско-мистическое произведение Луи Клода де Сен-Мартена «Человек Желания» представляет собой первую часть его мировоззренческой трилогии, куда входят произведения «Новый Человек» и «Руководство Духо-Человека». Для передачи по-русски «Человека Желания» переводчик Владимир Ткаченко-Гильдебрандт применил жанр ритмической прозы, поскольку это сочинение читалось самим автором под аккомпанемент фортепьяно, о чем сообщали в ту пору и русские почитатели «Неизвестного Философа». Перевод осуществлен по посмертному лондонскому изданию «Человека Желания» Луи Клода де Сен-Мартена от 1808 года.

УДК 141.33
ББК 87.3(4Фра)

ISBN 978-5-906980-13-7

© В. Ткаченко-Гильдебрандт, перевод, 2017
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

«ЧЕЛОВЕК ЖЕЛАНИЯ»: ПРЕОДОЛЕНИЕ ДОКТРИНЫ УЧИТЕЛЯ И НАЧАЛО МАРТИНИСТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*«...И будет яко древо, насажденное при
исходящих вод, еже плод свой даст во время
свое, и вся, елика аще творит, успеет...»*

Псалтирь. Псалом 1

Человек вышел на берег из бурливого потока и взглянул со стороны на неугомонную реку подлунной жизни. Переводя дыхание, ему пришло на ум пастернаковское: «Сестра моя жизнь!». И восторгнувшись, он понял: эта несущаяся стремнина хоть и рядом со мною, но уже не я, разве что она действительно сестра, которую ты годами не видел и с которой тебя уже почти ничего не связывает, кроме общего набора хромосом, общей ткани бытия и все больше рассеивающихся воспоминаний далекого детства. Однако с тех пор и до сего дня я был влеком Потоком (вот она Река Времен Василия Тредиаковского!): теперь я вне его и никогда уже не буду в нем, пусть его леденящие брызги меня постоянно настигают и даже тщетно пьянят, но не в силах уже ничего изменить во мне. Так из Человека, Увлекаемого Потоком, рождается Человек Желания...

Если первые два произведения Луи-Клода де Сен-Мартена (1) отразили его глубокую теоцентрическую концепцию происхождения человека и мировой истории, разворачивающейся в борьбе на человеческом уровне божественного и демонического начал, то третье — «Человек Желания» — знаменует собой следующий этап в творчестве великого христианского мистика. Он целиком связан с переосмыслением учения о реинтеграции существ французского теурга Мартинеса де Паскуалиса, старшего товарища и наставника Луи-Клода де Сен-Мартена по Ордену рыцарей-масонов избранных коэнов Вселенной. Само понятие «Человек Желания» взято Неизвестным Философом у Мартинеса де Паскуалиса, а последний его позаимствовал у блаженного Августина. Впрочем, стоит отметить, что корректнее переводить как «Человек Осознанного Желания» или «Человек Изволения», поскольку русское слово желание само по себе тяготеет больше к хотению, т.е. неосознанному, замутненному страстью желанию. Именно мистическое изволение или волеизъявление

по Сен-Мартену противостоит грубому хотению и напрямую связано с самоотречением и аскезой.

Эту смысловую грань прекрасно уловил современный российский исследователь в статье, посвященной пути мистического анархизма, в которой, касаясь проблематики человеческого осознанного желания, автор резюмирует: «Но он (человек — В. Т.-Г.) может обладать всеми качествами бога, завоевать их себе через преодоление диктата одержимых, бог сам творит себя, не имея причин, он — «творящее ничто», и его мир — непрерывное откровение. Человек убивает протестантского бога — счетовода грехов, бога-надзирателя. На его место идет Единственный, свободный от вчерашнего «эго», отказавшийся от инстинктов во имя желаний. Желания Единственного Штирнер рассматривает как *самоубийства его инстинктов*. Такое же отношение к «желанию» бывало в мистических кругах «мартинистов», последователей Сен-Мартена, который, в свою очередь, был учеником Мартинеса де Паскуалиса. Желание — синонимично свободе воли, инстинкт воплощает в себе рабство материального рока. Посвящение — освобождение от ограничивающих законов имманентных форм. Поэтому высшим титулом посвященного в мартинизме является «человек желания»...» (2). От себя добавим, что рационализм здесь уже подорван и существует только две мистических точки сопряжения, изображаемых в виде черного мага и христианского анахорета: между этими точками властвует хаос. Одна из них — служение себе Единственному; другая — служение Единому. Неслучайно эксцентричный сатанист Алистер Кроули считал, что *самоубийства инстинктов* это крайняя пресыщенность ими, тогда как христианский аскетизм учит об отсечении страстей душевных и физических в трезвении, посте и молитве. В первом случае — яркое воплощение служения себе Единственному; во втором — служения Единому, к чему и посвятил свою жизнь Неизвестный Философ: «И создали две любви, два Града: Град земной — любовь к себе до презрения к Богу, и Град же небесный — любовь к Богу до презрения к себе» (3).

Как ни парадоксально, но новое сочинение Сен-Мартена это полный разрыв с доктриной Мартинеса де Паскуалиса, основанной на практике теургических ритуалов, где само озарение — рациональный логический этап, в пользу созерцательного поэтического мистицизма, столь свойственного святым отцам восточного христианства. Теперь с учителем Неизвестного Философа связывают только нечастые каббалистические символы и аллюзии, почерпнутые у Мартинеса де Паскуалиса, но уже в «Человеке Желания» не представляющие самодовлеющего значения, а скорее аллегорически отражающие корни вещей и проявлений. Не ставя под сомнение светский, хотя и сугубо христианский характер мистики Сен-Мартена, все же отметим, что она практически лишена экстажности и избыточной эмоциональной душевности, присущих западному церковному сознанию. Это при том, что Луи-Клод де Сен-Мартен до конца

своих дней оставался ортодоксальным католиком, о чем красноречиво свидетельствовал граф Жозеф де Местр.

«Человек Желания» — произведение переломное для самого Сен-Мартена. В нем автор предпочел самозабвенное погружение в дионисийские бездны сердца сухим спекуляциям аполлонического разума, господствовавшим в ту пору в среде мистически настроенного дворянства. Вот почему так сложно определить его жанр. Что это? Религиозные песнопения, плач сердца или, может, непрерывный поток сознания ревностного христианина?.. Все перечисленное присутствует в «Человеке Желания» и тем самым собой являет как бы определенный хаос, изначально пребывающий в душе верующего, вставшего на путь его преодоления и божественной реинтеграции.

Работу над «Человеком Желания» Луи-Клод де Сен-Мартен начал еще во время своего посещения Лондона. К ней он приступил по настоятельным просьбам философа Тиманна. В 1790 г. в Лионе увидело свет первое издание «Человека Желания», представлявшее собой два небольших тома. До сих пор неизвестно, отлучался ли в Лион автор во время своего пребывания в Эльзасе, или он доверил публикацию сочинения своим тамошним друзьям, тем более что в Лионе Сен-Мартен любил издаваться.

Французский исследователь середины XIX в. Маттер справедливо заключает, что «Человека Желания» нельзя рассматривать как сборник религиозных гимнов, хотя иногда и поражает внутренняя аналогия произведения с библейской Псалтирью. Согласимся с английским эзотериком Артуром Эдвардом Вэйтом, что «Человек Желания» самое вдохновенное сочинение Сен-Мартена. Однако прав и Маттер, считавший его отнюдь не поэзией. Со своей стороны, осмелимся определить жанр «Человека Желания» гимнософией, назвав Сен-Мартена галльским гимнософистом. К тому же, общий поэтический фон произведения скорее богословско-эпический, нежели лирический. После выхода книги Сен-Мартен, судя по манере изложения, даже удостоился сравнения с немецким экстаичным мистиком Якобом Бёме. Действительно, некоторые пассажи и аллюзии «Человека Желания» напоминают тевтонского философа, хотя Сен-Мартен в ту пору еще совершенно не был знаком с его произведениями и сам о нем мало слышал.

По тексту видно, что Неизвестный Философ иногда слишком использовал поэтическую форму, иногда ее нарочито ломал, оставляя отдельные элементы, отчего невозможен и равномерный перевод «Человека Желания» на русский язык. Но за этой стихийностью стиля и формы лучше чувствуется смятение человеческой души, в сей мир пришедшей издалёка. Собственно, произведение предстает мгновенными вспышками прорвавшегося из инобытия света, блесками воспоминаний человеческой души о своем первоначальном состоянии в лучах Божественной Славы. Вот почему в «Человеке Желания» не стоит искать никакой логики, ведь логика

и откровение — вещи несовместные. Вот почему «Человек Желания» это и своеобразное поэтизированное преодоление стройного «Трактата о реинтеграции существ» Мартинеса де Паскуалиса, пылкий призыв отойти от сухих теургических формул и ритуалов, обратившись к сердечному деланию как средоточию бытия.

В «Человеке Желания» уже весьма сильно ощущается дефицит дискурсивности, столь присущей франко-галльскому аполлоническому мышлению, из-за чего Сен-Мартен занимает особое место среди французских эзотерических писателей, поскольку характер его мистики совершенно восточный, дионисийский вплоть до ломки и растворения всяческих форм, вплоть до уничтожения формообразующих начал. Потому в свое время, основываясь на недопонимании, и возникло среди французских критиков подозрение Сен-Мартена в пантеизме, хотя никаким пантеистом Неизвестный Философ, конечно же, не являлся. Немудрено, почему современники, как, к примеру, Лафатер и барон фон Либисдорф, отмечая превосходства «Человека Желания», не могли определить его доктринальной направленности и в целом не разумели произведения. На этом фоне исключительной кажется оценка Кирхбергера, рассматривающая его как наиболее совершенное по ясности мыслей. Однако квинтэссенция «Человека Желания» столь же проста, сколь во многом и непостижима западному формальному умозрению: загляни очами разума в свое сердце; оно — средоточие связи с Богом и точка единения со всем сущим, проросшее в человеческое тело и душу Всеединство. И как закономерность: в «Человеке Желания» Луи-Клод де Сен-Мартен отрекается от традиционной схоластики (напомним, элементы ее органично входили в учение Мартинеса де Паскуалиса). Отсюда, несмотря на то, что до последнего издыхания он пребывал в лоне римской церкви, Неизвестный Философ до сих пор не примирен с католицизмом.

Наряду с этим, значение «Человека Желания» заключается еще в том, что произведение стало основой картинистской духовной антропологии, которую можно свести к нижеследующим характерным чертам.

Бог пребывает во всяком Творении, ему сообщая жизнь, движение и бытие. Любой приходящий в мир человек наделен Словом Божиим, которое является его Внутренним Светом. Со своей стороны, Человек есть совершенный храм Господень. Существуют три различные степени божественного Присутствия; они же предстают тремя ступенями проявления Божества. При исхождении Адама Бог сообщает первому человеку свободную волю, т.е. способность принимать божественные законы, предписания и повеления, или отказываться от них. Господь желает действовать лишь с согласия Человека, при его полной и сознательной поддержке. Прикровенным Он остается для того, чтобы в каждом из нас пробудилось бы Желание Его. Это первый этап, озаглавленный Соломоновым Храмом, в котором божественное Присутствие пребывало в Святом Святых, сокрытом от народа завесой. В тот период был возведен Храм в соответ-

ствии с Желанием Человека. Тогда для всех Предвечный оставался неосязаемой, недоступной причиной, неизвестным управителем, вселенским двигателем их эфемерного существования. Материалисты и люди, увлекаемые потоком бытия, ищут в Творении Первопричину, которая принадлежит не миру естества, но божественному миру. В данный период Человек Потока (увлекаемый потоком бытия) является рабом собственного «эго».

Человек Желания, наоборот, чувствует недостаток и неполноту такого положения вещей и устремляет свои взоры к Неведомому, существующему за пределами видимого мира. Благодаря чему он просит, призывает и привлекает Бога проявиться в нем, постепенно он приближается к Его присутствию или, как лучше выразиться, заставляет это святое Присутствие приблизиться к нему. Это этап Исхода из Египта, совлекающий рабские пути и делающий Человека Желания другом Господа. Сорок лет блуждания по пустыне явно свидетельствуют, что святое Сретение еще случайно и неопределенно, поскольку Человек еще увлечен истуканами. Идолопоклонство заключается в создании по собственному образу и подобию бога, который затем оживляется и поддерживается в искусственном существовании воспрещенными мыслями (читай обрядами).

Несмотря на бесконечно повторяемые заблуждения, Желание Истины постепенно овладевает человеком всякий раз, когда он произносит «да будет Воля Твоя» и предается Своему божественному Другу. Брань Человека Желания заключается в том, как сильнее предаться Милосердию истинного Бога, предписавшего смертному: «Предвечный будет бороться за тебя, и ты сохраняй Безмолвие». Труд Человека Желания является действием человека по отношению к своим братьям и сестрам, всем царствам естества, за которые он ответствен, но это также бездействие пред лицом Своего Бога, сотворившего Человека и захотевшего быть единственным орудием его духовного развития. Вот для этого Он и воплотился Сам в Лице Своего Слова, дабы нас возродить.

Добровольная Жертва ИЕШУА на Кресте и установление таинства Евхаристии дает каждому по милосердию силу стать Чадом Божиим. Новый Человек больше не слуга и не друг Бога; он — Сын Божий, обетованный Своим Отцом небесным на брак с собственной Мудростью. Возрожденный Новый Человек помолвлен с божественной Мудростью; он живет в упованиях на этот нерасторжимый и вечный брак. Сыновнее состояние есть третья степень божественного Присутствия в нас. Отсюда понятно, почему разодралась Храмовая завеса, и человеческое сознание погрузилось в Бога вплоть до того, что перестало чувствоваться различие между источником и его истечениями, ибо ВСЕ ЕДИНО. Здесь следует отметить, что мироустройство по Сен-Мартену складывается из сопряженных друг с другом иерархии (вертикали) и всеединства (горизонтالي).

Исходя из учения древней христианской церкви, человеческое существование в божественной перспективе делилось на три эпохи: состояние че-

ловека и вещей до грехопадения (systasis), состояние после грехопадения (katastasis) и состояние восстановления или возвращения человека и вещей к своему былому неискаженному обличью (apokatastasis). Последнему полностью соответствует латинский термин reintegratio — реинтеграция. Процесс восстановления человека зависит от его желания, воления и начинается уже в этой жизни, т.е. в преодолении ее катастатического состояния. Характерно, что мартинизм здесь близок к православной доктрине обожения (divinisatio) или стяжания человеком Духа Святого (само по себе это учение не признается Римско-католической церковью и считается гностическим). Обожение или божественное усыновление по Сен-Мартену складывается из трех ступеней развития: Человек Желания, Новый Человек и Духовный Человек или Духо-Человек. Первым двум ступеням Сен-Мартен посвятил одноименные книги, третью он рассмотрел в своем наиболее глубоком итоговом сочинении «Руководство Духо-Человека».

Необходимо отметить, что три ступени духовного восхождения полностью сопрягаются с делением людей на четыре типа, разработанным Луи-Клодом де Сен-Мартеном и его последователями. Итак, вот эти типы:

1. *Человек Увлекаемый (влекомый Поток, плывущий по воле волн)* — категория людей безвольных, малоиндивидуальных, следующих моде данного мгновения и духу данной эпохи;

2. *Человек Желания (собственно, Душевный Человек)* — категория людей, сознательно, твердо и неуклонно ищущих самосовершенствования и Абсолютной Истины путем созерцания Естества, проникновения в собственное сердце и изучения источников Традиции;

3. *Новый Человек* — категория определяла людей, достигших известной степени астрального развития и поэтому уже не подверженных в суждениях о ближнем и о самом себе тем ошибкам, от которых не избавлены многие весьма искренние люди второго типа;

4. *Духо-Человек* — соответствовал людям, вполне оторвавшимся от рабства анимической (душевной) сферы, а с другой стороны — от неполноты сознания своего происхождения (4).

Удивительным образом здесь прослеживается аналогия с иерархией потребностей Абрахама Маслоу, по которой первый тип представляют собой люди, удовлетворяющие свои базовые потребности — физиологические и безопасности. Эти люди больше стремятся сравняться или хотя бы приблизиться по материальному достатку с окружающими, не ищущими возможности совершенствования. Их абсолютное большинство.

Второй тип характерен для людей, удовлетворяющих базовые потребности в той мере, в которой это позволяет им перейти на удовлетворение потребностей высшего уровня, и стремящихся к этому. Такие люди активно социализируются. Их меньше, чем людей первого типа.

Третий тип людей можно описать, как удовлетворяющих высшие потребности по Маслоу — уважение и самоуважение. Таких людей можно

определить, как активно стремящихся актуализироваться. Они удовлетворяют свои эстетические потребности, и их еще меньше.

Четвертый тип соответствует людям, которые согласно теории Маслоу удовлетворили свои потребности в познании и понимании; у таких людей развита метамотивация, у них сформировалось понимание смысла жизни, этики и эстетики человеческого бытия. Иными словами, они самоактуализировались, но в то же время у них поддерживаются потребности к развитию и углублению понимания этой жизни. Таких людей меньше всего, они по Маслоу наиболее духовно стабильны и наиболее здоровы и составляют духовное и нравственное здоровье общества (5).

Согласимся, что соответствие иерархии потребностей по Маслоу и человеческих типов у Сен-Мартена отнюдь не случайно и говорит скорее о зеркальном отражении социального в личностном и личностного в социальном. Если Сен-Мартен изначально исходил из духовности, пребывая в системе религиозно-мистических координат, то Маслоу, занимаясь изучением личностных потребностей в социальном срезе снизу вверх, пришел к своеобразному одухотворению своей градации, когда человеческая душа на последней ступени его иерархии уже соприкасается с духом. И это тем более удивительно еще и потому, что Сен-Мартен исследовал конкретно взятого человека в отдельности, а Маслоу рассматривал потребности по отношению к человеку и наоборот. Однако оба они — каждый на своем уровне — раскрыли одну и ту же антропологическую матрицу, верную на социальном плане и в мистицизме, восходящую от земли к царству духа.

Тимос по-гречески означает душу, а точнее чувствительную, устремляющуюся, страдающую и сострадающую часть души, связанную с осознанной волей, волеизъявлением. В социологической концепции Фрэнсиса Фукуямы тимотический (душевный) человек тождествен Человеку Желания у Сен-Мартена, хотя сам термин «желание» для Фукуямы, несомненно, равнозначен хотению, страсти к вожделению (отчего сегодня и поощряется культ гедонизма): это характеризует иную категорию людей, которые уже задействованы в качестве послушных строителей Нового Мирового Порядка. Такие люди, зачастую представляющие из себя офисный планктон транснациональных корпораций, теряют свой божественный образ, превращаясь в винтики и механизмы для возведения очередной Вавилонской Башни. Именно с сокращением количества тимотических (душевных) людей в мире Фукуяма связывал грядущий глобальный кризис и упадок человеческой цивилизации: «...Человек Экономический, истинный буржуа, будет вести внутренние «расчеты затрат и выгод», которые всегда дадут ему причину «работать внутри системы». И только тимотический человек, человек гнева, ревнующий за собственное достоинство и за достоинство своих сограждан, человек, который ощущает, что его ценность составляет большее, чем комплекс желаний, из которых складывается физическое существование, — только такой человек может встать перед танком или цепью солдат. И часто

бывает так, что без таких мелких актов храбрости в ответ на мелкие акты несправедливости куда большая цепь событий, ведущих к фундаментальным изменениям, так и не будет запущена» (6).

Однако на смену этому индустриальному Экономическому Человеку должен прийти уже, по замыслу Жака Аттали, постиндустриальный «сетевой человек», «новый кочевник» со встроенным кибернетическим механизмом и поглотитель информации, не ведающий ни роду, ни племени, ни религии; одним словом, управляемый и задаваемый сетью дух, полностью противоположный Новому Человеку и Духо-Человеку Сен-Мартена. В этой связи Жак Аттали говорит о крахе традиционных вероисповеданий и некоем «новом завете» « сетевого человека » с Природой (7). Идея не нова: вспомним, что ее родоначальником являлся основатель ордена иллюминатов Адам Вейсгаупт (его организацию не стоит путать с чисто христианским иллюминизмом Мартинеса де Паскуалиса и Сен-Мартена). Глубоко законспирированная структура ордена иллюминатов Вейсгаупта весьма напоминала современную сетевую матрицу. Правда, тогда этот воспитанник иезуитов из Ингольштадта не мог предположить, сколь востребованными окажутся его послы для сетевой технотронной идеологии Нового Мирового Порядка. О создании единой «натуральной религии» мечтали еще английские вольные каменщики первой половины XVIII в., но до Вейсгаупта их планы оставались довольно смутными и не шли дальше красивых, пусть и небезобидных деклараций о намерениях. Сегодня эту веру продвигает модернистский Ватикан, выступающий за объединение конфессий в одну универсальную сверхцерковь на ноахитских началах. Таким образом, у дальнейшего отпадения от Бога и деградации человека имеются свои иерархические уровни, противостоящие ступеням восстановления и божественного усыновления по Сен-Мартену. Здесь проглядываются признаки усыновления человека зверем и его образом в виде грандиозного брюссельского компьютера, несущего его число, и штампование людских душ в угоду князя мира сего. Однако общество, населенное данными индивидами, будет уже не человеческим, а постчеловеческим, что ярко изобразил Фукуяма (8). Постчеловек, исповедующий новое близкое к религиозному мировоззрение трансгуманизма, как раз и представляется полным антиподом Духо-Человека Сен-Мартена. Трансгуманизм — это отказ от иерархии абсолютной Истины и перенос ее атрибутов на шкалу общечеловеческих ценностей и нового человеческого фрагментарного знания, зачастую вторгающегося в сугубое ведение Творца (генная инженерия, нанотехнологии, крионика и пр.). Отсюда отсутствие идеи теоцентризма в организации социума, упадок национальной государственности, фрагментация и помрачение сознания, утратившего свет божественного гнозиса: везде правят соты, слагающиеся друг с другом наподобие пазлов мелкие осколки. Некогда совершенный собирательный человек Адам Кадмон, символизировав-

ший собой божественный сосуд, согрешив, разбился. Мы живем во время добывания, размельчания осколков, оставшихся от неземного образа Адама Кадмона. Между тем, одним из неорелигиозных и псевдонаучных направлений трансгуманизма является иммортализм, пытающийся достичь фактического бессмертия человека и, следовательно, увековечить пред лицом Господа и естества образ согрешивших Адама и Евы, наконец-то уподобившихся богам по наущению древнего змея. В этом, пожалуй, венец стародавних замыслов Адама Вейсгаупта и либерального франкмасонства. Достижение телесного бессмертия в дольном Иерусалиме — вот она подлинная «натуральная религия», провозглашавшаяся когда-то под сенью английских лож.

Для Сен-Мартена дольный мир это крайне искаженный в кривом зеркале и перевернутый образ мира горного. Тут уж никак не работает знаменитое утверждение Гермеса Трисмегиста: «что вверху, то и внизу». Да и взаимодействие между основными внутренними свойствами у Человека Желания совершенно иное, нежели у Человека Увлекаемого, и в этом смысле образ Человека Желания перевернут по отношению к образу дольного мира и Человека, влекомого Потоком, что прекрасно показал христианский эзотерик и наш соотечественник Валентин Томберг: «Другой характерной особенностью *духовного человека* является то, что он висит вниз головой. Это означает, во-первых, что «твердая почва» под его ногами находится вверху, тогда как земля внизу есть лишь предмет забот и восприятия его головы. Во-вторых, это означает, что его *воля* связана с небесами и находится в непосредственном контакте (не посредством мыслей и чувств) с духовным миром. Таким образом, его воля «знает» то, что его голова — его мышление — все еще не знает, и таким же образом через его волю действует не опыт и память прошлого, но *будущее* — небесное предназначение будущего. А посему он буквально является «человеком будущего», ибо волю его побуждает *конечная причина*. Он есть «человек желания» в том смысле, какой вкладывают в это понятие Книга пророка Даниила и Луи-Клод де Сен-Мартен, т. е. человек, чья воля устремлена ввысь, выше всего, чем наделена голова, — мышления, воображения, памяти.

Отметим, что обычная взаимосвязь между мышлением, чувством и волей у цивилизованного и образованного человека такова, что мышление пробуждает чувства и направляет волю. Мышление посредством воображения играет роль стимулятора по отношению к чувствам, а с помощью воображения и чувств — роль наставника, воспитывающего волю. При необходимости действия человек думает, воображает, чувствует и — наконец — желает и действует.

У «духовного человека» дело обстоит иначе. У него роль стимулятора и наставника по отношению к чувствам и мышлению играет воля. Вначале он действует, затем желает, а затем чувствует значимость своих действий и в конце концов понимает.

Авраам покинул край, где был рожден, и отправился — через пустыню — на чужбину, которая несколько столетий спустя станет отчизной для «семени Авраамова» — целого народа — и где еще через несколько столетий свершится великий труд спасения человечества. Знал ли он обо всем этом? И да, и нет. Да — в том смысле, что *он действовал так, словно знал*: его *воля* была пленена этими событиями будущего, их величием и значимостью. Нет — в том смысле, что ни в его мыслях, ни в воображении не было какого-либо плана или четкой программы того, как, когда и каким путем в точности все это будет осуществляться.

Уверенность, которая с самого начала завладевает волей и из которой исходит ее воздействие на чувства и мысли, и есть то самое, что апостол Павел понимал под словом «вера» (*pistis, fides*). По его словам:

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верую Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие; *и пошел, не зная, куда идет*» (Евр. 11: 1,8).

Таким образом, Авраам *«осуществил ожидаемое»* после того, как испытал «уверенность в невидимом», т. е. воля его знала, тогда как разум и воображение «не видели», что значит — не имели присущей им уверенности. И все же он *повиновался* и пошел, не зная, куда идет, т. е. совершил *действие*, прежде чем его мышление и воображение постигли все необъятное значение этого поступка. Следовательно, когда он отправился в путь, его голова последовала за ногами; его ноги оказались тогда «вверху», поскольку повиновались велению небес, а голова подчинилась им и оказалась «внизу», ибо не видела ничего, кроме лишений, опасностей и невзгод предпринятой затеи. Тем самым Авраам в точности оказался в положении «Повешенного».

«Верую Авраам повиновался призванию...» Вот ключ к тайне веры, или к знанию воли: «...*повиновался призванию*...».

Воля есть активная сила, не являющаяся, естественно, органом восприятия. Чтобы обрести способность воспринимать, ей не следует — даже нельзя — становиться пассивной, ибо в этом случае она уснет либо исчезнет, поскольку активность — это сама ее суть, и, переставая быть активной, она перестает быть волей. Нет, ей лишь следует сместить центр тяготения, т. е. преобразовать *«мою волю»* в *«волю Твою»*. Одно лишь духовное проявление любви способно совершить смену того центра, который воля использует либо тяготеет к нему. Вместо тяготения к центру «я» она может подчинить себя велениям центра «ты». Это преобразование, осуществляемое любовью, и есть то, что именуется «послушанием». Итак, только через послушание воля обретает способность *воспринимать*. Воспринимать или вдохновляться откровением свыше, которое воодушевляет, направляет и укрепляет силы. Вот почему воля мученика способна все вытерпеть, а воля чудотворца способна все свершить.

Господень призыв Авраама был как раз таким проявлением вдохновляющего откровения. «И он повиновался», — говорит апостол. Тем не менее, здесь необходимо добавить, что он повиновался еще до того, как отправился в путь. Ибо сам по себе *Господень призыв* предполагает повиновение — трансцентрализацию воли, которая дает ей возможность услышать зов свыше. Ведь воля уже должна быть в состоянии послушания, чтобы быть способной воспринять вдохновение или интуицию свыше и запечатлеть призыв Господа, т. е. *дар веры*» (9).

По всем приведенным выше доводам Люди Желания неорганичны дольнему миру, поскольку представляют собой в волевом осознании веры опрокинутую «подвешенную» вертикальную перспективу горного мира в дольном, тогда как Люди Увлекаемые являются обыкновенной горизонтальной перспективой ткани общего осознания бытийного Потока, который многие метафизики рассматривают в качестве иллюзии или ничто. Однако оскудение числа Людей Желания и увеличение количества Людей Увлекаемых (разрастание иллюзии бытийного Потока) ставит под вопрос и делает проблематичным само существование мира, что мы отчетливо ощущаем в настоящее время. Сен-Мартен предвидел это в своем произведении более чем за два века до нас, что делает его, несомненно, эсхатологическим автором. Вертикаль волевого осознания веры, которую удерживали святые, духовидцы, пророки, мистики, а также подлинные Люди Желания ныне становится все тоньше и грозит истощиться, распавшись на фрагменты, отдельные светящиеся точки в охваченном хаосом океане иллюзии постиндустриальной цивилизации. Что будет с мирозданием, когда это случится окончательно и бесповоротно?

Постепенно захлебываясь и утопая в вязком потоке повседневности, все меньше людей готовы посвятить себя служению Абсолютной Истине, все меньше из них призываются Провидением и становятся Людьми Желания, отстраняясь от всеобщего течения и поднимаясь на Животворный Берег для созерцания этой мутной и прозрачной, но всегда трагичной Реки Времен, уносящей с собой и предающей небытию дела, господства и царства: *sic transit Gloria mundi*.

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт

ИСТОЧНИКИ

1. *О заблуждениях и истине* (1775 г.). *Картина отношений между Богом, человеком и вселенной* (1782 г.), в 2-х томах.
2. *Элементы*, № 9, М., 2000. Алексей Цветков. «Штирнер — Прудон: два полюса анархии».
3. *De Civitate Dei*. Блаженный Августин.

4. АУМ, М. Терра. 1990. Вып. №2.

5. Насибулина А.Н., Сулейменов Н.С., Осик Ю.Н., Наплеков Д.С. Различие в потребностях людей по А. Маслоу как градация их уровня развития. Карагандинский технический государственный университет. Караганда, 2005.

6. Фукуяма Ф. «Конец истории и последний человек» 16. Краснощекий зверь. М. АСТ. 2005.

7. Аттали Жак. На пороге нового тысячелетия. Международные отношения, М. 1993.

8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. АСТ, 2004.

9. Валентин Томберг. Медитации на ТАРО. М., «София», 2000; сс.265–266. Письмо XII. Повешенный.

ЧЕЛОВЕК ЖЕЛАНИЯ

*Перевод с французского ритмической прозой
Владимира Ткаченко-Гильдебрандта*

1.

Господни чудеса в безмерном поле разбросанными кажутся без замысла и хаотично.

И в россыпях они сияют, подобно многочисленным соцветьям, которые весною украшают наши луговины.

Для описанья их сурового вы плана не ищите. Начала сущностей в Тебе содержатся, Господь.

И это их с Тобой связь потаенная, достоинство им давшим, каким бы не предстало место их, к какому бы разряду не принадлежали.

Дерзну взгляд возвести к престолу Твоей славы. И мысленно я оживлю себя, Твою любовь по отношению к человеку изучая, а с ней премудрость, что господствует в Твоих трудах.

Глагол Твой приумножился в своих частицах от рожденья; он уподобился стремнине, на скалы острые с высот ниспавшей.

Его я вижу в тучах грозových: там капля всякая, летящая в пространстве, для глаз моих огонь светила солнца отражает.

Так слова Твоего лучи в очах премудрого блистают своим живительным святым свеченьем: он труд Твой созерцает, который сотворил все мироздание и оживил его.

Моих псалмов верховные порывы, сколь часто буду я невольно отвращать свой взор от вашей высоты.

Мнит себя смертным человек, поскольку в себе самом он нечто смертное обрел.

Но и Того, Кто всяким существам жизнь даровал, рассматривать он умудрился отнюдь не жизнедавецем.

Иерусалим, в чем упрекнуть тебя бы только не могли пророки Божии.

«Ты брал, что украшением тебе служило, — изрек Господь, — что было сделано из золота Моего и серебра, которые тебе Я дал; из этого ты сотворил изображения людей и с ними развращался».

Печали вопль смешайте и песни ликования мои: отныне радость чистая не создана для скорбной человеческой юдоли.

Неумолимые свидетельства первоначальных истин, не проявились ли уже среди народов?

И если вас сомненья гложут, спешите к их источнику припасть. Тогда вы обратитесь, слив голос собственный с моим.

И вместе мы восславим наслажденья человека изволения, что счастьем обладал об истине скорбеть.

2.

Благословенным будь, свет осиянный, блеск видимый предвечного свечения, откуда мысль моя взяла существование.

Коль не была б она одной из искр твоих, то не имел бы силы созерцать тебя я.

И не сумел бы быть охваченный восторгом в величии твоём, когда б не заронил в меня крупицу собственного измерения ты.

Умолкните, кумиры человекoв: огонь светильника другим светильникам передается, ничуть не уменьшаясь; так Богом произведены и духи.

Не умаляйте зримого свечения, твердя о механизме в нем материальном.

Светильник наделяет жизнь порядком, но не законом порождений.

Нужна ли сущность вне светильника сего, чтоб сообщать ему свечение, что зримо?

Но сам Господь есть свет; рождает в средоточии своем он сущность светлую, исполненную в духе.

Вершится все десницею начала всех вещей, что возжелало видимого света для чувств и жизни тела моего.

Хотел Господь, чтоб на моих глазах свечение солнца пробудило чувство зримого сияния.

Но он желал еще, чтобы в моей душе проснулось чувство и невидимого света.

Ведь почерпнул он сам в сем свете святости зародыш, что душу человека вдохновил.

Не так ли свечи на живом подсвечнике восходят, и сила их не в этом ли елее, во мне вскормившем свет? Не этот ли елей себя всегда уничтожает, но никогда не иссякает сам?

Пусть жизнь его сливается с моею брэнной жизнью, и возрождает он во мне ту жизнь, что сам и произвел.

Так будет же продлен бессмертный и божественный мой рост, как возрастание предвечного истока.

Пронизывает существа он, от Бога восприявшие жизнь вящую свою: последние вмиг обретают смерть, когда утрачивают связь с источником своим.

О, вы, живущие в земном уделе, вострепещите в радости, ведь можете участие принять в общении вселенском.

И уподобившись весталкам, вы можете хранить священный пламень, сияя им повсюду во вселенной.

Но почему так светом дорожили разумные и целомудренные люди? Да потому что ведомо вполне им: свет и душа два светоча, которые не смогут никогда угаснуть.

И почему, возвышенный агент, ты перестать не можешь все собою проникать, все видеть и нести повсюду ясность?

Ответ таков: почерпнутый в источнике твоём святой елей развеян был по всем пространствам, где свет обрел необходимое себе питание.

3.

Прошелся взглядом я своим по естеству.

Куда спешите вы, мятежные потоки?

Стремимся переполнить бездну мы, похоронив в воде лихое беззаконье.

Спешим мы погасить вулканы, ведь тлеющие эти головни являются остатками великого пожара.

Когда исполнить сможем этот труд, утихомируются истоки наши.

И грязь сосредоточится в пучинах.

На месте бездн равнины плодоносные воспрянут.

И мирные стада пастись не перестанут в местах, где плавали прожорливые рыбы.

Счастливый человек пребудет в умиротворении средь тучных нив и там, где некогда кипели океана волны, возмущенные стихией.

Беспечный, без внимания к себе пройдет он путь земной, ничуть не приоткрывши око духа своего.

Природы дуновения проследуют пред ним, не пробудив в нем никакого интереса и не возвысив мысль его.

Хотя в сей мир пришел он, чтоб объять вселенную своей духовной мыслью, но тонет разумение его в предметах мелочных: уловлен ими он.

Ужели вновь необходимы катастрофы, чтоб пробудился ты от своего дурмана? Но, испытав однажды их, ты ужаснулся и не взял их впрок.

Земли поверхность собою проявляет грани трех законов, что правила ее круговоротом.

Ведь элементы бурные, круша кору земную, создали цепи гор вторичных и вулканы, — вот пламя и число.

А колыханье медленное волн произвело нагорья и долины, — число и мера здесь.

А притяженье равномерное создало лишь долины, — вот сила тяготения земного.

Повсюду жизнь стремится утвердиться, ведь хаос чужд извечно естеству.

Во всем душа людская обретает плодовитость и молвит, будто создана для жизни.

Хотя таит в себе следы неистовых страданий, которые ее когда-то истязали.

Однако до сих пор она способна, подобно пламени вулканов, над безднами подняться и воспарить в края сверкающие неба.

4.

Желаешь ли ты ангела обидеть своего? Иль отказаться хочешь ты от таковой затей?

Хотя твой ангел страждет только от того, что не взыскуешь ты познать, в чем заключается Господне дело.

И кто помыслить сможет, что нарушители страданье Богу причинят, пусть даже заблуждениями своими они противодействуют Ему?

Нет, человек, не выдержишь ты вида столь удручающей картины для себя. Кто, как не Бог, здесь обладал бы силой?

Однако же прощает Он всегда, и только от Него научены мы милосердью.

Ты ежедневно следуй путями этого ученья, когда познать желаешь Бога Своего труды.

И пусть учитель даст в них наставленье, найдя в тебе усердного ученика.

Иль можешь бесполезным ты считать для собственного ангела терпение свое, возвращенное с любовью?

Не будет лишним здесь сказать: твое терпение тебя сближает с Божеством и доставляет радость Богу; благодаря терпению ты дружишь с Ним, Его любви становишься достойным.

Вот труд; вот первая ступень деянья. И пусть меня услышат все народы.

И пусть они благочестивей станут, чтобы почувствовать терпенье внутреннее милосердия.

Я вижу слова два, начертанных на древе жизни: Меч и Любовь.

Мечом от слова покорю врагов Господних, затем свяжу и помешаю огорчение творить для Бога Моего.

Усердно и с любовью умолю я Бога излить хотя бы луч один святого милосердия на меня.

Достигнув этого, утешил бы Его я, взяв на себя хоть капель несколько терпения любви Господней.

Пусть не смущает, Мой Господь, Тебя возвышенность идеи этой: мог только Ты ее зажечь в моей груди.

Она настолько животворна, что в ней я мыслю рассмотреть след благодостный предназначенья своего

Земные наши узы от нас скрывают наш удел божественный и древний.

Его не преминет изведать тот, кто силою души способен приподнять стальные пути.

5.

О, мудрость глубочайшая, не сотворила б ты и вовсе существа, заранее не дав его желаньям меру с силой, дабы хранить свое создание.

И на основе этой ты прообразовала существа: они лишь отраженья твоей славы, которую воспроизводишь ты во всех своих трудах.

Отмерила ты человеку достойнейшую часть могущества сего.

Откуда бы к нему пришло искусство свои утехы умножать и ловкость отстраняться от недугов, излечивая их?

Не здесь ли мера высшая инстинкта самосохраненья, которым наделила ты все существа свои?

И только в человеке соединяются в своей предельной мере и чувство самосохранения, и сила, противоположная сему инстинкту.

И только человек способен обуздать и приглушить инстинкт животный этот, им овладевший более, чем всяким существом иным.

И только человек способен на самоубийство! Один он властен средства выбирать и сочетать, чтобы предаться смерти!..

Ученье лживое, рукоплещи триумфу своему: ты ослепило вовсе человека.

Его заставило увидеть ты в двух этих крайностях одно и то же самое начало!

Его заставило считать ты, что агент один и тот же и сохраняется, и разрушается потом.

Его заставило ты верить, будто смерть и жизнь, произведение и распад в зародыше содержатся едином.

Напрасно ищешь подтверждений ты в животном мире: ты не найдешь там ничего, что бы для умственного взора хотя б уменьшило ужасное противоречье это.

6.

Коль скажут, исходя из строгости вещественного строя, что зуб за зуб, а око будь за око, то почему же истина сия не станет нам полезной в духовном добродетельном укладе?

Пожертвуй жизнь свою, коль хочешь жизни причаститься.

Ее пожертвуй без остатка, если хочешь, чтоб жизнь тебе дарована была в единстве полноты своей.

Пусть ты свои пристрастия ослабил и даже перестал смотреть на радости свои, но жизни нет еще в тебе в единстве полноты.

Когда преодолеешь сей предел, не сможешь уж тогда смирять свое волнение посредством жертвоприношений, себя предостеречь не в силах будешь от святого утоленья.

Дух истины тебя не перестанет бичевать и, истязая, он толкнет тебя в пустыню.

И ты тогда провозгласишь народам: *исправьте Господу пути.*

Небесные, земные, вселенские господства, почтите человеческую душу, ведь Сам Господь грядет с ней обновить завет и сочетаться с нею новым договором мира.

Он ей открыл небесные архивы; она сокровищам там изумилась, что уготованы для человека мира.

Она там видела светильники рассудка, сияющие вечно, животворящие источники любви в их устремлении, что вечно, непрерывно.

Она там книги жизни рассмотрела, откуда черпались законы для народов.

Читала в них она историю племен ушедших, а также будущих и настоящих.

Вдыхала там она дыхание бальзама, который изливаем всякий день для исцеления болезней у людей.

Там видела оружие победы, которым суждено сразить врагов отчизны.

И возжелав, душа людская сегодня может в обладание войти сокровищницы этой, потребности своей и братьев повинуюсь.

Душа людская, смиренно, покаянно устремляйся к Богу. И так ты обретешь дорогу, ведущую к любви и свету.

Затем ты, милосердно к братьям снизойдя, разделишь между ними сокровища Господни.

Пред нищим отворив сокровища златые, сумеете ли больше помышлять о нуждах духа, чем об уладах брэнной оболочки?

Благодаря порывам этим, желаете ли вы ее облечь хотя б частично свободой и деяньем, которых лишена она из-за беды своей?

Хотите ли, чтобы, благодаря свободе, она бы средство обрела, как легче непрестанно славить Бога и возыметь обогащение в молитве?

Вот милосердья истинная цель: так милостыня может продвигать Господне дело.

Господь есть дух; желает Он, чтоб создаваемое вами одухотворялось.

И если милостыню вы творите, то, радуясь, у нищего просите за вас молиться.

Так просите вы больше за себя, чем вы ему монетой воздаете; и думаете о себе скорее, нежели о нем.

Однако менее свободен он молитве предаваться.

Труды же одухотворяйте, когда хотите, чтоб они во всем согласовались с правосудьем.

7.

О, мифов толкователи, зачем вам утверждать, что в них сокрыт лишь ход небесных звезд с законами природы вещественной и брэнной?

Какое соответствие тогда меж образом и отраженной вещью? Не бесполезно ли искусство аллегорий там, где видим превосходство мы его над собственным предметом?

И в случае таком, не перестанет ли аллегория сама собой являться? Увы, тогда она пребудет свойством, что действует прямолинейно.

И если бы возвысились вы вдруг к природы действенным началам, то все равно их знание и применение останется неведомым профану!

Но новая превратность возникает: и мифология, и физика извечно пребывали в споре.

Чтоб быть доступной, мифология должна, по крайней мере, покоиться на действенных началах естества.

Однако физика никак не жаждет постигать начала, желая все создать посредством агрегатов.

Но разве есть единство, к которому возможно стало б приобщенье?

О, физика и мифология, способны вы взаимно примириться, отбросив всяк свою систему, возвысившись к ступени совершенной: вы обе там смогли найти бы ключ от собственной храмины.

Когда же завладеете ключом, используйте его благоразумно. Все искажения восходят к бренному истоку.

Все исправленья к чистому источнику ведут. Как без надзора высшего вам применять свои начала?

Что делаете вы, ученые невежды, когда живописуете законы нам начал образования?

Из смерти вы составить жизнь стремитесь; и физику вы всю свою берете на погостах.

И чем заполнены все ваши кабинеты? Скелеты, трупы, коим тщитесь вы сберечь и форму, и расцветку, хотя животворящее начало оставило их навсегда.

И ваша мысль, не говорит она ли, что лучшая та физика, которая начала изучает, оставившие мертвые тела?

Но нет, по-прежнему вы бдите разрушительным и мертвым взглядом над каждым из предметов ваших умозаключений.

Его вы переносите на равнобедренный прямоугольник, который вы познать искали, поскольку нашли материальные соотношенья между своими результатами и результатами его сторон.

Хотя число, соотношение верное с основой этой мы не получим никогда: когда бы мы познали их, смогли бы духов создавать.

И не достаточно ли счесть в двух средоточиях основу, которая бы попыталась соотношение отразить, что отверзает неиссякаемый источник для ваших слез, для разуменья вашего и удивленья?

Но вы свой мертвый взгляд переносили на предмет, располагавшийся пред вами: и взглядом этим вы объяли даже слово.

О, высшее и отличительное свойство, для них ты только плод умножения знаков осязаемых.

И языки для них — приспособление простое, вместо того, чтобы экспрессией являться, итогом бытия.

И разве они не ищут их происхождение в обычных наших отношениях?

Хоть некогда вещалось этим господам: для сотворения слова необходимо было слово.

Хоть видят способом каким все дети изучают языки, что существует лишь один закон, который задан и отмерен для всяких нужд и возрастных разрядов.

Материя, материя, какую пагубную пелену над истиной ты распростерла!

Как возрождением вошло в мир дольний слово, сначала сделавшись доступнее для нас.

От семени оно могло лишь возродиться, как всякое растение; необходимым стало, чтобы оно свой собственный зародыш питало, а тот бы произвел плоды среди человеческого рода.

Разрушьте, эшафоты ложных знаний, и обратитесь в прах: не сможете сопротивляться вы малейшему началу световому.

8.

И разве не лучший способ помощь испросить — направиться самим отважно на место нахождения ее?

И не находится ли в действии она, которое питает силу?

Велик лишь тот, кто борется, и это единственное средство наслаждение познать.

Таков секрет первоначальный: чтобы подняться над невежеством и заблуждением нашим, необходимо нам преодолеть самих себя.

И для того Господь нам посылает испытанья, чтобы молитв Его мы обладали правом без ущерба, который мы себе наносим по слабости своей.

И если твое сердце полно Божеством, твори изустную молитву, которая предстанет выраженьем духа: она такой всегда должна была являться.

И если твое сердце окажется сухим до пустоты, держись тогда немой и умственной молитвы: она даст время сердцу твоему и средство его согреть и преисполнить.

Благодаря простым секретам этим, научись ты вскоре познавать, какие существуют права души у человека.

Когда ее давила животворящая десница, чтоб выжать извращенье из нее, она затем опять свободное пространство занимала, благодаря естественной упругости своей.

Научишься ты вскоре познавать, какую обладает властью душа над *воздухом*, над *звуком* и над *светом*, и над господством *тьмы*.

Так бодрствуй же, пока не оказался среди погибели сынов. Они не могут ничего, хотя б тебя и убеждали, что обладают некой силой.

И как могли б являться друзьями истины они, когда сравнения, которые они нам представляют, всегда фальшивы?

На внешних существах не остается никакого отпечатка от деянья истинных существ: вот почему *мрак не способен свет постигнуть*.

Коль хочешь ты свет этот воспринять, не сравнивай его ни с чем тебе известным.

Так очищайся же, проси и постигай, и действуй: весь труд поры четыре обнимает.

Какой бы человек осмелился туда ступить без очищенья, ведь он не сделает и шага одного, ноги не занеся к ступеням алтаря?

Уверенности в силе Божества одной не хватит, необходимо и в своей не сомневаться силе.

Господь дал силу с именем тебе, и Он не спрашивает больше, как ты ему послужишь.

Не оставляй же целиком труда на попечение Бога Твоего, ведь Он желал тебе определенную работу.

Все Свои блага изливать готов Он на тебя, не прерываясь, прося тебя о том, чтобы за злом следил ты неусыпно, не оказавшись им застигнутым врасплох.

Его любовь изгнала зло за стены храма, но не твоя ль неблагодарность заставила его туда вернуться?

О, человек, где обрести предназначенье, которое преодолет твой удел, ведь призван ты являться братом Богу, с Ним сообща трудясь?

9.

Кто человеку мудрость даст, дабы уразуметь ему путь слова?

Господь вещал в устах своих пророков. Познаете вы истину того, кто прорицает, иль ложный дух, которым он внушаем, *коль все предсказанное совершится: поверите тогда вы в подлинность его*.

Но не исполнился ль закон, и разве великое предзнаменование непрочно не поразило все знаки прежние?

Не должно ли прийти пророкам заблуждения и лжи, которые сумеют даже избранных прельстить?

Я вижу их творящими чудесные дела, вещающими о событиях, которые настанут.

Я вижу их под стать Илие, которые заставят огонь свести с небес.

Беда грядущим временам, где ложь сумеет внешне в истину облечься!

О подражателях себя предупреждайте всякий час. С тех пор как человек продан в греховности порабощенье, грех пользуется им не менее успешно, чем премудрость.

Теперь необходимо человеку в себе самом проникновенно разобраться, чтоб новые знамения обрести.

Смиренен, кроток ли пророк? Во имя Царствия Господня он проповедует, иль именем своим подвигнут?

Показывают ли его стечения и слезы на милосердия порывы? Готов ли жизнь отдать за братьев он? И с названными добродетелями соединено ли ученье правоверное на деле?

К пророку обратитесь, исследуйте его шаги, к его вы духу прилепитесь: любовь от сердца и преданность исповеданью — дары, которые чужды притворству.

Когда бы вы нашли среди смятения и тьмы круг, светом вас опоясавший, то в нем вы были бы отделены от мрака.

Чем больше время мчит, переполняясь нестроением своим, тем больше должен устремляться человек в свою светящуюся грань.

Но как в нее войти, всецело не предавшись духу жизни и с пылом к ней не устремившись, как будто бы снедаем голодом?

Нет радости, которая могла бы сравниться с наслажденьем идти стезями мудрости и правды.

10.

Труды Господни в тишине творятся; незримым пребывает их начало.

Возьми образчик сей для разуменья, все познавая впредь по благодати плодов; стези блаженства на путях негромких.

Ведь если бы подобно сущностям, слагающим тела, вдруг воздух оказался зримым, попал бы он в разряд столь чудный естества?

Какая связь произрастает между жизни духом и смертью преходящего творенья? Так, смертный человек сулит намного больше, чем в силах дать, и только дух вершит сверх всех своих обетов.

Во исполнение промыслов Своих, Господь народ Свой вел путем неисследимым. И притчами Он говорил народу: без этого Евреи не смогли бы постичь земных племен спасение.

Тогда бы им вовек не быть прощенным за жертву и закляние Его, и если бы они сего не совершили, то род людской бы не вошел в божественный удел.

Покров пророчества, прости незнание дщери Моего народа, и милосердия врата пребудут уж отверсты для нее.

Господь желал лишь отстраниться от Евреев, но не отвергнуть их навеки.

Просили ведь они, чтоб кровь Его упала бы на них и их детей? И в крови сей животворящий дух. Так может ли он смерть нести собой?

Любовь провидческая Бога моего повсюду устрояет возможности спасенья чад своих.

Невежество народов есть залог, что бесконечно сохранен для их прощенья.

Сколь необъятны Премудрость, Сила и Любовь Господни!

О, Род людской, себе подобных судишь ты, своим законам повинуюсь. И разве больше мы законов Божества?

Но правосудию Его способны мы воздать молитвой. В порыве искреннем, рожденном в нашей сущности глубинной.

Чем более порыв сей станет устремленным, тем больше силы и деянья возымеет, запечатлеется характером единства, победы свойством непреодолимым.

11.

И воды, заключенные под землю, зачем друг с другом сообщаются повсюду?

Зачем коловращения они проходят сквозь смрадные пространства и очищаются потом, в волокнах очищаясь?

И воздух почему, исполнив атмосферу, закону повинуется тому же и входит в наши легкие, в растительности токи?

И почему флюиды естества стремятся с места одного к другому во благо всего сущего вокруг?

И почему, коль мы взаимности достойны их, то разом пьем живительный напиток, не пригубив никак налитый кубок?

Сие к тому, чтобы уразуметь закон духовный, правящий над нами, где атмосфера с мудростью граничит.

Верховное вселенское единство, причастники мы все единой мысли. И тот же дух витает в мыслящих твореньях, когда мы непрерывно припадаем к единому источнику его.

И меж собой рассудки наши сообщаются благодаря духовной пище; подобие — тела в вещественном круговороте.

Смогли бы мы от жизни устранимся, когда живое все пред нами? Как можем в неприязни к людям за стол один садиться с ними и пить заздравный братский кубок?

Вещей живых уж не взыскуют люди; все то, что делают они, занятиям предаваясь или плодя научные трактаты, никак их не ведет дорогой жизни.

Хотя одним деянием мгновенным они способны с истиною слиться, чтоб больше от нее не удаляться!

Естественная сила человека, ты поглощаешься, рождаясь, как и прежде, пусть над тобой не властна невольная случайность бытия. Но к бедам прошлого опять ты поспешаешь, сокровищницу опыта пополнишь.

И воздымаешь ты, всеобщий мир разрушив! И маятник был приведен в движение, как только злодеяние свершилось. Остановиться маятник не в силах — сильнее колебаться продолжает.

И должно ждать конца столетий, когда утихнет он в последнем колебании своем и существа все обретут покой.

Какое изумление ждет тех, которые в своей земной юдоли посмели мнить о запредельном мире как о ничтожестве, презрев движение вселенской жизни?

И был бы Бог долготерпением прославлен, коль не сумел бы удивить потомков человека, спешащих в область бытия и света?

Когда они окажутся в уделе, где смогут созерцать флюид простой и постоянный, исток и принцип всех движений, несущий всюду жизни полноту?

Где обрести идею подлинного света, что просвещает при рождении человека? Ведь в жизни дольней мы — пловцы во мраке и атмосфере смутных очертаний.

Премудрость, сколь прекрасна ты, ведь падшее создание способно стать спутником твоим, когда сумеет воспринять и самый малый из твоих лучей.

12.

Да будет жизнь моя псалмом и песнью непрестанной: мощь Бога моего не ведает границ.

Хвалю создавшего я душу человека из сгустка добродетелей своих.

Его хвалю: все мыслящие твари — свидетели Его существованья.

Его я восхваляю: итак, душа людская проявлена как Он посредством слова.

Его я восхваляю: не покидает никогда Он человека в его несчастьи.

Его я восхваляю: Он наставляет человека, подобно нежной матери, что учит своего ребенка шагам первоначальным.

Его я восхваляю, поскольку дал возможность человеку использовать животных в обработке пашен.

О, Люди, прекратите доказывать существованье Бога лишь естеством вещественным. Хотя и тут вы в силах доказать могущество и творчество Господни.

Когда бы материальная природа, исполнив все свои предназначенья, уже бы не существовала боле, как доказали б вы Создавшего ее?

И коль ее вы делаете вечной, то сообщите ей со святостью премудрость, что Бога Вашего достойны, убрав все образы, которые она собой являет: становятся излишними они.

Когда б она не обладала мыслью и свободой, как объяснили бы в ней нестроения, видимые взору.

Пусть говорят о вящей славе Божьей небеса, хотя Его любовь и мудрость свидетельство свое запечатлели достоверно на сердце человеческом.

И в сущности бессмертной нашей, превосходящей всякие границы, таится знак, вещающий о Боге, святом и сокровенном, животворящем, к которому должны мы возносить свои благодаренья.

И если вдруг вселенная угаснет, реальность Божия ни в чем не умалится: одной лишь человеческой душе дано воскреснуть на обломках мироздания.

И если приглушаете вы душу и охлаждаете бездействием ее, нет больше Бога для нее, но нет и Бога больше во вселенной.

Держу я бдящей свою душу, вот почему со мной всегда присутствие Господне.

Ее я устремляю постигать законы Бога в размышленьях.

Ее я устремляю познавать и в жизни применять итог благодеяний.

Ее я устремляю возрождаться в источниках животворящих.

Ее я устремляю воспевать все чудеса Господни, безмерность милосердия Творца к Его творенью — человеку.

И смогут ли мгновения, когда не будет уж слышна молитва, остановить Господне милосердие? Да будет жизнь моя псалмом и песнью непрестанной, ведь сила и любовь Твои, Мой Бог, не ведают пределов.

И только приступлю Всевышнего восславить, пошлет он мне Святого Духа.

Тот станет мне Утешителем мирным.

И сделает меня покорным Божьему порядку.

Внушит любовь мне к Дому Бога моего.

Она же принесет мне избавленье.

Тьма заблуждения отринет от меня, чтоб быть вовек низверженной в пучинах мрака.

13.

Вот падает хрустальный кубок вниз и бьется. Мгновение назад еще полезным был предметом он, когда могли вы поднести его к устам, испив приятный укрепляющий напиток.

Его осколки острые сейчас способны только ранить вашу руку.

Упавший и разбившийся о землю кубок собой являет благосклонность властолюбца, вдруг обернувшуюся гневом.

Спокойный, кроткий этот муж в своей не помутненной славе; когда ж она подвергнется напасти, возьмет он с жертвенника жгучий уголь и кинет вам в лицо, хотя уместней было б собственную славу охранить.

Увы, ему уже не нужен разум, дабы привлечь ее опять — ему позволено прибегнуть к силе власти.

Беда ягненку, оказавшемуся вдруг в сени его карающей десницы. Он разорвет его, сказав затем, что тот являлся тигром; и все за истину примут это.

Утештесь же о мире сем, безвластные творенья. Ведь на себя самих савновники возводят два суда. Пусть осуждают вас они одним, когда вы даже невиновны; другой обязывает их совсем пересмотреть свой приговор.

И разве в силах обрести не зыбкую и стойкую основу презренья подлые слова? Им суждено скитаться, поскольку лишь в обманутой душе заблудшего в смятеньях человека они способны отворить обитель.

О, истина святая, пока ты пребываешь замурованной в гробницах, пусть погребли туда тебя еще живой.

Но ты воспрянешь вновь во всех земных пределах, изгонишь смерть в ее могилу, чтоб облеклась она там тленом.

Ведь сам Господь тебя восставил, который будет впредь распространять твоих учеников в очах народов.

И как Он рек вам? С оружием поднявшийся на вас не причинит вам малого ущерба; и сами будете судить вы все языки, что встанут против вас, приговорив вас прежде.

И в этом наследие служителей Господних, что оправданье предо Мною обретут, — так говорит Господь.

О, жертвы скорбные людских превозношений, крепитесь, дабы не угас в вас утешенья пламень.

И краток переход: обители вам виден уже брег. Так сохраните же в себе живую искру упования, ее одну обороните неусыпно.

Когда придете вы в жилище жизни вечной, понадобится только эта искра, которая, объяв собой пространства, для вас зажжет их светом.

Состав ее воспламеняем больше, чем молнии субстанция самой, стремительней он сполохов зарниц.

14.

Возьми кифару и не оставляй ее. И не давай отдохновенья духу до той поры, пока он запада однажды не достигнет, дабы, вернувшись на восток, начать свой новый путь.

Когда сумеет одолеть он север, то к югу возвратится. О, как от бездны глубины он всякий день взмывает к источнику, откуда истекают волны света!

Господь заставит человека истину услышать, к коей призывает. Встревожит Он его средь удовольствий ложных, вдруг поразив великим назиданьем.

Его Он оживит влечением к добродетелям сокрытым. Его наставит Он в легчайших сновиденьях: «Не так ли некогда Я вел своих пророков?»

«О, люди слабые, ленивые рабы, когда бы оказались вы в сплошном потоке смрадной грязи, как нужно было бы стараться, чтобы на брег сухой вам вновь взойти?»

Воздействие сие уведит от наклонности природной. Но только так способны люди над ней возобладать.

Убежища селение взыскайте: объаты все вы беспросветной ночью, и сложно вам мгновение прожить, невольно не пролив кровь ваших братьев.

Преследуют вас родственники их и непрестанно мнят свершить отмщение. И ваши дни в опасности проходят; Господь же хочет жизнь вам сохранить.

Всецело устремляйтесь в убежища селения, в которых милосердием наполнено пространство, дарованное вам.

Бог умиротворяющий, припомни избранников Твоих, что просят проклятья для себя во избавление братии своей.

Для имени Господня они сего желают. Твоя любовь их поведет в пустыню и будет их питать до той поры, пока оттуда братья их не выйдут.

Заложниками смерти они станут, но выкупишь Ты их.

Одна любовь провидит эту жертву, одна любовь ее постичь способна. Но лишь Твоей любви бессмертной в силах заклятие сие исполнить неизбынно.

15.

И пусть не говорит никто из смертных, что жажда истины дана нам в наказание.

Ведь истина и вовсе не карает, но совершенствует и улучшает.

И мудрость такова: нам служит вразумленьем.

Любовь пути ее уготовляет. Да как могла б любовь карать кого-то?

Вот то, что образует, люди, суть Бога вашего.

Ведь мудрость не войдет в вас искренним желанием, средств верных не имея удовлетворить его. Она есть мера верная, которая в вас действует собой.

Но несмышленные, безумные вы судьи, решившие отъять у слабых смертных меру!

Когда владыками вы рано становились, судили вы о людях по скрытым преждевременным плодам и так вводили их в смятенье.

Когда людей идеи вдохновляли вас, не вовремя внушали смертным вы желания опасные.

Когда привлечь пытались разум их к вещам витиеватым, то затрудняя порождали, сбивая с толку малых сих.

Премудрость, ты одна возносишь человека без усталости и без препятствий в чертоги мирные, где истина и свет.

Дашь посреднику, сосуду своему ты время; и, уподобившись тебе, он изучает все методою негромкой скромной и повсеместно тишину хранит; однако люди нас не разумеют в велеречивости чрезмерной их.

Господь стремителен и пламени сродни живому; овладевает Он частицами огня, которые внутри Его существ заключены.

И пред душою человека Он возжигает светоч; ведет ее Он Сам уверенно до врат любви.

О, человек! Как вострепещешь ты однажды, когда от охватившего смятенья приблизишься сам к области порядка.

И вновь на чудо уповая, которым животворная премудрость воздвигла жизнь мою, как мог в торговца превратиться я, прельстившимся на призраки?

И как в неправедности мог я обличать десницу, что благами меня осыпала своими?

Не победило б слово время и не вошло бы в человека, на нем запечатлевшись, и слышно не было бы вовсе, когда б оно не зазвучало в его душе гармонии напевом, хвалящем мировое милосердие.

16.

Нет, Господи, не должно человеку любыми благами владеть в мирской юдоли, что возникают в представлении его.

Ему не хочешь Ты отказывать в надежде, отчаяньем обьяв, и правосудие не может над ним свершиться целиком: тогда не выдержит его он.

Какой чудесной станет явь грядущего тысячелетья, коль так великолепно и прелестно иллюзия существования земного, обманчивого внешностью своей.

В жилищах горних деянье духа непрестанно.

Туда направит свои взоры вновь возрожденный без изъяна человек; проникнувшись живыми чистыми вещами, их видом он пребудет освящен.

На нем сойдутся все движенья, и без огреха будет развиваться его любое свойство.

И если даже времени течение пройдет, то разве перестанет он правами обладать своими?

Во всякую годину с трудом мы ищем истину и мудрость, но их объемлет только мир, над временем который расположен. Но иго вековое восприняв, невольно искажаем мы понятия эти.

Однако искажения обитателей священных не достигнут.

И кровь земная уж не взойдет над нашей головою: трюичной молнией Предвечный заставил мерно течь ее по жилам.

Связал Он землю с небом, и в души избранников Своих крупичицы духа истины посеял.

Связал Он землю с небом, плодоносить заставив души от Божия сего зерна.

Творенья все пускай в минувшем, настоящем и грядущем Его благословляют имя.

В познании и прославлениях имени Его удастся мне с себя низвергнуть время.

Земли народы, будущие поколения, возьмите в толк мои секреты.

Вы время победите, войдя в покой и ликование душ своих. И в этом для меня — блаженная награда, что снизойдет на песнопения мои.

К Творцу стремились люди через лабиринты; одни из них и преступления совершали, Его взыскав.

Однако тайны Божия господства намного проще таинств человеческого царства.

17.

Осмелится сказать кто, будто зло есть искажение добра? И кто осмелится рассматривать его случайной остановкой в прямых движениях доброго начала?

Всегда потока русло неподвижно; иная у течения природа.

Бытийная обитель предстает пред нами теченьем вечным и могучим, что быстротой своею увлекает все на пути своем и даже сущее по берегам обеим.

Где ж эти берега, или они повсюду? И есть ли что-нибудь в обители живых, способное противостоять стремнине?

В нисшедшем мире сей поток берет начало и возбуждает зло само, пытаясь беззаконье направлять к земной юдоли.

Когда ж добро струится, прерываясь, ослаблено, зло получает власть противодействия ему.

Задача зла одна: тебя оно толкает добровольно извратиться в качествах своих — довлеет неустойчивость над ними; однако ты не сможешь исказиться в сущности своей, которая нетленна.

Вот почему напрасно искать другой подход, иное объяснение для бытия начала своего.

Когда есть жизнь — для смерти силы нет, поскольку обе вещи несовместны. И больше не ищи свое начало в ущербных признаках существования.

Как можешь ты, являясь образом Господним, вдруг оказаться в области теней и созерцать их?

Не здесь ли кроется все то же преступление, что повторяется извечно в страхах, искусствах наших и в грубых суевериях народных? Зачем мы,

уклоняясь, наблюдаем изменчивые знаки и картинки, хотя должны бы воздавать культ образам, первоначал истокам?

В тенета зла попавший человек рождает образ ложного деянья, что в муку обращает его, когда он попытается познать сие и рассмотреть, к воспоминанию прибегнув. Но человек, сроднившийся с добром, приносит добрый плод, который утешение его во все мгновенья жизни скоротечной.

Исследуй обе сущности свои: ты не найдешь в причинах сокровенных иль в смыслах области вещей того, что не открылось бы тебе вполне.

Итак, Господь вложил в зачатки наших свойств развитие их принципа, поскольку Он — начало из начал; и значит, зажечь в себе мы можем свет любой, любую добродетель.

Но как, несчастные безумцы, могли мы мерзостью покрыть свой светоч, и заключить его в такую оболочку? Теперь в печали мы, его не видя.

18.

Уж боле время нет сказать, как некогда Давид: «Господь, кричал Тебе я ночь и день, но Ты меня совсем не слышал».

И двери храма не были открыты; на паперти и сидя на ступенях народ расположился.

Упрятав руки в одеяния свои, люд ожидал зари восход, когда привратники в урочный час всех призвуют к молитве.

Но день настал: теперь мы вправе встать у алтаря. Уж боле нам не надобно, пророки, кричать как вы до ломоты в крестцовой кости, чтоб быть услышанными.

Мы рядом с пастырем своим великим: ему хватает взгляда одного, дабы узнать об искренности веры и жертвоприношения чистоте.

Любовью ваши очи вдохновляет и увлажняет их слезами умиления! Вот ваша просьба, вот молитва ваша.

И вы услышаны: первосвященник сей пребудет с вами. Исполнившись добром, изыдите в дома.

И всякий день возобновляя просьбы, благословения чрез них вы обретете.

Согрели патриархи поле жизни.

Которое засеяли пророки; колосьям зрелость дал Спаситель наш; и мы способны в мгновение любое собрать обильный урожай.

Но побежден ли враг? Спаситель им не соблазнился ни во плоти своей, ни в чувствах, ведь сложен был из чистых элементов, идя путем любви, но не греха, которая его подвигла проявиться в телесном мире.

Не соблазнился Он ни во плоти, ни в чувствах, — от них пришла погибель человеку.

Хоть искушаем был самой причиной плоти: повсюду материя — дорога нестроений и обмана.

Хоть искушаем был в любви и верности в то время, когда Его увел в пустыню дух.

Ведь именно любовь заставила Его обитель славную покинуть и погрузиться в наши бездны.

Престол оставил Он, чтобы смятение воспринять; вот почему не в силах стало избежать Ему удара от влияний ядовитых.

Ведь только Он один, могущества источник, смог передать бы человеку силу с оружием для сокрушения врага.

Когда душа врага повергла в духе, не смеет искушать ее он боле ни оболочкой плоти и ни материею, ей всегда присущей.

Каким оружием Ты победил врага? Какою отповедью Ты запечатлел уста начальнику соблазна?

Писание об этом повествует в трех местах, хотя порой оно вам мнится недостойным вашего рассудка.

19.

Порыву бурному нордического ветра, огням кипучим Этны и постоянству звезд извечного движенья подобной быть должна молитва человека; отдохновенья с перерывом не стоит знать ей вовсе, ведь не подвержена же вечность потоку времени и перемен обычных.

Иакову я стану подражать: не успокоюсь сам до той поры, пока от ангела не получу благословенья. Душа моя томится для Тебя.

Благослови меня земным благословеньем.

Благословением небес благослови меня.

Божественным своим благословеньем.

Благословением святилища Ты освяти меня.

Благослови меня благословеньем силы, премудрости, возвышенной любви.

Прославлю я Господней милости безмерность, могущество Твое и усмирю врагов Твоих!

Мне даст Господь свидетельство завета Своего, и впредь залог сей не оставит уж меня.

И к личности моей приставит Бог надежных стражей: Господни часовые оберегать всё вместе будут — душу, дух и тело.

Вот мое слово к Богу устремилось. К Его престолу воспарив, оно достигло жизненных истоков.

Я ощущаю, как ко мне они нисходят, взыскав все, что им принадлежит. Они суть жития. И все во мне живое — их собственность и благо.

Заключены в них мир и радости блаженство, что не иссякнут никогда в псалмах и песнопеньях.

Девора, Моисей, Захария, все люди Божии восполнили дела свои, благодареньями Предвечного прославив.

Конец труда ознаменован будет славословием от міроздания.

Ведь песнопения присущи ангельским пределам. Но может ли об этом знать сонливость нашей жизни?

Израиль, избран был ты от народов на поприще певца земного. Не прекращай же песнопений и не впадай в дремотный сон, земли дурману предаваясь.

20.

О, что сравниться может с предназначением крещеным быть за мертвых, безостановочно смывать в своих страданиях ошибки, совершенные людьми, что совершаются, иль могут совершиться, перенося чудовищные скорби, которые оттуда истекают?

Так иногда бывает с человеком, и чтоб ни сделал он в земной юдоли, его преследуют труды его же: напиток с горечью в нем бродит непрестанно.

И он лишь занят и обеспокоен желанием избавиться от раны большой напасти.

Господь покоя, если между братьев есть те, кто о Тебе не вспоминают по причине этой, не поступай по отношению к ним, как с теми, о которых Ты не вспоминаешь больше.

Не сопрягаются ли ревность о Господнем доме с любовью к человекам? И разве человек не есть предмет труда Господня и любви Его?

Ты обещал Израилю отдать народы с царствами в наследство, но большее Ты этим племенам и царствам даровал, предавшись им.

О Господе развитие всех таинств бесконечно. Ясны и очевидны для Него течения веков.

Он в первом плотном теле доказал материально нам, что Его имя суще на земле.

И в том удостоверил вселенскую активность сил своих: деянья их пространства наполняют и все ступени временные.

Он нас учил: по образу Его должны мы міроздание наполнить всей справедливостью, распространив ее до мест, где Божье правосудие уже установилось.

Вот груз, который нести обязан скорбный человек; он должен даже взгромоздить на плечи ношу своих братьев, которые по слабости в пути остановились.

Нести он должен тяжкий груз веков ухабистой дорогою по терниям, через кустарник колкий, внимания не обращая на дожди, ненастья, зимы, в удел предназначенья своего.

Бездействием своим способен ты гармонию нарушить. Насколько больше ее может уязвить деянье ложное, замешанное на кощунстве!

Не исчезает ничего. И разве не созреет урожай однажды, когда преступность ваша в свет произведет плоды, которые засеиваются втайне вами нынче?

Чтоб не трястись за будущие всходы, необходимо вам в себе ее умирить. Но этому ль способно настоящее служить основой?

На круговую линию взгляните и, рассмотрев ее в духовном плане и не найдя ее нейтральной, ответьте на вопрос: удачна иль чудовищна она?

Познайте, отчего проистекает скорбь пророков и пажити полны великой муки, гнетущей всех существ живых.

21.

Сидящие на тронах лучезарных, ответьте, почему же люди, столь трудностей в воззрениях породили, пытаясь примирить свои системы?

Вместо того, чтоб обязать всех находиться под игом Божества и признавать единого правителя из сущих, Его ж одним ученым и учителем одним.

Когда прострете надо мною вы карающую руку, чтобы швырнуть меня к стопам своим в подножие престола?

Из точки возвышения подобной я смог бы обозреть разумным оком сокровища всех мирозданий.

Почувствовал бы я в своем обычном сердце настойчиво и остро бессмертную колючку божьей жизни, что направлять должна и освящать все существо мое!

И вам благодаря я прикоснулся бы к подобному единству, которое одно способно примирить всех смертных.

Так зимнею порою свою былую кожу сохраняет змея. Но в силах ли сей коже отвердевшей затем принять в себя влияния весны благие? И как нам кожей новой облачиться, которая проникнулась бы жизнью?

Израниться в кустарнике колючем означает пройти сквозь жгучесть терниев густых, совлечь с себя былую оболочку: за ней уж новая проступит, прекрасная и мягкая, как в первые дни юности твоей.

Жестокоть вражия подобна решетке, где зерние отбор проходит и разделяется. Колючки, что почувствовать придется, болезненно касаясь, станут совлекать моей одежды ветхой облаченья.

Тогда они начертят надо мной союза вечного мистические знаки; и руку заключат мою, а вместе с ней и душу в свидетельство сего завета, который будет закреплен священной печатью.

Естественным рассудком и наблюдением обыкновенным способны ль вы прозреть, познав первоначальное Адама бытие.

Но только возродившись и обновившись в сущности своей, сие нам в силах ощутить.

И в чем же смысл Заветов двух? Иль может, в них речь о том лишь, как соблюсти вторичного существования чистоту?

И все вы, избранные Бога, занявшиеся деланием этим, так мало знаете о бытии Адамовом первоначальном.

Исполниться священные предания должны лишь духом истины, — никак не мудростями падшего рассудка.

О, мір! О, мір! Так почему не стал достойным ты Его, когда открылся Он ученикам еммаусским?

О, сколь чудес Он мог им сообщить, ведь обращаясь к ним, уже преодолел Он смерти состоянье.

Теряет ли из виду мать ребенка своего, когда наказывать приходится дитя за послушанье ранних лет? Определив ему разумную границу, она лишь отдаляется на несколько шагов, за ним оттуда наблюдая неусыпно.

Подобным образом и Бог вершит с повинным человеком.

О, если б ведало дитя, что в сердце матери его! Тогда бы никогда оно не испустило порывов крика гневного, которые родительницу сильно огорчают. Ведь ждет она от чада восторга дружбы и раскаянья слезы.

Порою, даже потаенно к тебе друзей хороших шлет она, способных побудить тебя молить о милосердии ее.

Последуй же спасительным советам! Спеши, любезное дитя, уж нет преграды для тебя и расстояния меж нами, ведь снова можем мы обнять друг друга.

Так и Господь надмірній во всем родительнице нежной уподоблен; всегда Он ждет смирения от сердца человека: готов к тебе Он взор Свой обратить и вызволить тебя из плена.

Пусть не осмеливается боле человек именовать Тебя Своим Отцом: он отнял у себя такое право за прегрешения и беззакония свои. Но Ты, Господь, по-прежнему считаешь его за сына Своего: Ты даровал ему прощенье с забвением грехов искупленных.

В оставленности дух человеческий произрастает, когда наказан! Взрастает он в ничтожестве, когда уж больше нет достатка *бытия*.

О, если бы любовь повсюду не являлась сопутствующей правосудию! О, если бы обычные цари земные снабдили сами бы Меня необходимым для кары грешников маститых, которых бы заставили низвергнуть богатства и в роскоши свободу!

Увы, Господь уж мір бросал однажды в бездны, и не желает Он обрушивать его туда за разом раз.

С высот престола Своего Он слышит вопли сынов Израиля в земле Египетской. И вопли эти низводят собственное имя Бога, познать которое, казалось, не в силах были ни Авраам, ни Исаак, ни Иаков.

Поскольку беззаконья наши уже обуевают, постольку благодетельный Творец земного бытия спешит направить действенной лекарство нам.

23.

В свидетельство был послан человек: победу истины над ложью утвердить и жизни над небытием.

Но сделавшись пристанищем скорбей, уже не знает он, где дать рассудку своему отдохновение.

Господь сказал: я от рассеянья вновь соберу Израиль. Они же молвили: поделим на колена общество израильтян.

Упала ветка с дерева. И коли подобрал ее безумец, способен ли он, рассмотрев ее, познать природу дерева самого?

Но он ее восставил против дерева и, поразивши ветвь, решил обезобразить и покалечить все плоды.

Так знайте, смертные: насмешники-лжецы окажутся на наковальне и в печи пред тем как в лемехи от плуга превратиться.

Власть времени обещет камни для грядущего строения. Она предуготовит и металлы для украшения Предвечного храма, и переплавит их в огромной печи, дабы они очистились от шлака.

Ведь люди, прежде пережившие страданье, приобретают кроткий нрав, что гибкости подобен. Что золото собой напоминает, которое возможно обратить в нить тонкую, не применяя силы многой.

Металлы ломкие никак не выдержат такого испытанья.

И что способно отлучить от Бога человека, когда стремится он к Нему и в скорби, и в любви?

Врата любви отверсты, и человек имеет два пути сегодня. А раньше обладал он только именем своим, подобный падшим духам.

Когда от мира он последует любви, избрав своим учителем лишь Бога, предав Ему в дражайшие супруги душу, для будущего царствия он станет безупречен.

Обязан возрастать в первоначальной славе человек, которую стремился умалить. Законы преходящие рассудка пришли к нему на помощь с той поры, как оказался он в падении своем.

Они должны вернуть его на путь безмерный совершенства, что предназначен был ему от самого рожденья. Иль риза милосердия Господня не скрыла рану человека?

Иль снадобьем не обработана она для исцеленья? Но в ране, ризе и лекарстве, какой сокрыт простор исследования слова, утешения человека.

Господь, Господь, и вправду человек не в состоянии с очес Твоих укрыться, поскольку дух Твой и Твоя любовь переполняют землю.

Но в равной степени и Ты от глаз людей не можешь утаиться, взыскующих и жаждущих Тебя.

И Человек желания не станет более испытывать доверие Твое в несправедливостях, творимых по отношению к себе подобным.

24.

Так пусть же в наш последний час пребудут с нами лишь наследники прямые, имеющие долю в нашей брэнной ризе. Вот как рачительно распределится наследство наше.

Агенты чистые природы возьмут себе вещественную сущность нашу.

Благие люди же в веках от нас воспримут спасительные токи.

Столетие же память сохранит.

Достанутся избранникам Господним труды, что совершили мы в земной юдоли.

Сановники от нас получают рассудительность и справедливость.

Блистающие ангелы открытия и истины удержат, которые нам удалось постичь своим мышленьем.

А почитание законов естества и наша добродетельность для целомудренной жены пребудут.

Дух изопьет от нашего усердия и преданности нашей.

Божественный Спаситель войдет в наследие любви, которое оставим.

А нашу святость увлечет Господь и всех существ Создатель.

Подобным разрешеньем дела ни *татам*, ни *сутягам* ничего не остается.

Но что необходимо предпринять, дабы достичь сей милости? Поддерживать порядок должно совершенный во всех владеньях наших.

До срока нужно будет умолишь великого Судью прийти и наложить Свою печать на все, чем обладаем мы.

Дабы почтение и страх, внушаемые Именем великим, изгнали бы всех тех, которые в обитель нашу входят с намереньями злыми.

25.

К терпко-соленым источникам дерево корни низводит, чтоб опреснить их и плод приносящими сделать, почву свою увлажнив.

После побеги пускает в пресной воде утонченной, что производят плоды.

Отпрыски силы, в объятья свои водворите слабые поросли, дабы служить им опорой, словно молодой виноградной лозе.

И в жизненной стремнине раскройте течение до корня человеческого сердца. И смойте все, что обрезанием отсечено железным и может ока-

заться чужеродным; наполните бесплодные долины водой живой, светящейся алмазом.

Но мог бы я стремиться к вам навстречу? С землею связанный, былинке полевой подобен, не стал бы осужден я, как она, к бесплодной неизбежности зимы?

Иль стоит подождать, пока весна, теплом лаская, не отворит спасительные воды, громоздким ледником застывшие в горах, и не прольет обильно их для утоления зимой иссушенной равнины.

И не впадайте в день, когда пребуду мертвым, в печаль великую, меня вручая скорбной бездне. Сим неизбежно затворите вы потоки, что орошали бы новопреставленного, замкнувши на себя большие воды.

Но снизойдя тогда по *деревам эдемским* до глубочайших недр земли, я устремлюсь потом в воздушное пространство: там чисто и привольно станет мне.

Не буду больше тем, кто обращал врагов в паническое бегство, кто врачевал пороки братьев и подданным повелевал своим.

И обладающим не буду больше я ключами жизни и ключами смерти для отворения архивов, в которых тайны Господа сокрыты и изволения Его.

Подобных множество чудес восставит для меня елей *эдемских древ*. Он — свет и жизнь. В очах моих он все картины воссоздаст истории природной человека.

И даст постичь задачи, которые мне суждено исполнить, домостроительству содействуя Господню.

26.

О, истина, пусть лучше люди подальше пребывают от тебя! Сколь можешь ты терпеть их заблуждения, невежество, преступность?

Им неизвестно даже прав политических, земных происхождение; законам не спешат они повиноваться, которые за справедливость почитают, лишь только голоса на выборах получают.

Не то же ли ребенку объяснять семейные законы, что смертному законодателем являться? Иль, может, существует в природе человека вместилище закона, которое его намного превосходит, не будучи его твореньем?

О, как желал бы человек исполниться столь совершенной силой, когда бы обладал в политике бессмертьем, неодолимым счастьем, защитой от недуга всякого, прибежищем от нестроений разных!

Безумство смертных: природа ваша зыбкая и темная юдоль, где довелось вам пребывать, всегда сопротивляться будут вашим упованиям.

И вашу осмотрительность минуя, Провиденье не прекратит у вас ни нужды, ни опасности из страха, что бренный мир сочтете вы обителью отдохновенья.

Оно вас любит очень, а посему не в силах возможности лишить вас умолять Его, о помощи взыскаю.

И поразмыслите потом над применением ущербного закона, который вы себе творите. Исследуйте означенное право, его вооружив жестокостью, несправедностью, злобой, ведомыми коварством, алчностью иль местию.

О, сколь чудовищно тяжелый груз отобразят тогда весы людской идеи! И как же не сосредоточить на их другом конце груз противоположный, который бы служил противовесом?

Не правда ли, что всякий зрелый ум придет к необходимости подобного деянья?

Но коль рассудок твой к пытливости не склонен, увидит он весов две чаши на уровне одном: подходом этим отличались Манихеи. Когда ж за истиною ум твой поспешает, тогда быстрой постигнет, какой из грузов должен перевесить.

За этим он узрит Предвечного десницу, что может равновесье удержать весов иль попустить склоняться им по сторонам обеим. В деснице сей и заключен источник верный власти, общественных законов.

Потом увидит, как возвышенная сила, весы установив, оставила свободное движенье обеим чашам их. Кто истины сии уразумеет, пока самостоятельно не сможет проникнуть в средоточье мысли человека?

О, человек! Доколе ты пребудешь согбенным под тяжестью презренья своего и выводов поспешных?

Когда твоя душа познает скорби того, кто человеком изволения (*l'homme de desir*) зовется, и в силах будет осудить своих иллюзий жуткую беспечность?

27.

Вы говорите, — этим строите дома! Вы говорите — собираются войска и сокрушают ваших супостатов!

Вы говорите, — науки, знания передаются в сознание тех, кто слушает, внимая вам!

Вы говорите, — и язвы со скорбями проходят у больных и страсти утихают, освобождая в сердце человека обитель для света истины!

Вы говорите, — возникают брачные союзы; вы доверяете затем своим потомкам права и почести, что ждут они от вас.

В себе содержит ваше слово движенья мощь необходимости верховной; и все работы, что производит во вселенной человек, являются и могут быть плодом лишь слова вашего.

Иного нет закона для земной юдоли. Когда бы слово не несло в себе деянья, то как бы мироздание смогло благодаря ему образоваться? Когда

бы слово не несло в себе деянья, то как бы человек смог ощутить свое высокое предназначенье?

И какова загадка: то же слово приносит человеку утешенье в бездне, где он пребывает, и помогает выбраться оттуда. С тех пор как существует человек, над ним владычествует слово, — оно лишь изменяет свой язык и способы произношенья.

О, смертные, поскольку не можете вы верить слову, удерживающему все, вы вынуждены верить слову, все сотворившему.

Так знайте: нужно в девятицы оболочку мысленно проникнуть, чтобы прочесть его происхождение.

Могло ли слово уничтожиться, от этого числа однажды отделившись? Теряло ли названия свои? И вы бы не утратили своих именований, когда бы погрузились в бездну?

Но слово вечно, ибо жизнь оно. Взысуйте жизни, — ощутите вы его, и вы его вкусите, удостоверившись, оно — в самом себе.

И коль сумеете почувствовать вы жизнь, уж более не станете себе творить отчета, что слово есть, поняв единое без всяких вопрошений: оно — утеха для души, для духа вашего — простая аксиома.

Почувствуете вы, что жизнь и слово являют лишь себя самих: другими быть они не могут. Но разве известные вам аксиомы могут уничтожиться, иль исказиться? Не кажется ли вам, что вечные они?

Хотя они суть следствия единой высшей аксиомы; посильно же бывает рассудку вашему измерить справедливость и сердцу жизнь вкусить.

О, разум человеческий, зловещее орудье, которое нас вводит в заблуждение; ты дан нам, чтобы нас приблизить к жизни, но скольким послужил ты для удаления от нее!

Ты сделался погибелью среди долин плодоносящих: по ним идти необходимо правильной дорогой, чтобы случайно в бездну не упасть.

28.

МОЛИТЕ ГОСПОДА! Но разве можно Его просить о милостях и дарованиях, пред этим не очистившись нисколько, не сделав добродетельною душу? Что значило бы нам Ему продаться.

Кому же из властителей земных предоставляется служение и должность? Тем, кто, казалось бы, в усердии, в трудах способен к ним.

Считайте это никак ни повелением небес, ни воздаяньем по заслугам, а лишь плодом духовного соизволения.

Собратья, когда б не ведал человек значенья своего, увидели бы вы, сколь сумрачна житийная дорога для тех, кто не пытается подняться больше к свету!

Мы не найдем себе отдохновенья, пока стези Господни не исправим и не укроем улицы Иерусалима цветами и ветвями пальм.

С каких вершин заоблачных пределов низверглось наше существо? Но имя Господа его сопровождало.

И сколько времени еще необходимо, чтобы сие священное зерно нас вознесло к могуществам своим!

Грядите истины путем, пусть враг и станет искушать вас, вводя в уныние вначале, затем манящим призраком успехов ваших и блеском жизни, *который вы воспримите за жизнь саму.*

И если даже нечистый может образ человеческий принять, не в силах он взять сущность образа людского.

Напротив, чистый гений сумеет обладать и внешностью, и сущностью людской, держась всегда животворящего удела, поскольку он приходит дать нам жизнь.

Припомните Азарию с товарищами в печи; Спасителя представьте до и после Воскресенья, и в Вознесения Его день устремитесь, узнаете тогда вы три ступени человека изволенья (*l'homme de désir*).

Вострепещи же, слабый человек, спеша дорогой тления и смерти, и встань на страже, дабы не утратить духовного чутья. И помни: враг лукавый знает только то, что открывается ему.

Когда Спаситель находился в духе, смятение в Его душе пытался враг посеять, осмелившись заговорить с Ним и искушать Его.

Когда же благодать Господня характер Богочеловека воспитала в те самых сорок дней молитвы непрестанной, и ангелы с небес сошли, чтобы Ему служить, не признавал Его лукавый на земле уже посредством душ людских, в которых водворил свою тлетворную обитель.

Но лишь благодаря душе осознается Божество: она — посредник подлинный во всем; и без нее лукавого нечестье располагалось бы весьма далёко от Божества невыразимого.

И по причине этой ее к безмолвию приговорил Спаситель, чтоб святость не была осквернена нечистыми устами.

29.

Когда в душе возникла рана, ее просветит луч: его частица каждая в своей пропорции причастна жизни.

Но отделяясь от любви, впадает человек во тьму и преступленье. Но Ты, Предвечный, наградив Своей любовью и средствами с Тобой соединяться человека, сумел его освободить, Своей возвышенности вовсе не нарушив.

Не для того ль земное время установлено премудро, чтобы убить в нас солitéра, который пищу пожирает нашу?

Потомки человеков, зачем вы трудитесь усердно, как будто отстранившись от дела главного, оставивши его?

Без *соли* внешние агенты смогли б разрушить ваше тело; без *масла* соль разъела б вас: так эти вещи служат вам покровом, который вас предохраняет.

И не являет ли собою юность суждений прямоту и чувство справедливости живое?

Когда младое нежное растение было возделано прекрасно, то разве его не станет юность расцветом добродетелей подобных?

И зрелый возраст разве не произведет обширных и глубоких знаний, а старость — снисхожденья и любви?

Увы, в каком порядке окажется последование это, какой накопит опыт человек, когда впустую время он потратил?

Ведь было время для него дорогой праздной; теперь же остается у него путь в терниях или безвременья стезя.

Так пробудись от сна, который завершится, когда в могилу обратится твоя сущность. И к свету устремись, и бодрым будь в превратностях, тебя вдруг одолевших.

Есть время для скорбей. Но запалив однажды пламя духа, не стоит больше помыслами грезить, а нужно поддерживать огонь сей.

Ведь принцип брэнной жизни прост как детство человека. Духовной жизни принцип прост как истина.

Чтобы познать и ощутить божественной блаженство жизни, необходимо над временем восхититься.

Когда ж свой дух ты к Богу возвышаешь, следи за тем, чтоб твое сердце не оставалось на земле.

Когда возносишь сердце в небеса ты, старайся, чтоб оно туда летело на крыльях духа твоего.

И этим способом стяжаешь сразу в себе сокровища любви и света.

Воспримешь ты определенную идею великой Сущности, которая вознесена над временем: Она имеет совечные Себе божественные свойства, творящие и существующие только в святом возвышенном единстве.

30.

Не с этой же ли целью я на земле, чтобы искать сближенья с Богом? Я поклянусь торжественно, что эта цель неизгладимой будет и в моем сердце, и в рассудке.

Придите, чистые служители Господни, в свидетели завета непреложного, который я хочу составить с моим Богом.

И пусть могущества, исшедшие от Бога соберутся, воспламенившись ревностью и славой, и обратят свой слух к словам моим.

Я связываю сердцем, духом, намереньем в завете вечном Бога моего с людским потомством.

К подножью вашему кладу все существо свое с любовью, подобно древним христианам, приносившим к ногам апостолов все ценности свои.

Во имя вездесущности Господней, себя я посвящаю жить, мыслить, умереть для Бога Моего.

Позвольте каждый день мне обновлять присягу истинную эту.

И если даже окажусь я недостойным и несчастным, ее забыв, восстаньте на меня и ополчитесь свидетельством.

И принудите вы меня платить хвалебной данью, которую я задолжал Владыке Своему.

И Ты, предвечное животворящее Начало всего, что существует, на страже стой присяги, данной мной, и будь ей главною опорой и поддержкой.

Враждебные народы к Твоей славе воззрели на моление мое. И если Ты ему не внемлешь, они рассудят, будто ты — Господь, к которому напрасно с мольбою обращаться, и так восторжествуют.

Но лишь один триумф оставлен на земле для миротворца. Он — в вящей радости основываться в Боге, быть направляемым Его десницей.

И только Дух Святой людей сим счастьем наделяет, поскольку Сам вселенское движение приемлет.

Ведь Он — основа и могущество одновременно: они ж собой являют четверицу.

И без Него ничто не в силах познать предел и полноту.

Ведь Он связует Слово с твореньем шестидневным Бога и помогает беззаконье выявлять под внешностью благочестивой.

Он — крайний ток божественного мира, соприкасающийся с первым током жизни человека.

31.

ПОМЕДЛИ, ГОСПОДИ Всевышний, ... и дай мне время припасть к Твоим стопам и, к милостям Твоим себя предуготовив, стать более достойным их.

К подножию Предвечного пришел я приклониться; благоговей в безмолвии, душа моя...

Не захотев предать меня на самобичеванье, Господь меня взыскал, и Он меня настиг.

Явился предо мной людей божественный Спаситель, простершись сам к подножью Мудрости верховной.

Отбросил славу Он, от собственного Божества оставив лишь средоточие неудержимое Своей любви.

И бремя правосудия облегчил, что вызревало на судилище ужасном Всевышнего и угрожало человеку падшему.

Оно возмездия бросало взоры над бездной времени, уж изготовившись вселенную обрушить.

Но героический и славный Искупитель, как будто сотворил огромный океан любви и милосердия, откуда потоки жизни истекали, неся свои спасительные воды.

Объем их превзошел всю тяжесть правосудия Господня, и уподобились они сияниям бесчисленных огней небесных, которые изглаживают мглу планеты нашей темной.

Усилием совлек Он груз с весов, заставив их склониться в пользу несчастного потомства человеков.

Его я ощущал влиянье Божества, Его дыханьем проникалась моя сущность, испепеляя скверны все огнем и будто растворяя их в живительном потоке возрождения.

Вот так, Господь верховный, относишься Ты к хрупкому творенью Своему! Ты щедро наделяешь милостью его, коль даже ничего не сделал он, чтоб заслужить ее.

Я на ноги поднялся и теперь уже не буду прежним человеком.

Все пути, до сих пор меня сжимавшие и голову клонившие к земле, разорвались.

И искушенья, отравлявшие меня, исчезли; журчащие источники привольно изошли из сердца моего.

В своем течении неслись они, преграды не встречая, к пределам мірозданья, дабы созерцать порядок и законы Архитектора Вселенной.

И к бездне, дабы там увидеть правосудие Его, к Его обители священной и моему первоначальному жилищу, дабы покоя там обрести от человеческих сует.

32.

Ступайте по стезе пророков и дух пророков встретите однажды. Иль ведали они о холодности вод? Они лишь знали милосердья муку.

Душа их, несомненно, не была свободной столь же, чтоб воспевать о радостях Господних.

И как их воспевать, когда твоя душа в печали, оплакивая беззаконья братьев?

Они Тебя хвалили, мой Господь, народам возвещая, что те изгнанниками стали и рабами, когда от Бога отделились.

И песнопений радости они не исполняли не из-за собственных проступков и грехов, тому препятствовавших: они стенали об ином.

От лона материнского Твой дух заботился о них; и в поколениях своих они, подобно Ною, являлись чистыми. И целомудренными были, как Твой дражайший Провозвестник.

Вот почему Ты их избрал народам во спасенье для проповеди слова Твоего.

Но мы собой являем только беззаконье. Какие ж песнопения нам исполнять пристало? И радости псалмами станут ли они? Ведь слишком далеки мы от святого града.

Когда бы лиры мы имели, повесили бы их на ивы плачущие: так сделали Евреи, скорбя на реках Вавилонских.

Блажен, кто не соприкасался с пределом смерти и небытия, кто зимний холод остается встречать с любовью в сердце!

Он может уповать на возрождение весной!

Блажен, кто, прежде чем предаться картинам искусительным ума, пытается изгнать из сердца любые малодушие и слабость!

Познает вскоре он верны ль они, спасительны иль пагубны, поскольку осторожно отдалится от этих обольстителей лукавых.

Тогда оборонится он от бездны мерзости прохладной, от мерзости, уделом предстающей робких и ленивых.

Так пусть же пламя ревности снедает нас, тогда произнесем во глубине сердечной: без Бога Нашего не существуем мы.

33.

Он постоянно просит соответствовать вас истине завета.

И обращается Он к вам: подобно Господь к Исае обращался; Он отвергает слух ваш каждым утром, Он научает как наставник вас.

Оставьте механические средства, что были собраны среди осколков знаний людьми, чья любознательность затмила мудрость.

Неосмотрительные люди эти *могуществом* решили обладать, и вещь они нашли иную, но не *корень*.

Своим избранникам Господь Един о средствах сообщает, которые в Его труде необходимы.

И как бы вы смогли себя снабдить рассудком, который бы искусственным являлся, все идолы — произведения ваших рук?

Оставьте кротко действовать над вами Того, Кто вас взыскует; Кто о Себе вещает вам в подобии природном и повторении деяний чистых и благих.

И кто, кроме Него, достигнуть может высшей цели по возрожденью человека? С Ним несравнимо всякое творение вселенной. С Ним несравнимо даже истечение всех мыслящих существ.

Ведь чтобы сотворить все эти чудеса, достаточным явилось развитие Премудрости могуществ, которое есть истинный закон, всегда присущий Ей.

И чтобы человека возродить, всех средоточье сил необходимым стало, уничтожение и устранение в Себе Самой Премудрости на время.

Необходимым стало и Ее уподобленье безмолвия пределу и небытия, чтоб не был он ни ослеплен, ни поколеблен Ее присутствием.

О, лицемерный человек, умерь свое шумливое движенье, не отводи своей руки от Духа, который возжелал тебя приять.

Он просит лишь тебя остановиться, поскольку суета твоя претит Ему.

Но где же место действия для Духа, ведь все полно бурлением людским?

Где Тот, кто дуновеньем Духа возродился? Где Тот, Кто пронизал, рассеял все оболочки бранные, в какие облачился.

И не был ли подобен Он ягненку в лесу забытому меж хищных тварей?

Как некогда в огромный океан мир превратится разом, и как корабль единственный окажется в пустыне водной, где непрестанно будут бури ополчаться на него и волнами терзать.

Таким среди людей и будет праведник, который возродится дуновеньем Духа.

34.

И устраненье Господа и Духа на мгновение одно, начало жизненное наше смерти доставляет: смертельный паралич тогда его объемлет, что отличит разумный наблюдатель.

Оставили для мысли мы своей, как будто бы напасть и рану нарочито, об этом заключать, и кажемся теперь для обывателей людьми несносными.

О собственных грехах я объявлю мірам.

И пусть вселенная меня сполна очистит, когда бы смешан был со всей ее землей и всеми водами ее омыт, иссушен был бы весь ее огнями.

И пусть же всё, что образует мірозданье, услышит вопль моих скорбей. Отдохновения себе я не позволю, пока им не наполню целый свет, звучать заставив мной; достигнет крик затем обитель жизни.

Не это ль беззакония мои, обрушившие на меня мой вопль печальный? И должен ли сносить всю тяжесть их, едва приподымаясь от согбенья, пока заря не просияет сквозь руины эти и не воспрянет для меня свобода?

Так плачьте же со мной могущества природы и будьте песней заунывной погребенья человека.

Утратил силу он, и дни его угасли, но вы обязаны ему изрыть могилу и там его похоронить.

Ваш пламенный в нее спешите ниспровергнуть.

Ее не укрывайте вы цветами, уподобляя могиле юношей и дев, в невинности почивших.

Он в преступлении скончался. По членам его смрад распространился.

Его вы быстро погребите в земле глубокой, из опасенья, чтобы он пределов ваших не разрушил.

35.

Отныне кто меня осмелится низвергнуть? Господень знак на мне запечатлен. Им восстановлен мой завет с Божественной Первопричиной. Меня он побуждает причастным быть Его теплу, Его предвечному *присутствию во всем*.

Попрал ногами я иллюзии пространство, вкусила действия душа моя и ощутила в себе самой от Господа происхождение.

О, смертные, от Господа свое рождение вы бы знали, почувствовав в себе все то, что повторялось от вещей начала, когда имели бы простое дерзновение к истоку жизни возноситься.

Ведь принцип жизни созидает вас всегда, пусть даже вы не видите того. Творил бы одинаково он вас, когда свои внимание и взгляды на нем сосредоточили бы вы?

«Что за туманная премудрость? Ты для Меня подобен писку насекомых в тюремной камере, что мнят провозгласить свободу мудрецам, хотя вопрос сей должно разрешать в совете королевском.

С невежеством, ничтожеством своим сравнить осмелился ты славу и величие престолов. Поскольку слава эта в твоей юдоли не сияет, ты вознамерился презреть ее существование.

Скажу о чарах, что прельщают постоянно род людской: напрасно Мне приносите вы в жертву свои утечи, пытаясь уподобить их тому, что испытую Я».

Мой Бог намного более, чем вы; Господь мой — всё. Где обрету иное существо, что столь же милостиво было бы, как и мой Бог?

Неверию скажу: посмеешь ли ты в разуме моем установить свое господство за счет Того, Кого я чувствую в душе?

Как можно поносить единственный источник жизни животворный? И разве, отрицая это Существо, не станете использовать вы голос, слово, которыми Оно Само же одарило нас?

И отрицать Его, не значит ли доказывать Его?

Материи скажу: довольно искушать мои глаза обманчивой реальности картиной. Ты, действуя упрямей, все больше разделяешься, пока подобным разделением не приведешь себя в небытие.

Но дух, наоборот, сильнее поднимаясь, возрастая, все больше упрощается: предел его не знает ни разницы, ни разделения.

Чистейшая, божественная радость, не стань во мне отнюдь бесплодной. Ты слишком полна, дабы мне вместить тебя; однако я желаю, чтобы все сущее свидетелем твоим являлось.

И уподобившись священной лире, которую избрал Предвечный от времени для песнопений дивных, я воспою присутствие Господне и славу Господа в Его премудрости невыразимой.

Предуготовят их аккорды небеса, вселенная возвеселится: человек в согласии соединился с Богом; и бездна затрепещет от бессилья поколебать гармонию сию.

36.

Блаженны души, что пред истиной смирились: они миролюбиво переносят несуетность спасительной росы!

Надеешься ли рану исцелить ты нетерпением? И разве, слишком рано сняв с нее повязку, не сделаешь ее больней намного? Страдай, молись и ожидай!

Взгляни, как далеко от нас сияют звезды, а трон Предвечного и вовсе в стороне от этих сфер; ты в числах выразишь едва ли путь к Его престолу.

Но там рождаются живительные воды, которые одни способны напитать твое жилище бренное земное. Изысканы они там, чисты, непостижимы для восприятия и мысли человека.

Оттуда падая, они нисколько не теряют их животворных качеств, но уплотняются, свыкаясь с нашим естеством.

И так прозрачна последняя ступень их уплотнения, что глаз людской не выдержал бы блеска, не обретя ни зрелости, ни силы.

Лишенный этого живого и творящего эфира, ребенку в чреве матери подобен, который воздух естества не знает, инертными имея качества свои.

Се жизнь, всё пронизавшая. Следите за своей душой, чтобы она вдыхала жизнь и ею проникалась. За ней следите, чтоб в общение вошла с первоначальной своею атмосферой и отношения бы с ней установила, которые вовек не прекратятся, пусть день сменяется и жизнь телесная проходит, а за приливом следует отлив в природе.

Нет, смертные, нет, баловни творенья, не прекратится это вовсе для вас. Но, может, еще будут остановки на том пути?

Однако, познав небесных радостей сполна, способны ль вы опять ниспасть в болотную трясиину смерти?

Иль можете вы оказаться вновь добычей вечного клеветника, который навеивает непрестанно всем намерения возможностей превыше, дабы покрыть людей позором и стыдом?

Великая Премудрость, порой Ты воздвигаешь человека своей десницей мощной, его подымаешь Ты к пределам горным и погружаешь в бездну.

Его Ты заставляешь ощутить хлад ледяной от северных широт и южный зной невыносимый, дабы он знал, что Ты — Господь единый, дабы не возносился он и не впадал в уныние.

Надежда и смирение — вот составные части, из которых желаешь Ты создать в нем божье милосердие, ведь добродетель эта единой почестью перед Тобой предстанет, чтобы быть принятым ему в обитель мира, радости, любви.

37.

Как будто бы моя особая тут радость утвердилась, когда усердие о Доме Господа меня снедало. И радость утвердилась воистину: с тех пор я плачу и собой являю того, кто словно бы для мертвых был крещен.

Кто помешает мне теперь нести до гроба утешенья идею, которую Господь меня сподобил?

Увы! Душа людская — это решето, которая в содействии добра должна препятствовать просеиванию зла. Она разрушила свои стези и послужила лишь решетом для зла, мешая через себя просеяться добру.

И вновь необходимо ей заслоном стать для зла, чтобы добро смогло сквозь это решето пройти в чистейшем виде.

Какая скорбь способна сравниться может с моей тоскою! Высокомерные в коварстве властители земные, все беззакония лихие ваши покажутся ничтожеством, приблизившись к моей печали.

Напрасно вы взметнули от земли змею, которая желает своей мертвящей хваткой впиться в мое сердце.

Напрасно ослабляли вы меня, когда змея уничтожала всякий день часть моей жизни, собой охватывая все пространство от сердца моего и до могилы.

Напрасно с ней связали вы счет дней моих: его поправанье полное меня удостоверит прахом.

Любовь, какую вновь я ощущаю к душе людской, меня избавила от беззаконий, которые вы причинили мне.

Ведь к Богу приближаясь, переполняюсь я любовью к вам, прося Его простить несправедливости, что вы творите.

И впредь не отдаюсь от радости Господней я, от радости, что в слезах возрастает, которой ведома лишь ревность о Доме Божиим.

Он действовал со мной как ревностный учитель, заботливо внушив мне страх перед Собой, чтобы кроме Него я не любил иного.

То утешал меня Он, когда испытывал я нравственные муки, то насылал мне их, которые мог только Сам утешить.

Чтобы чрез это меня заставить обращаться лишь к одному Ему, предавшись в Его руки. Ведь мог бы Господа покинуть я, и мог бы предпочесть иную вещь, а не Его, и мог бы опереться на могущество иное, но не на силу Бога моего!

Могуч и праведен один лишь Он, и правосудие ему вершить пристало среди судилищ человеческих.

Иакова звезда, непобедимый в испытаниях Лев из Иудина колена.

Являлся Он могуществом и светом; и Он обрел в Себе, чем противостоять врагам Своим.

Он жизнь саму мог даровать бы тем, которые Его предали смерти.

И лишь один Он может утолить того, кто жаждет, и предоставить кротость изволения ему и исцелить его от вынужденной скорби.

Поскольку воды из этого чистейшего ключа неиссякаемы, несут в себе они соль мудрости для пробуждения непрестанного желанья со вкусом истинного человека.

38.

Остерегайся, бранный человек, творить молитву нерадиво, желая все достигнуть без труда. Чем действие разнится от молитвы, и какова молитва, что действие влечет, сливаясь с ним?

Земного бытия наставник-ангел правит человеком, достойные и чистые деяния внушая. Он им руководит, его он бдит и охраняет, наставником и стражем смертному являясь.

О памяти и разумении своем для жизни в дольном мире позаботься. И в этом состоят твоя задача и деланье твое.

Здесь человек не есть еще в юдоли освященной, где предстоит ему лишь радость и опасности забвенье.

Где сможет он дивиться непрестанно и не иметь нужды припоминанья: все для него непреходящим и присутствующим обратится.

Сужденье станет для него не нужным, ведь ничего там смутного не будет, и разум непрерывно примется все постигать.

А здесь подобен человек Евреям в рабстве, из коего они, освободившись, свой хлеб искали посреди превратностей войны.

Название хлеба и войны название, не однокоренное ли происхождение имеют у Евреев?

Тут человек в законе детства пребывает и управляет им ребячества наивность, что увлекает долу даже разум и качества любые зрелых смертных.

Здесь человек в законности ущербной, поскольку все низвергнется, небытию предавшись, тогда как все должно расти и возвышаться в обитель света животворную.

Уничтожает, растворяет время, прообразуя на тебе уж трещины, рас-
селины строенья, уже начавшего шататься в основаниях своих.

Раскроешь ты зари рождающейся сумерки густые и, уподобившись
посланникам Навина Иисуса, ты сможешь рассказать своим собратьям
о чудесах земли обетованной.

Измерь пространство и продолжительность упадка вящего законов
на земле. И сопоставь: *четырнадцать и пять с семьюдесятью, а пять*
и *девять* с цифрой *сорок пять*.

Все истечение форм отсюда: конец их и пределы имеют свойство пяти-
рицы. И древо ли не познается по плоду своему? Исследуйте лист виног-
радный.

Вас удручают, смертные, превратности и беззаконья мира. Болезни вас
в уныние ввергают, крушат невзгоды и утомляют политические страсти,
а бедствия стихии ледяной внушают ужас вам.

Сосредоточьте вашу мысль на бедах подлинных, что вас одолевают:
тогда под силу все перенести вам, и все несчастья, названные выше, уж
боле не затронут вас.

Что значит легкое недомоганье в глазах терзаемого страшной мукой,
который ощущает бич страданий неотступных.

Без друга вашего, что ангелом зовется, не стоит делать даже шаг один;
пребудьте же в руке его, подобно детям, которых он ведет: пусть сами не
идут они, но движет ими его сила.

Когда бы рассудительности ради не отвергали бы его содействий вы, то
не нуждались бы в мольбе к нему, имея лишь одну заботу — его любить,
им восхищаться.

Ведь исполняет он обязанности все, которыми же сам вас наделяет,
и чувствуете вы, что это он и был, молившийся за вас и в вас.

Но, смертные, напрасно счастье вас взыскует, — обходитесь вы с ним
как с собственным врагом, заботясь лишь о том, чтобы оно никак бы к вам
не прикоснулось.

39.

Моя душа поднялась на вершину горы Сион. Как я хотел бы сделать
вечным здесь пребывание свое! Отсюда моя душа черпает воды в их источ-
нике первоначальном. Отсюда ее животворит чистейший воздух.

Я обозрел в мгновение ока действенный огонь, что разошелся в сторо-
ны далёко.

Подобно этому, огонь божественный объемлет все пределы сущности
моей; сосудом и проводником моя душа ему послужит, чтобы его распро-
странить до граней всех миров.

Преподан знак и искра засияла, превосходящая все пламенники тления; огонь небесный больше не угаснет в моих жилах.

И дни моих скорбей запечатленных уже не обратятся в пору радости и ликования!

И будет ли дано им время, эпохи обозреть, чтобы Предвечному мне принести обеты?

Житие мое всецело будет посвященным решению единственной задачи — раскрытию сокровищ, что в человеческой душе таятся.

И разве солнце может прекратить свой бег по кругу во вселенной? Нельзя ли излучаемый огонь его усилить, отдохновенье запретив светилу?

Предвечный право за Собой оставил сущности творить. Он дал природе силу порождать лишь формы и их тени.

А человеку дал Он власть творить по вере добродетель, ведь возжелал Предвечный, чтоб всякое Его произведение творцом бы маленьким являлось.

Самим своим твореньям предоставил свободу действия в пределах их по образу, подобию Его.

О, люди, если человек не покоряется бессмысленным занятиям вашим, не верите ему вы, сколь он ни старайся.

Уразумейте же: чем больше человека возносят вверх, тем больше он стремится отведать наслаждений и дел своих исполнить.

Не потому ли вы бездельники в глазах своих детей, что позабыть смогли их лет забавы?

40.

Могу ли быть бесчувственным к превратностям великим, что окружают человека, когда он остается без поддержки? И как его не пожалеть, когда он оказался жертвой?

Бесчисленны дороги заблуждений; исполнен путь глубоких истин высокой безнадежности преградой.

Идя обычным человеческим путем, чем удивляться, если не природой и разумом существ; все эти бездны постоянно рядом с нашей мыслью и, кажется, готовы поглотить ее.

Идя обычным человеческим путем, чем удивляться, если не Небес пространством, великим в совокупности своей: история его столь мало доступна пониманью человека!

Глаза его темнеют, когда однажды смертный пытается взглянуть в эти бездны, и голова готова закружиться.

И если бы, возвышенный Господь, не стало достоверностью, что мы хотели обмануть Тебя, то человек несведущий сказать бы мог с Иеремией невозбранно:

«Ты влек меня, Господи, — и я увлечен; Ты сильнее меня — и превозмог, и я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною» (Книга пророка Иеремии, Глава 20, стих 7).

Когда я был один бы на земле, не смог бы удержаться на стезе, которая меня вела бы к духовному успокоению. И яростно набросился тогда бы на истинную пищу моей мысли, сердца моего.

И я б не отпускал своей добычи, пока бы не насытился вполне, пока бы не почувствовал, как появились во мне живительные токи, всегда готовые мне сущность сообщать мою же.

И если бы я смог оплакивать свою утрату до иссушения мозга своего, и если бы я смог усилием, слезами достичь того, чтобы не покидать Иерусалима,

Способен был бы я предать забвенью братьев тех, которых увели в цепях под стены Вавилона?

Способен был бы потупить очи долу и позабыть о тех, кто там все дни томится? Способен был бы мыслить лишь о своих скорбях, взирая на невзгоды, постигшие моих собратьев?

«Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего» (Псалтирь, Псалом 137, стих 5, 6).

41.

Гневливый человек с собой уносит дух мести и злопамятства, его душа уходит, закваской этой пропитавшись. Тогда раздастся глас, пусть никого не видно, который повторяет непрестанно:

«Ты должен брату своему прощать не семь, но семизды семьдесят раз».

Свой приговор несчастный слышит в этих словесах. Они становятся его мученьем, но если бы он следовал им в жизни, утешеньем они его могли б явиться.

И разве есть ошибка в том, что Весть Благая по всей земле должна быть проповедана? На все открытия взгляните, что мореплаватели сделали для нас. И мореплавателей нет великих боле, чем христианские народы.

И не было нам сказано, что Весть Благая распространится повсеместно. Но было сказано, что проповедь ее произойдет повсюду.

И что противоречит предупреждению сему? Быть может, беззаконья тех, кто слово нес по странам новым, и заблуждения, которые посеяли они там?

Но было сказано, что проповедь произойдет, и больше нечего к тому добавить.

И не могли понять они язык! Но все, кто пред открытиями этими усоп! Но страны, какие не были еще открыты!

Сам Ангел в завершении времен прочесть обязан Весть Благоую перед собравшимися племенами!

О, смертные безумные, нуждаетесь ли вы во всех свидетельствах для веры в исполнение пророчества сего, дабы услышать, что оно вам непрестанно себя являет гласом внутренним?

И если там услышите иной вы голос, не обозначите его ль фальшивым и вторичным, пришедшим для гармонии расстройством?

Ну что ж, в час расставанья с этим миром вам будет непрерывно повторяться: *семижды семьдесят, семижды семьдесят, семижды семдесят.*

Благая Весть вам будет проповедана в могиле, и в третий раз Она предстанет в конце времен.

Дабы народы осознали, что милосердие с любовью есть принцип изначальный наш, и должен он укорениться в основе нашей неизменно.

О, человек, не создавай же впредь движения великого из-за мотивов мелких, что ты творишь успешно всеми днями.

Стыдись, наоборот, когда приемишь веские мотивы, но отвечаешь ты на них движеньем мелким!

42.

Платил ли ты когда-нибудь дань Духу? И если не платил, то на какую цену рассчитываешь ты?

Когда свет мудрости пред человеком начинает возгораться, он должен испытание пройти. Обязан дань он заплатить. Отсюда зависеть может весь остаток его жизни.

И всякий день ты должен Духу дань платить. От этого зависит итог, отдохновение твое от дел дневных.

Как ревностный воитель, будь верен слову дня и распорядку дня. Платил ли дань ты разуму? И покорил ли ты хотя бы несколько врагов, себе в подножие их бросив?

«Сын человеческий, утешь Меня — так говорит Господь — от беззаконий, что Я воспринял от тебе подобных.

Избрал Я душу их в отдохновенье и не нашел там ничего, кроме заразы трупной, но праведника душу нахожу, чтобы обитель мира в ней восставить!»

Увы, коль человек следить не в силах за души своей желаньем и за молитвой даже, способен он лишь увеличить несчастье свое: хотенья человека властны и, силою своей заворотив, они заставить могут себя восхитить.

Является молитва верной дочерью любви. Она — соль знания; она же побуждает пускать ростки его у человека в сердце, как будто бы в своей природной почве.

Она страдания переводит в наслаждения.

Ведь дочь любви она: любовь необходима для молитвы, и нужно быть возвышенным и целомудрие хранить, чтобы любить.

Господни люди, возьмите молот и резец, спуститесь в мое сердце. Разбейте там все угловатости его, отшлифовав изящно как восточный мрамор.

Запечатлейте в нем бессмертные слова: *«Пред правосудием Господним да будет страх и трепет»*.

Пусть выражение это станет вечно пребывать пред оком странника. Он остановится у изваяния сего.

Потом, продолжив путь свой, он скажет в своем сердце: «Вот добрые слова; они напоминают страх Господень и уважение пред нашим Богом».

43.

Глагол Господень мирозданье сотворил. И точно так же мое слово творит, вокруг меня осуществляя деянья моей мысли.

Глагол Господень отделил от скверны чистоту и свет от тьмы. Он вечно жив и всемогущ. Он может непрестанно повторять в нас все Свои деянья.

И стоит только прислушаться к Нему, как нас наполнит и охватит свет. И радости елей прольется в сердце человека.

Поднимет смертный голову свою; глаза его, огнем духовным загоревшись, везде отпечатлеют уважение и страх Господень.

О, сердце человека, стремись, однажды ужаснувшись бренности дороги, к пределам света, приближаясь своим движением к тому, кто там свою обитель полагает.

И только через сердце человека, господство в нем установив, способна истина для мира проявляться.

Не она ли, прежде словами собственными покоряя землю, могла господствовать на ней?

И не она ли посредством уст Амоса возвещала, что Бог не стал бы делать ничего в подлунном мире, когда б заранее секрет Свой не раскрыл пророкам и служителям Своим?

Не она ли устами Соломона говорила, что смертного душа — светильник Божий?

И не она ли свидетельство передала устами Павла, что сущие на небесах Начала и Господства Господнюю Премудрость через церковь знают?

О, человек, будь жизни толкователем, будь жизни часовым! И неожиданно нашедшей тьме, что омрачает свет, препятствуй; ты должен сам открыть ворота свету.

Когда бы сам себе ты верен был, то мрак не одолел бы даже малого пространства, и существо любое исполнилось бы истины и жизни.

Но ты предал их смерти, от Мудрости однажды уклонившись, ведь добродетель каждая духовными потоками стремится. Теперь же есть единственная сила, способная открыть каналы эти.

О Господа законах размышленье приводит к добродетелям, которые к духовности ведут, — она приводит к Богу; способен Дух Господень собою наполнить землю.

И в этом замысле Своем Господь различными создал дары людские. И всякий человек на свет явился, чтобы на поприще определенном превзойти себе подобных.

Последние же были рождены, чтобы превосходить его в своих призваниях. Так равновесие творится между ними благой и праведной десницей Премудрости Господней.

Чтоб каждый член семьи людской мог отдавать и принимать, благодаря чему меж ними бы великое общение сложилось в смирении и милосердии.

И так они могли бы претворить простую и высокую гармонию, о которой их естество не прекращает им напоминать.

О, человек, тебе не удержать картин возвышенных, что мысль твоя изобразить способна. Но качества твои иные на практике осуществляют их. Хотя для этого ты ими наделен.

Пристало ль быть тебе толпою бесполезных мудрецов, вселенную заповоливших своими книгами и мыслями: ее опустошаешь ты посредством собственных занятий и благодеяний?

44.

От жизни имя изошло, оно и породило слово.

Как имя, жизнь и слово душу человека наставляют идти своим путем и обращать свои шаги от завершения к работе новой.

Как ум, любовь, деяние живое собой престол являют человеческой души — на нем ее отдохновенье — содействуя работе вместе с ней.

Как от седалища ее отдохновенья передается сила с чистотой во все дела естественного человека.

Как человек естественный распространяет вокруг себя, по всей природе гармонию и правоту. Сего взыскует жизнь, чтобы во все проникнуть и все животворить.

На каждом уровне, когда она объемлет человека, всегда свою отпечатляет сущность, где блещут имя, жизнь и слово.

И уподобившись стремнине многоводной, она собой пророков души наполняла и души праведных князей ее народа. Они суть те, кто воинство Господне образует и на кого должны ложиться все тяготы войны.

Жизнь породила имя, а имя слово породило, которое создало человеческую душу.

О, человек, как мірозданье было сжато твоей душой бессмертной, чтоб зло ужалось бы посредством мірозданья.

Чтоб смерть иссякла, отягощенная таким великим весом, и дабы жизнь могла соединиться с жизнью.

Ведь с той поры, как мы оставим пребывать в покое мірозданье, ему дав передышку, облегченье, самих себя приговорим мы к смерти, с которой мір обязан состязаться.

Вы усомнитесь, что материя не будет послушной вашему рассудку, хотя воздействовали на нее вы, лишь перемещая?

Спросите, в чем предназначенье души людской. Не указывает ли вам сердце место, которое она приемлет?

Не видится ли вам, что расположено оно между уделом высшим и уделом низшим, меж сумраком и светом, чтоб различать две сущности, творя их разделение непрестанно?

Не видите ли вы, что невозможно и на мгновение остановить ток вашей крови и не подвергнуть вас угрозе смерти?

45.

Божественная ИСТИНА, святое милосердие, товарищу казалось, что я вас оскорбил, чтобы его унижить. В конце пути Господь проявит сострадательность ко мне: Он невиновность знал мою, мою молитву слышал.

Насколько же плачевно человека состоянье? Необходимо даже ему просить у Бога Своего, чтобы добиться правосудия!

Пошел я к другу своему. Я не иду к Вам порицать за то, что заблуждались Вы в своих упреках, в чем Вас я переубеждать не стану. Я не иду просить себе прощенье, что означало бы себя признать виновным, которым не являюсь я. Пришел я к Вам с надеждой предложить последовать тому, что сделал я. Послушайте.

Ни времени и ни пространства нет для духа. Настанет день, когда различия и несогласия людские исчезнут, когда единство примирит людей, когда напоминать уже не будут тех, кем они являлись в разобщенья час.

Взойдем же в духе к этому единству, что грядет, не вспоминая впредь о разделеньях наших. Блажен же тот из нас двоих, кто сможет совершить сугубо жертвоприношенье! Он в банке милосердия, как и во всех других, откроет счет большой и от корысти вящей устранится.

О, смертные, когда находитесь в подобных вы печалях, используйте вы средство то же, что и я: покой в сердца вновь водворится ваши, и ощутите вы, сколь милосерд, могуч Господь, облегчивший вам вашу ношу. И только Он Един стези нам укажет.

Господень Дух порой примешан к чувствам и, принаравливаясь к ним и выхода взыскав, способен он проникнуть в сердце человека.

Ведь Дух Господень непрестанно порождает любовью Божьей и несчастьем нашим; и Бога объявив своим Отцом, он называется столь часто Сыном Человеческим.

46.

Я испытал невольное нежданное волнение. Тогда довлела надо мной неведомая сила.

Как будто бы она материю обрушила мою в подножье духа, как будто увлекла мой дух наружу ввысь от сумрачного тела, во мне раздел производя на чистое с нечистым.

Так воды высшие от низших отделились, открылась суша, появился свет. И день Господень повторил во мне все то же, что творилось от начала міроздания усиьем Слова Божия.

Без помощи Господней в грязи бы ползал человек; едва ль из глубины своей юдоли утлой он смог бы различить вдали хоть несколько лучей небесного свечения.

Благословенным будь в веках бессмертное Начало всего, что есть; в Тебе Одном и бытие, и жизнь, в Тебе Одном господство радости и счастья для всякого творенья.

И вне Тебя ничто не сотворится: ведь где не стало бы Тебя, там не могло б остаться даже чувств существованья и благословенья: они повсюду непреходящие крупницы жизни.

Я восхищен, как сей источник міроздания, одушевляет всех существ, распределяя каждому из них огонь неиссякаемый, откуда все берет движение. Ведь каждый человек собою образует центр, в котором отражаются все точки сферы личностной.

И эти индивиды лишь точки сфер отдельных, образовавших вид и род свой, что равно управляются из центра.

Род с видом обладают началами в различных царствах естества. И царства эти имеют средоточия свои в пределах міроздания великих.

И сообщаются великие пределы с неугасимой жизни центрами, а те имеют средоточием своим единый двигатель всего, что существует.

Итак, все индивидуально и, тем не менее, едино. Насколько безгранично это Существо, что видит всех существ, светила и целую вселенную из Своего немыслимого средоточья, когда Само лишь образует точку Своей неизмеримой сферы?

Узрел я там порядок и иерархию существ. И взгляд едва ли мог остановить свой на *действии* их, — картина увеличивалась быстро.

В их действии сквозило чувство — свидетельство признания сугубого главенства единственного центра мірозданья.

И слышал я, как существа усиленно стремились деянье это воплотить. Когда они страдают, их крики вызывают жизнь; коль счастливы они, то в песнопениях ее же славят.

И в час, когда природа из темени ночной исходит, не чает ли она быстрее жизнь взыскать, восполнив расторопностью своей моменты, утраченные ей в упокоении и мраке?

Добавив к тишине ночной небес господства с вышины блуждающих престолов, спросим: не выражают ли в час этот они сильнее *жизни* слова, не раздувают ли полной меха своих органов совершенных?

И слышал я, как разные пределы мірозданья верховную мелодию рожают; высокие в ней звуки уравнивают низкие, и звуки изволения смягчают звуки наслаждения и радости. Взаимодействуя между собой, они оказывают друг другу помощь: таков порядок учрежден повсюду и говорит о Единении великом.

Во время всякое, когда становится заметно ощутимой вселенская гармония, все существа, как будто увлеченные порывом общим, ниц простираются пред Божеством и дань творят молитв и славословий, которая в себя вмещает жизнь и душу с мерой самых гармонических согласий.

Так песнь слагалась, которую поручено творенью петь, не прекращая, до той поры, пока Всевышнего глас животворный не станет первенствующим в этом гимне сокровенном, имеющем распространяться на протяжении веков.

Сие уподоблять не должно тому, что происходит в юдоли нашей сумрачной, где звуки можно лишь со звуками сравнить, цвета с цветами, а сущность с сущностью аналогичной; там органичным все являлось.

Свет звуки источал, мелодия рождала свет, цвета движеньем обладали, живыми будучи; предметы представляли в одночасье звучащими, полупрозрачными, подвижными настолько, что способны были проникать друг в друга, пространство вмиг пересекая.

И посреди великолепного спектакля узрел я человеческую душу, как солнце, восходящее от грани вод.

Она величественней солнца и у нее предназначение иное; не скована душа хождением по кругу, что солнце отличает: когда светило это достигает крайней точки восхождения, то вынуждено вниз клониться равномерно, покоя состояния не ведая от века.

Преодолев молниеносно бесконечность, где обрела свое рожденье, она взметнулась ввысь небес, ничуть не уклонившись, к единственному центру, который пребывал над всякой вечностью в верховном месте: он никогда не сдвинется и не сойдет с живого своего престола, ведь нет нужды там выше подниматься.

По мере путешествия души по этой линии безмерной, я созерцал господства царств, приблизившихся к ней: ее удерживая крыльями своими, они дыханьем собственным живым освободили душу от остатка скверны, приобретенной ей во время сна земного.

Руками в пламени господства над ней чертили знак посвящения истинный ее, чтобы представ у врат обители иной, они б открылись быстро для души, и обрела она бы там награду с очищением новым.

Достигнув завершающей ступени бытийного предела, увидел я ее занявшей место под портиками города святого Иерусалима и на Израиля престолы воссевшей даже, и исполнявшей вечных мирных дней правленье благодаря божественным законам в безмерности существ руководящих, и пользовавшейся невыразимым правом питаться от стола святыни.

47.

Когда вы думать прекратите, что признаком вещей не обладали, предшествовавших вам, и было невозможно вам о них иметь и малое понятие?

Послушайте: не отсылая вас к вещам условным произвольным, в которых сами истины не обрели бы, вы, тем не менее, не лишены и вовсе идей карающего правосудия.

И коль наносите вы ближнему урон, то на мгновения приходит к вам страданья чувство, когда б он с вами равно обошелся; когда же ваши страсть и предрассудок на время небольшое замирают, вам остается наблюдать за собственной ошибкой.

Откуда это чувство равновесья, когда вы вынуждены сдаться перед приливом совести своей, когда у вас и не нашлось бы силы из-за нее всегда быть верным собственному поведению?

Вот огненная искра, которая во времени сияет, о чем не обладаете вы даже памятью ничтожной. Но это монумент, произведение древнее искусства: оно вам указывает путь знаний нынешнего века. Растений завязь это, произрастающих на поле сущностей, где обрели свое существование вы.

Действительно, не знаете еще никак вы древо и вы не можете о нем судить, пока оно не пустит малый свой росток. Достаточно ль иметь росток, чтоб не сказать, что вы в незнании полнейшем?

И не давая захиреть ростку, начните окультурировать его, выращивать, заботиться о нем и поливать его. С заботою подобной и непригодные к условиям погоды нашей ростки растения прекрасные произведут, тысячекратно выгодой воздав тому, кто культивировать их стал.

Но знаете ли вы, зерно способно это произвести по роду своему и дерево само и даже целый лес, когда вы будете к тому стремиться.

К самим себе деревья эти притянут воды атмосферы, что оросят пределы ваши, поддерживая в них произрастанье.

Небесные же воды, пройдя сквозь землю, вырвутся оттуда, дабы увлечь в свои потоки частицы злата, что вам поможет отыскать рудник елейной серы или благотворной соли, которые порядок с равновесием восстановят у ваших соков жизненных.

Деревья же, умножившись, послужат прибежищем зверям земным, которые под сень их водворятся. А на ветвях найдет отдохновение всякий птах небесный, где, свив гнездо, продолжит род свой, и станет ублажать он ваше ухо пением прекрасным.

Иные из деревьев этих вы можете использовать для обогрева в стужу и помещения из них сооружать; они позволяют вам суда построить, которые доставят вас в любые части света.

Благодаря чему смогли бы вы познать науки, законы и одновременно с обретением сокровищ доступным сделать ведение созвездий, рассеянных во всех пределах неба.

Прогуливаясь не спеша под темной сенью леса и собранностью проникаясь, что навевают здешние места, удастся, может, обрести вам знание о *Купине Неопалимой* и миссии своей у ваших братьев, которые страдают в рабстве под пятой царя Египтян.

Итак, не говорите вовсе, что древняя история вас признака лишила, поскольку в единственном ростке, который вам она передала, способны оживить ее вполне вы.

48.

Какой борьбе суровой нас преграды обрекают, которые мы преодолеем от рождения? Их избежать нельзя, иначе — нам не найти победы. Они нам посланы лишь для того, чтоб мужеством и стойкостью упорной вернули мы себе бы то, что отнято у нас из-за наследственности нашей.

Чем нам земные войны предстают, где речь идет об обладании страшной иль крепостью, что суть перед глазами? И здесь необходимо, чтобы душевность наша произвела усиленно и сотворила нечто, нас ввысь влекущее.

Вселенская наследственность была распределенной для всякой человеческой семьи, которая должна оттуда долю свою черпать. Любому человеку суждено воспринять вместе с жизнью содействия любое средство, в чем мы нуждаемся для исполнения миссии своей.

И если бы о средстве сем в наследственности нашей не позаботился никто за нас, скрыв часть одну его предназначенья, тогда бы мы, по крайней мере, обязанными не были трудиться, имея все полученным и так.

Вот столько смертных тайное несчастье; вот состояние насилия. Людей наследственности в смятении перемешались, поскольку оказались в чужих руках и беззаконных.

Единственное снадобье — духовное крещение, которое одно способно в нас все возродить, пусть мы и стали добычею убогости и смерти. Оно единое нас воссоставляет в праве древнем *жизни или смерти*, чем некогда мы обладали, что есть совсем иное, нежели пролитие крови.

Когда имеешь пылкость ты и к истине неодолимое чутье, то не печалься о превратностях, тебя постигших; ты в крепости прекрасной водворился, и должен ты сам для себя творить свои трофеи, в крещении духовном возрождаясь.

Ликуйте же людские души, познайте верховенство прав своих. А после, возродив наследственность свою, могли бы вы молиться и за тех, кто вам нанес неисчислимо оскорблений вящих, добившись, чтобы воздано им было мерой по закону.

Закроем преступления отцов; отцы суть боги наши на земле. И разве не был бог бы для сердца нашего и мысли безгрешным существом и безупречным?

Но будьте верными лишь истинному Богу, родителей своих же чтите: вот два важнейших предписанья Моисеева закона, одних которых соблюдение уже сулит награду.

49.

Как отличается душа от всех предметов, человека одолевших; но впредь они покажутся ничтожеством ему; он ощущает их, лишь *жизни* повинуюсь, которая одна и составляет ценность всех вещей.

Не он ли стал творцом своих же заблуждений и иллюзий, ведь истины и *жизни* началом обладая, как мог найти он *жизнь* у сущностей мертвящих, кроме того, что в них, по сути, есть?

Несчастный человек, ты можешь, отвратившись от души, препятствовать, чтобы божественная *жизнь* в тебя проникла; хоть ты и не создатель *жизни*, но обладаешь в ней свободной волей и правом руководства в области своей.

Какое же различье в чувствах, когда встаешь под сень верховного деянья или когда нисходишь к предметам низменным! Действительно, последние приносят человеку часто радость, поскольку жизнь кипит своя в них, и к ощущенью жизни всегда привязаны все сущности с приязнью.

Но рассмотри подробно радость эту, и ты найдешь ее презренной, а в основании ее зависимости разные людские; тайком она бояться будет встретить на пути своем предметы для сравнения, которые ее встревожат, осудят и разрушат.

Верховное деяние, ты ставишь человека выше всех предметов и радость, данная тобой, сравнений не страшится со всеми ими. Она равновелика, спокойна и возрастанiem полна всегда, ведь это *жизнь* сама, что

черпается в *жизни* и в *жизни* возрождается. Она без потрясения творится и даже незаметно, если можно выразиться так, подобно бегу мирному природы.

Но кто способен радость существа живописать, которое приемлет непрестанно *жизнь* и не теряет ее вовсе?

Наоборот, как радость существа, которое, не прерываясь, примеряет жизнь свою к предметам — и им дается собственная ценность жизни — и тем теряет ежедневно жизнь свою, не понимая, для чего ей должно обновлять потерю; все просто: существо сие от жизни далеко!

Так поспешим, как жаждающий олень, туда, где встретим мы источник вод живых. Соединимся с жизнью, чтобы никогда уж с ней не разлучаться.

50.

Считали люди, что наказания и скорби безмерно не продлятся. Как примирить зла вечность с добром безмерным Бога, особенно с Его единством? Внемлите истине.

Времен для духа нет. Но протяженность правит им? Увы, мы только напряжением его все наши впечатления приемлем в этом мире. Благое иль мучительное чувство от времени нас верно отстраняет; любая наша мысль или склонность являют свою приятную иль скорбную нам вечность.

Пристрастия и вкусы наши, будь они истинны, иль ложны, нам предстают всегда за счастье полноту; печали, неприятности — за полноту несчастья; а наши мнения — за совокупность правды; и все, что сотрясает их — за цельность заблужденья.

И был бы счастлив мирный человек, когда б увидел радости своей предел? Но был наказан бы виновный, узрев предел законной кары? Возвышенная Справедливость, из этого характера единства ты черпаешь свои и силу и деянье.

В каком бы состоянии не находился человек, его преследует бессмертия идея, поскольку Ты Едина, о, Истина Святая; нет точки ни одной в Твоей безмерной сфере, что не несла бы знака универсальности Твоей!

Мысль человека, дальше не иди. Достаточно тебе достичь рассудком этих истин, почувствовать, что вечность кары необходима для преступника, чтоб был наказан он.

Когда же вкладываешь в наказания мысль о пределе их, идею времени туда ты вносишь, разрушив все, что принято тобой.

На основании чего определяй и жизни ход своей: уж если ты виновен, то кара, которой подвергнуться ты должен, знак вечности собой запечат-

ляет. Но ты уверен ли, что это знак ее, поскольку данный вопрос способен разрешиться лишь вне времени?

Несчастен ты, коль недостаточно сего, чтоб мудрым сделаться тебе, себя заставив трепетать пред Господом! Но ожидая верного воззрения, взыскуй его спасительность и пользу.

Возможно, идея вечной кары никак не отвечает твоему рассудку, поскольку во времени живешь и помещен в пределы. Но еще менее тебя достойна и противная идея, и ты не можешь ни признаться, что легкомысленна она.

Ты опасаешься увидеть много средств, что в мудрости тебя удерживать готовы! Достаточно ль исполнен ты любви, чтобы парить полетом вольным над всеми безднами времен?

Но даже те, кто верит в вечные мученья, всегда ли устраняются от преступлений? И как надеешься ты обрести боязни, мудрости сугубой в воззрении, что менее сурово?

Ведь добродетель времени есть упование. И с той поры, как оставляем время, его мы лишены, когда виновны; оно исполнено для нас, когда мы праведны.

Но ты не спросишь ли: задача человека есть исполнение собой конца времен, в начале ведь ее недоставало? В грядущем времени возвышеннее будет человек того, кем он являлся у истоков.

А духи падшие низринутся гораздо ниже, чем в пору первого суда. И как же человек общаться сможет с ними? Не забывай же, что во времени ты сущий.

51.

Большое поле взял в аренду человек, зерно необходимое приобретя, чтобы его засеять. Не стал трудиться он и вовсе над обработкою земли, забросив зерно в амбаре влажном и холодном. Зерно сгнило, а поле шипами и колючками покрылось.

Когда наступит срок оплаты, фермер скажет, что он не должен ничего, поскольку не имел ни плодоносного зерна и ни земли, годящейся для обработки.

Был добрым собственник земли; он фермеру сказал: мой друг, я погубить способен вас, но я предпочитаю вас спасти. Идемте же со мной и попытаемся вдвоем все выполоть колючки. Я разделю работу вашу, пока глазами вашими вы поле не узрите, которое из виду потеряли.

Пойдем в амбар холодный и сырой, где гнить оставили зерно свое вы. Возможно, не все оно пришло в негодность. И если сохранилась пригоршня одна, то мы ее посеем.

Великодушию сему не мог сопротивляться фермер. Земля распахана была; нашлись разметанные зерна, гниение которых не достало, засеяли

их в поле; прошло немного лет, и фермер сам способен оказался оплачивать надел, провизии запасы увеличив для своего семейства.

О, люди неразумные, зачем вы жизни перестали верить, зачем осмелились вы солнце отрицать? Вы средства изначальные свои предали запустению. Они уж ничего не производят.

Вы поле мудрости никак не распахали лемехом и плугом, и радуетесь вы, по ней прогуливаясь только. Вы видели на ней все сорные растения, оставив их произрастать и дальше. Они же, став густыми и высокими чрезмерно, закрыли свет от ваших взоров.

И заблуждение заставило вас отрицать начала, хотя они должны вам помогать и отделять и исправлять ошибки; и вы отметили, что истины уж нет.

Какой безумец может вам поверить, когда вы в заблуждении погрязли от собственного своего рассудка. Грядет Хозяин, и если вы не в силах внимать Его призывам, сумеет Он воздать вам правосудием сполна и, с вас взыскав судебные издержки, заставит долг признать свой перед Ним. И право здесь Его неотразимо.

52.

И если б радость вящая моя прияла здесь в подлунном мире свидетельство о Нашем Боге, не должен был бы я об этом перед народами проповедать?

И я народы умолю со мною разделить по Его славе ревность, дабы они смогли бы разделить божественных вознаграждений благо.

О, слава мира, ее на том вы громоздите, что не хватает существам другим; но истинную славу человека восставьте же на том, что с *бедными* вы разделите.

И сердце человека Господь избрал, чтоб в нем посеять ревность о Господней славе, ведь сердце человека — божественного духа поле, которое приносит изобильный урожай.

Иным же существам Господь не дал подобного богатства, ведь сердце человека Его любимая обитель: оно славней Его святилищ.

53.

Мы полагаем, что лекарь опытный предусмотреть не в силах все перемены со здоровьем человека, что в состоянии хорошем; однако может он предвидеть ход болезни всей, коль установлена она.

Не мните впредь, что будто бы необходимым было Богу предвидение простираť Свое к вещам, которые еще не существуют, ведь ни в потенции, ни в проявлении их нет.

Не смешивайте человека в славе и смертного, что пребывает под законом первородного греха.

Не мните и о том, что даже если бы предвиденье сие и устремлялось к любому действию существ вселенной, оно бы только потому являлось началом и причиной ваших дел.

Во времени творятся все дела; они не более, чем следствия и проявления. С момента преступления установился принцип дел смятенья.

Но принцип милосердия трудов не в то же ль время он установился? И мог или спрятаться он от Господня взора?

Во времени несчастные живем мы, не ведая событий, ни проявления их. Но Ты, Предвечный, над веками Сущий, их видишь в их источнике и в корне.

Избрал колонны Ты для Своего строения; предвидел Ты, руководя их возведением; и существами нужными Ты сделал их; поскольку замыслы Твои предустановлены, и ничего не в силах противиться Твоим советам.

Но Ты бы мог предвидеть их дела и не позволить их вершить им, ведь можешь Ты единый взгляд Свой бросить на существо, не приступая вовсе к собственному действию.

О, люди смертные, хотите ль неопровержимых доказательств для этой истины? Есть Писание одно, составленное задолго до установления Христианства, рассеянья Евреев и объявившее об этих двух событиях.

И есть ли человек, который смог бы проникнуться пророческим виденьем? Но был бы он способен тайну вашей мысли разгадать?

Однако, не взирая на истинные предсказания, их очевидность сразу не способна воплотиться, ведь объявление предваряет всякое свершение.

Но не забывайте о трудности определенной: когда бы даже Сам Господь предвидел бы деянья ваши, не мните, будто вы никак незаменимы.

Всевышний Боже, ты в силах видеть все, и можешь Ты по собственному изволению в твореньях действовать Своих, иль предоставить действовать им под Твоим присмотром. Однако Ты им часто попускаешь против Тебя трудиться.

О, смертные, займитесь приведением в порядок свойств собственных. Имеете вы власть в них водворить гармонию и мир, как Бог животворит все ваши существа. Число свойств ваших и ваше существо исходят от Него, хотя порядок в качествах и управление ими должно от вас идти, сообразуясь.

В уподоблении Ему вам нужно нечто совершить, чтоб результат работы вашей со свойствам сопрягался бы, никак не с существом, чтоб не осмелиться равняться с Богом.

Вы обладаете высокими дарами, их не лишает вас предвиденье Господне, и не стесняет вас оно.

Людские души, хотите ль вы процветшими в себе увидеть дарованья эти? Так ежедневно непрестанно насыщайтесь водой Господня страха, пока не опьянеете от этого напитка во спасенье.

Господень страх рождение второе есть для человека. От смертного он удаляет все грехи. Он поглощает всякую боязнь иную.

Способен он избавить вас от беспокойств, что вас в предчувствиях терзают, поскольку вас соединить он может с деланьем вселенским в пространстве вечном света.

54.

И вовсе не из первородных уготовлялась избранная раса, возлюбленный народ для просвещения племен. И Сима третий сын был предназначен главою стать потомства Авраама, прообразом Завета.

И третий из детей Адама был избран, чтобы стать главой священной расы и средоточием божественных секретов. И не заключено ли в цифре *Три* последнее деление вселенского предельного господства?

Кто смог увидеть бы в природе прямые линии, квадратные фигуры? Но принцип корневой не остается ли для нас всегда сокрытым? О, вспомяни, Господь, о человеке во Имя Божие и ради места, какое занимает он меж братьями своими.

Когда предался он греху и тьмою сделался объят, Ты проблистал над облаком изгнания его лучами Твоего священного Завета с ним, и среди бездн Ты указал ему обитель жизни.

55.

Вы чересчур поспешны, истины враги! Однажды выдвинув предположение и выводы извлеки из него, желаете, чтобы они господствовали скипетром железным.

Ищите не такое зыбкое начало; старайтесь же прийти к возвышенной идее, что истинное счастье человека заключено в благополучии себе подобных; в спокойных чистых прикровениях своих сердец твердите:

«Нужду я ощущаю в счастье ближних. Мне представляется, как род людской един, и в глубине своей души имею желание блаженства всех его ветвей».

Доктрины ложные хотели вас принизить, деяньям вашим не давая побуждения иного, как самолюбия. Отмстите за себя посредством этого начала жизнеутверждения, и вы рассмотрите тогда, что данная искра, вас оживляющая, способна исходить от пламени иного — Господнего огня.

И что за самолюбие сие иль изувеченное в отраженьях чувство, какое матери мешает счастливой быть одной без счастья чад своих? И если бы они, к примеру, имели мать другую, то как смогла б она их счастье отделить от своего?

Не благодаря ли самолюбию становитесь вы склонны творить добро себе подобным, их осчастливливая? Не ощущаете ли вы, что ближние суть вас самих же часть: любовь внутри вас к равновесию взывает.

Возвышенная Истина, не дай утратить им из виду эту мысль, ведь отношения Твои с людьми запечатляются столь живо в их сердцах. И подлинное самолюбие лишь то, когда оно — любовь ко всем, что есть небесная любовь.

Вот так отобразила в человеке Ты характер своего единства, которое все сущее объемлет и дорожит им. Вот доказательство того, как человека сотворила Ты по образу и по подобию Своему.

О, смертные, что Бог вам причинил, что стали вы Его врагами? Теперь лишь факелами погребенья предстает огонь, который вас ведет; шаги же ваши напоминают шествие к гробнице; и в этом смертном состоянии вы кисть берете, писателями истины нарекшись.

И в истины святыню вам не войти никак; в отличие от древних мудрецов, не чтите вы благодеяния природу, и добродетель не в ходу у вас. Однако вы судите о духе, как если бы вы познали естество, которому не следуете вы в законодательстве своем.

Вам не войти никак в святыню Бога; в отличие от древних мудрецов, не почитаете несколько вы духовность, и незачем Ему туда вас водворять.

Однако судите вы Бога, как если бы имели дух, и удаляете сей дух от всяких ваших умозрений.

Каким терзаньям и скорбям еще необходимо душу человека сотрясти, чтобы она от зла оборотилась, невежества плодов горчащих.

56.

Когда бы не явился Человек, один сказать сумевший: *«Мое Царство не от мира сего»*; что стало бы с наследием людским? Оно во тьму бы впало. Его ничто бы больше не соединяло с местом изначальным; так навсегда оно бы разлучилось с родиной своей.

И если люди уклоняются любви, то может ли она от них вдруг отстраниться? Вот на востоке молния блеснула, на миг земли коснувшись, и мы увидели открытую пустыню.

Заметили вы свет живой, которым молния блеснула подле вас? И что это за запах смоляной и серный, что насекомых поражает? Исполнившийся солью дождь, пролившись долу, заставит на земле цвести растенья все.

С востока жизнь идет; вот почему сие есть имя Того, Кто дать нам жизнь желал.

От тьмы глубин своих я все же свет увижу.

Я разум свой раскрою для Того, Чье Царствие не в мире сем. Здесь на земле уже как Он я прекращу существовать для мира, и вместе с Ним я поднимусь на небеса.

В уделе жизни светоносном пребывает людской защитник и восстановитель. И с Воскресения, Евреи не нашли Его никак, поскольку Его искали среди мертвых.

Чтобы Его познать, необходимо, как и Он, восстать из мертвых, впредь не желая отделяться от Него.

Сколь мало Его планы воплотились! Ему уподобляясь, необходимо было не расставаться ни на миг с возвышенным предназначеньем, чтоб труд Его достиг бы полноты. Наследие людское, ужели этот путь стал слишком непосильным для тебя, хотя ничуть не больше ни твоей судьбы он, ни твоего происхожденья?

Достоинства и милосердия дорога была начертана Христом; до черствости стези греховной ее низвергли люди; Он животворный путь им указал, который превратился в смертную тропу, когда описанным стал в книгах.

Греха и черствости стезя была дорога Моисея, путем наследников являясь; однако, если бы она была соблюдена, то скольких бы от зла уберегла во имя Искупителя!

Свободы и достоинства стезя была божественной дорогой, ведь Бог не может вещь явить иную; когда б она по замыслам Его прошла, то сколь простым бы труд предстал в конце времен!

Они желали усомниться еще в божественности Искупителя? Но даже те, кто говорят, не сомневаясь в этом, в путь скорби, в путь тирана превращают стезю любви!

И никогда они не знали всю кротость истинной Субботы! Различие не ведали они между работой, что усилием своим творим мы, и трудом, который мы вершим, в усилиях с Искупителем сообразуясь!

И никогда бы не могли они сказать: *«Столь радостна, сколь истинна суббота эта, ибо ее мы заслужили в поте нашего лица, и мы боимся расточать бессмысленно ее»*.

57.

Простое слишком ты, о, ЗНАНИЕ, чтобы тебя могли бы заподозрить служители науки и люди светские!

Владыка ангелов, предвечной истины Господь, не Он ли Бог ревнивый?

И разве среди трудов, что твари божии способны совершать, не занимают места главного о прославлении Его забота и культ Его?

Юродивым необходимо стать, в бою преодолевшим зверя с образом его, чтоб овладеть игрой на лирах Божьих. И эта милость столь невыразима, что дольний человек о ней иметь способен лишь предположенье.

Юродивого мысль единство обнимает в промежутках четырех, и глаз его зрит три ступени в трех первых стадиях. И ведомо сознанию его, что интервал четвертый себе единому уподобляет все иные промежутки. Он называется: *«Вот лествица пределов всяких»*.

Тогда величия божественного чувство полна овладевает человеком. В пылу насущном славословить это и возвышать превыше всех господств и тронов становится его единственным стремленьем.

Отождествляется душа его с верховной истиной. Преступные натуры в мучениях ему покажутся забвенья тварями, существование которых стерто.

Бог Самуила упрекает, не прекратившего оплакивать Саула, поскольку Сам его отверг. Предупреждает Он Иеремию впредь не просить за свой народ.

О, сколь страшно Господне правосудье в том случае, когда сама молитва могла б Ему кошунством показаться!

Премудрость, меньше ты о славе собственной печешься, чем занимаешься виновными людьми. Когда ж Премудрость за них молиться запрещает? Когда они развращены настолько, что уж не в силах вразумиться от плодов молитвы кротких, тогда она их распаляет и предает их злу, взамен смягчения уделу.

О, если б только человек не пребывал так часто в безумном состоянии бесовском! И каковы же вящие мученья для существа, венчавшего природу, которого предназначенье лишь в трудах смиренных заключалось!

58.

О, да, Господь, способны мы еще исполнить Моисея песнь, иль Агнцу гимн пропеть; души порыв своей усилим: она произведет все то, чего нам не хватает.

Ведь малодушие есть недостаток веры в нашем существе в Того, Кто создал нас. По малодушию и реже из-за слабости своей мы побеждаем. Скажу отныне я душе людской:

Не стоит исчислять медлительность времен. Они сменяются для нас, как сменяются однажды для вселенной небеса. Ведь времена в себе содержат единственную точку в пространстве бесконечном, и только дух способен неощутимыми их сделать.

Что за рука, которая меня в венчальные одежды наряжает? Приблизился я к алтарю златому. Исполнен был я сил для битв Господних и истребителем врагов явился, опустошавших *урожаи*: они искоренить желали жизни хлеб.

Обильно возрастут Господни *урожаи*. Падет с небес хлеб жизни, достаток образуя для прокормленья всей земли. По всем пределам он распространится и сам на небесах пребудет. Подобно мысли, станет он производиться.

В себе самом несет он радости: премудрость и любовь; он плодит как слово; является он оком света и силой огненной; воздушную безмерность порождает; благодаря ему в движении пространство.

Его вдыхаем непрерывно мы, но мы ему не позволяем никак проникнуть в нашу кровь.

О, люди, печетесь чересчур о том вы, как человеческую меру не нарушить в обыкновениях и договорах ваших, но вы ее достигли очень мало в божественном соизмерении с законом и продвижением Святой Премудрости трудов.

Все дни вы обоюдно себя забрасываете пустословьем, — так Стефан перводьякон поражен был: его камнями закидали суровые блюстители закона, в своих словах черпая друг для друга благословенье и поддержку.

Начнем любить друг друга, мои братья, и мы исправимся затем, и совершенствоваться вместе будем, пока нас не преобразит сама любовь.

59.

От древности до наших дней вы бесконечность обрели господства в числах. Но эти силы все почти мертвы. И что вам даст двойной квадрат, коль не известен вам его квадратный корень?

Не смешивайте меж собой законы сущностей различных. И очевидно многим, что есть великое соотношение троичного числа и *семерицы*, поскольку *семь* есть свойство трех; *семерка* управляет преходящим, но ясно также, что этот *септениер* не оставляет ни следа на форме человеческой.

Поскольку не воплощается вещественно семерка, постольку появляется она лишь после избавленья, на землю приходя к нам с целью преподавать урок начальный о нашей прежней славе.

И, разумеется, *восьмерка* не может признака иметь среди составных вещей, ведь царствие ее не в этом мире; и потому, как видели уже мы, не ей одной присуща форма *шесть*.

Не путайте квадрат и короб с кватернером, которым ведает начало; квадрат имеет отношение к господству, а короб — к правосудию.

Хоть символы сии в себе несут число одно и то же, по смыслу и характеру различные они. Нельзя ли чувством меры обладать в доверии к таким из аксиом, которые являют только очевидности природы?

Превыше части целое. Но как закон сей применить к простому существу? Ведь если очевиден он в порядке естества, то он ничто в несоставном устройстве и ложен для порядка смешанного типа.

Мысль наша способна ощущаться только в тишине телесной: упокое-
нием элементов высшее творится. Но в мысленном безмолвии сердечное
развитие происходит: в покое высшего Божественное прорастает.

60.

Молился я, смятение чувствуя оставленного человека и ниже самого
«себя» ниспавшего. Но кротко чистый свет взошел из глубины моей души,
по сущности моей разлившись.

Да будет свет, и свет явился.

Так приходил ли ты, мой всемогущий Бог, когда велел вселенной со-
твориться, распространивши свет над всем созданием Своим? В инерции
начало жизни тварей пребывало, и свет блистал над ними, которого они не
ощущали, поскольку были подобными ребенку, заснувшему средь бела дня.

И Твое Слово их проникло; они очнулись ото сна, и каждый занял свое
место, которое Ты во вселенной им определил.

Взошедши в степень действенности этой, они оставили вниз падать тех,
кто оказался непокорным Слову Твоему и не раскрыл свои глаза для света.

Светила, как алмазы, которые Ты от Своей короны оторвал и разбросал
от Своего престола по граням мироздания, чтобы оно восприняло идею
Твоего богатства и великолепия.

Невежды скажут, будто их краса обманывала человека, и в заблужде-
нии своем возрос до поклонения звездам он. Но коль вы сами не возносите-
сь особо, то не найдете идолатрии источник от горних мест.

Светила эти говорили с человеком? Угрозами его страшили, иль об-
ещаниями манили?

И если сущность всякая не трогала бы человека благодеянием реаль-
ным и упования наслаждением, иль не могла бы ужасом его объять от
созерцания величия, то человек не отвечал бы никогда почтением и мо-
литвой.

Спокойно пользуется он дарами света и прочих преимуществ естест-
ва; опустошения и катастрофы, свидетелем которых делается человек, его
бросают в бегство: предотвратить он их не может.

Животным идолопоклонство предстало б менее безумным, чем покло-
нение светилам; вред причинить животные способны, но слову и сообра-
зительности человека повинуюсь, становятся они гораздо безопасней.

И разве наша мысль, на это опираясь, не сумеет исказиться? И разве
идолопоклонство не извращение первичного и чистого закона? И разве
истина могла иметь в своем начале смятение и заблуждение?

Ведь слово это существо, которое воздействие использует свое; отнюдь
не вещи, в свою окружность вовлеченные как звезды; последние от сердца
человека получали дань вольную молитвы.

А прежде, человеческое сердце, несло ты дань к Предвечного престолу: и только там магнит могучий пребывает; к нему единому должно стремиться ты.

Когда перестаешь ты восходить до этой высоты, то обретаешь множество существ, несущих образ высшего начала, хотя они собой лишь образ знаменуют; и, простираясь ниц пред ними, ты порождаешь идолопоклонство.

Глаза мои закройте на идольские капища в преступности своей: они возникли в сумрачных местах, которые пронизать свет не в силах.

61.

Не так ли, говорит Господь, что Я открыл вам все источники Своих даров? Я мог бы с ликованьем жизнь распространять во всех созданиях Моих и окружить вас чудесами Слова Моего и Моего господства.

И удовлетворенье ваше единственным пределом стало Моих творений! И человек не должен ничего мне возвращать из множества Моих даров великих! О, люди, безрассудные в безумстве, послушайте, что говорит Господь, что просит Он от вас и бейте себя в грудь!

Платили поначалу бы цари земные своим служителям оклад? Не ожидают ли они, чтоб слуги посвятили для них и жизнь, и кровь, и бдения свои пред тем, как им вознаграждения раздать?

В чем не находите несправедливости вы вовсе, да и не ропщите никак на них. Но Я, Который превосхожу намного правосудье их, не должен ли прогневаться на вас?

Сказал Я естеству, что всеми добродетелями человек возобладает в своей основе, как в краеугольном камне, и станет мерою всех сил твоих.

И будешь ты рассматривать его как образ Мой, и все твои произведения предстанут перед ним, смиренно ожидая, когда он именем их наречет, посредством этого определив обыкновенье всякой вещи.

Я сделал больше. Я ангелам Своим сказал: служите человеку в его духовных нуждах, служите в его славе, в нем разумея представителя Моей предвечной Сущности и Божества.

В могуществе Своем Я силы передал ему, свет мудрости Моей и кротости Моей любви и милосердия; и не единожды дары подобные Я сообщал, и Я их повторяю непрерывно всякий день и всякое мгновенье, когда бы человек достоин был Моих благоволений.

Однако же нам, вы скажете слепые люди, дары подобные никак не достаются, хотя для нас они и начали распространяться.

Они для тех, кому наймиты ваши и рабы откроют в глубине земной изящные металлы и алмазы?

Когда исполненными будут замыслы Мои, когда работу совершите вы, назначенную в делании Моем, тогда позволено вам будет приобщиться к отрадам света Моего, в псалмах воспев блаженство вашего существования.

И до тех пор вам не дано и в радостях отдохновение, которые несет молитва, пока не приведете вы к пределу живые проявления, что устремляет к вам мое светило, пока вновь не воспрянут стены Иерусалима.

Прострите на поля свой взгляд, и вы увидите обильный урожай и многие опасности узрите, что для него угрозой стали; и, прекратив собою заниматься, вы рьяно броситесь в работу.

Так вырвите колючки, укрывшие Мои поля, от камней их освободите, следя за тропами животных, терзающих посевы; вы на ногах пребудете и день, и ночь, чтоб безупречно урожай сберечь до жатвы.

Для этой цели дал вам ум Я, силу и порыв. Поскольку Моя книга для *ваших уст являлась сладкой*, вы побоялись, чтобы она не оказалась *горькой в чреве вашем*.

Избранник верный Мой не знал того же страха; вот почему достиг короны он. Что делать впредь мне должно? Поскольку опасаетесь, чтоб Моя книга не оказалась *горькой в чреве вашем*, она не будет больше *сладкой на устах у вас*. Вкушаемые наслаждения ваши у вас отнимутся.

Вы станете подобными растениям земным, которых сухость заставляет клониться долу после первых рос весенних; и скорбь обрушится на вас: про братьев, в рабстве пребывавших, вы забыли, мечтая лишь работать на себя, но не для Своего Владыки.

62.

И сотворишь Ты знак Своей десницей, и снизойдет он на меня росой нежной и прозрачной как жемчуга восточные; послужит он проводником для света Твоего.

Свидетель Твоего Завета придет ко мне для исполнения святых задач; в объятия к Нему я брошусь; изучу Его движения все и обрету Его слова, и в Нем я рассмотрю сокровищницу таинств, сил и повелений Всевышнего.

Благодаря Ему не стану больше мнить себя я разделенным с Предвечным. Способно человеческое слово пространство уничтожить, соединившись, несмотря на расстоянья, со словесами, мыслями всех мудрецов.

Не предстает ли человек священной лампой, подвешенной средь сумрака времен?

И приноровлена она к ветвям живой оливы, откуда льется елей оливковый чистейший, что заставляет свет ее распространять в своем блистании.

И кто ученым станет, если он не мудр? Кто мудрым станет, коль не просвещен? Кто просвещенным будет, если не узнает смысл вещей? И кто познает смысл вещей, когда не ведает о свойствах и числах существа?

Согрей меня и вспомни обо мне, и воскреси меня, скажи хоть слово: бесчисленная армия придет заполнить разные пространства моей пустыни, поскольку слова Твои — творения.

Ты говорил однажды звездам, и ты велишь им исполнять Твои решения. И с той поры они не прекращают претворять подобие святого руководства над всякими пределами вселенной.

Но человеку Ты дал не только движение и жизнь посредством Слова Своего; Ты вылил на него святое помазание, первосвященником поставив человека над мірами.

63.

Стенаю я: быть может, мне чего-то не хватает в юдоли сумрачной земной? Возобладал бы благами и счастьем, когда б исполнил цель единственную я, для коей получил существование?

Когда б от слез своих я смог бы на мгновение забыться? Но тот, кто создан для труда, мечтать не должен и о мгновении едином отдохновенья.

Скорбь, скорбь, скорбь! И стану я лишь это слово повторять: тогда число тройное от единства отделится, что есть причина зла всего и нестроений всех.

И стану я лишь это слово повторять, пока господство не восстанет от земли, придя людские беззакония очистить.

Необходимо нам оплакивать людей, которые могли бы ожидать от нас освобожденья и которых оставили в темницах мы. Необходимо зло оплакивать, какое нам не удалось остановить, и благо, что не совершили мы.

Гляди же, человек, в руках твоих труд этот. Когда соединить ты сможешь слезы собственные с рыданием рабов и жертв? Когда ты снизойдешь на землю рабства, чтоб донести туда распев молитвы и воздыханий скорбных?

Простремся вместе, собираясь всякий день, чтоб гнев смягчить и правосудие умерить. В стенаниях и воздыханьях наших Отца мы Имя призовем. И станем повторять его, пока от нас не удалится враг, смилив свою враждебность.

Мы сможем встать на путь, Отцом заповеданный, восприняв зорким оком цепь снисхождений длинную Его. Могли бы мы запутаться на ней? Цепь милосердий Господа присутствует во всех частях Вселенной: она способна нас вести по лабиринту.

И Ты, существ Владыка, какие же преграды могли бы помешать Тебе достигнуть человека? Для Твоего могущества ни время, ни пространство не помеха.

Дай выход меньшему из собственных желаний, и я мгновенно буду окружен и словно ослеплен присутствием Твоим.

И если в Имени Твоем любая сущность замирает, предал бы душу Ты мою на оставленье, как не сумевшую над безднами подняться и удержать-ся прочно?

64.

Ослабился ли человека дух, иль сдержанней стал он, а может, ныне действует в невидимых пределах, как и прежде? И, кажется, не обладает даже силой творить чудовищные преступления.

Ужасно развращенными являлись древние народы; от преисподней до небес их сила простиралась.

Небесные господства содрогались. Бог сотрясал истоки и столпы природы. Повелевал Он водам укрыть лицо земное. Он мира основания обнажал.

Когда ж преступные наклонности племен ослабились, возмездия небес утихомирились тождественно. Угрозы место заняли возмездий, пророки были посланы для устрашения людей.

Иакова взошла звезда затем, неся народам мир, провозглашая избавленье их.

Но не взошла она в угрозах и устрашающих словах пророков. Она взошла, чтоб возвестить, что *иго ее благо, и люди в нем найдут отдохновение душ.*

Но разве с той эпохи спасения народов все исчерпалось? Господь не проявляется уж боле сообразно ни в воздаяниях, ни в угрозах и ни в утешеньях. Людская раса будто предоставлена сама себе.

Нет. Мера исполняется во сне и в тишине. И раскрывается она в скорбях. *Услышьте говор битв и грохот войн.*

О чем вам войны говорят политиков, межплеменные, которыми история полна, и разве не желаем мы на них примерить Господень справедливый взор Бога сил десницу?

Увидите вы возрожденье войн избранного народа против Аморецев, Амеликитян, Филистимлян.

Увидите, как возвращается пора жрецов Ваала: конец времен ее началу будет уподоблен. Но меч восстанет правосудия десницы.

Он принесет намного большие опустошенья, чем в пору сих народов древних, поскольку Словом Господа Самим отточен будет и направлен против нечестивых.

В ничтожном состоянии пребывая, народы устремятся к деятельности ложной, какая более всего близка небытию. И лишь путем ужасных потрясений они вернутся к истинному делу.

Евреи, вы ждете водворение свое в земном Иерусалиме. Но разве пророчество о вас не возымели силу во время возвращения вашего из Вавилона?

Евреи, вы ждете избавления своего; но вы не в рабстве, в котором пребывали в Египте и Ассирии; скорее вы в заброшенности вящей.

Евреи, земного славного вы ждете царствия Мессии. Но основал бы Он господство это, когда бы даже вы Его признать желали?

Не все ль исполнено? И мог ли Он дать миру дольнему триумф красивей, чем возложить венец терновый на святое имя, которое должно изгладить беззаконье?

Господь есть Дух. И царство славное Его уже предуготовлено тому, кто в истине и в духе Богу служит. И чаемое царство вознаграждения господством станет для того, кто на судилище Христовом низвергнутым не будет.

65.

Блажен, блажен, Ты, предназначивший Свой свет и Свою мудрость для иной юдоли! Когда бы больше Ты сумел их передать нам в мире дольном, мы больше заблуждались бы о них.

Сюда приходит человек в убогости духовной. И не желая непрестанно дланями к Тому тянуться, Кто смог бы милостию наделить его, он опускает их и наполняет прахом, и мнит себя тогда в довольстве и в богатстве.

И даже если время возможность предоставило ему круг завершить по протяжению великий, старик умрет, испепеленный днями, поскольку временем обманывался, пренебрегая сутью истины, какую мудрость на него излила с изобильем.

Но мудрость в Твоей руке находится бичом железным. Так накажи им человека, к путям Своим принудив, дабы ему никак не уклоняться от Тебя.

Пред ним светильник истины неси, его ему никак не доверяя; иначе, он сожжет себя или его на землю бросит, и снова станет шествовать во мраке.

Ты дал мне ощутить от юности моей, что эта истина, присуща человеческой душе: она совсем не наваждение и не обман.

Ты дал мне ощутить, что чают ангелы господства человека, как ожидает человек господства Бога.

Ты дал мне ощутить: пусть даже человек и не сберег ни чистоты, ни доблести на сердце, взыскуют Ангелы еще союза с ним.

Ты дал мне ощутить, что если не имелось священника для наставления людского, Господь повелевал Сам человеком и исцелял Его.

О, сколь прекрасны исцеления, содеянные Божьими руками! Не отнимают ничего они, но лишь дают. Поскольку превосходят лечения рук человеческих, ведь совершаются они при помощи орудий, в себе имеющих источник жизни и творчества начал.

66.

Господь незыблем в сущности своей и качествах своих. Устойчив смертный в сущности своей, но не устойчив в качествах. Вселенная же не устойчива ни сущности своей, ни в качествах своих.

И качества Господни вне Бога проявляются, не отделяясь от Него. Необразная течению времени их сущность повсюду создает святилище, куда проникнуть не по силам никому; оттуда видит все она, хотя ее заметить никто не в состоянии.

И почему бессмертные мы все? А потому что мы исходим из сущности и качеств Господа, а существо предвечное живое производить не может существа, на гибель обреченные.

И почему мы Богу нетождественны, как самому единству? Да потому что мы отделены от Бога: иные Его свойства, и по-другому быть не может, поскольку все они — Господь в Своем единстве.

Что может уподобиться единству? И не достаточно ль для нашей славы быть образом Его благодаря незыблемости нашей сущности и силе проявления свойств наших?

И не достаточно ль для человека быть твореньем и возвышенною мыслью, которую божественная сила и премудрость могли произвести? И без подвижности свойств наших, которые мы в силах развивать иль оставлять бесплодными, где находился бы предел гордыни нашей?

Но почему же ты, вселенная, незыблемости не имеешь ни в сущности, ни в качествах своих? Да потому что ты исходишь от ангелов, произведенных Богом и отделенных от Него, как и бессмертный человек; да потому что ты лишь результат свойств этих ангелов, и ты не можешь плодом их сущности являться.

Ты преходяща; недолговечна ты пред человеком и ангелами всеми, исшедшими от Бога, как и недолговечны произведения человека перед творением природы.

Как человек идет своим путем развития сущностей и свойств, незыблемых, сменяемых, реальных, мнимых; так ветви разрастаются, все больше удаляясь от начала своего.

И образы сии должны отображаться вплоть до последних звеньев цепи; везде найдется главное начало и действие внешнее, что из него исходит.

Но поднимаясь, всякий главный принцип оказывается сам лишь внешним по отношению к исходящему началу, которое его и порождает.

Пусть это не касается предела, где властвует незыблемое с сущим, иль области божественной во всех своих творениях бессмертных.

67.

Наука иссушила вас, народы. Откройте вашу душу невинности чистейших наслаждений, в коих наука просветить вас не готова.

Душа была дана вам для созерцанья в действиях живых чудес Господних. Ее покрыли мраком вы, и больше вы не верите ни в душу человека, ни в чудеса Господни.

Как не сказать вам вслед за гордой рыбой; о ней пророк уж сообщил: *«Се я, что воды эти сотворила, где я прогуливаюсь»*.

Роса небесная, желаешь только ты разлиться по земле людей; ты накопляешься, становишься дождем обильным, взыскующим лишь увлажнить высоты и бесплодные места, чтобы растительность повсюду возродилась.

Неблагодарный человек пытается в дыхании своем нечистом дождя спасительного избежать или хотя бы его падение отсрочить! Он погасить старается или сгустить огонь, который порождает дождь, его охватывая, чтобы суметь препроводить до нашего предела.

Вы мните упразднить законы Существа, следящего за вами и все держащего своею властью?

Он посылал обильные дожди вам, а вы хотели их рассеять дыханием своим; однако хлад дыханья вашего их превращает в град мертвящий; взамен того, чтоб вас поить, они, треща, обрушиться спешат на ваши доли.

Сгустить огонь вы захотели: животворит спасительные ливни он; однако из-за превратностей, ему чинимых вами, он возмутится. И после обратится в гром разрушительный и станет молниями сечь до основания жилища ваши.

Себя измучаете сами, предав расслабленности, страху свою душу; и только посредством ужаса душа у вас начнет к познанию премудрости стремиться, хотя могла ее познать в восторге упоенья.

68.

Всходил Господь на Свой престол; и сделав шаг один, он встретил человеческую душу: «Откуда поспешает это печальное и удрученное создание?» — «Бежала, задыхаясь, я, чтоб на собрание прибыть *Божественных Людей*; меня покинули вдруг силы: осталась я в пустынях правосудья.

Вокруг себя я нахожу иллюзии предметы, что вызывают отвращение мое; а *люди желаний и истины*, кем дорожило мое сердце, все отстранились от меня!

Так я скитаюсь, Господи; пусть я и не достойна, чтоб Ты вошел в мое жилище, но слово вымолви, и все, что суще, для меня преобразится в державного понтифика».

«О, Божий человек, спешишь ли сам от имени Того, Кто возрождает все? Иль, может, поспешаешь от имени себя повелевать ты человеком в его живых основах, в его душе и в разуме его?»

«Но дай мне обрести часть сущности Того, Кто возрождает все; дай применить бальзам животворящий на всех суставах собственного существа. Ведь Он один способен исцелить людские язвы, поскольку кровь нас породила бессильными и бессловесными.

Ведь Он один нас научает, как поступать по воле Божьей; и без него мы — стрелы, случайно пущенные в неизвестном направлении».

«Утешься, человек, и рассмотри, сколь милосердна от времени грехопадения твоего любви дорога.

Божественное слово глагол духовный насыщает, который, в свою очередь, питает глагол *одушевленный*. Последний пажить есть словес *животных*, которые питают *растительное* слово. *Бесплодные* слова *растительными* насыщаются.

Беги же этого *бесплодного* глагола, коль не желаешь быть поглощенным *мертвым* словом, ведь там смыкается окружность, чтобы ограничить твое в пустынях странствие и привести тебя к *черте заветной жизни*».

69.

ДУХ не был дан пока, поскольку не прославился еще Господь, и корень во времени еще никак не проявился своей силой.

Достаточно ли зорко око человека, чтоб охватить все чудеса, которые в себе содержат прославления Господни?

Он был прославлен в воле на горе Фавор. Плод собственных трудов Его прославил во время Вознесения.

Прославлен будет в силе Он в конце времен.

Свершилось это трижды в трех искушениях, которым в пустыне Он подвергся. Свершилось это трижды в Им сотворенных трех воскресеньях мертвых: один раз на дому; другой раз у могилы и третий раз в пути на место погребения.

Дается это нам, чтобы понять, что возрождающая сила Его простерта над жилищем всяким человеческой семьи.

Так трепещи же, человек, от страха за преступление свое, которое закрыло твою сущность тройной завесой, поскольку рука твоя заразной

оказалась. Когда касаешься земли ты, то разве ты ее не оскверняешь и не разрушаешь? И разве нет ни справедливости, ни правоты во всем, за исключением того, что ты изобретаешь?

Кто может уповать на помощь прославлений всех, не подвергаясь собственному очищению? И кто подвергся очищению без страданий? Не нужно ли, чтоб воздух освежить и уничтожить насекомых, впустить порывистые ветры бурь?

Вселенная в деснице Бога, который постоянно ее трясет и возмущает, чтоб удалить все шлаки и оболочки грубые.

Но мудрость научает нас, что на нее влияет кротко Он, поскольку постепенны и неощутимы пути ее: так Он распорядился в благодетели законах.

Вы, кто светила изучали, предположив, что мироздания система однажды пришла в движение, идею значимую выразили тем. И если творению присуще было мудрости единство, то разве не присуще оно его поддержке и управлению его?

Без этой действенной всеобщности во всех созданиях мудрости, едва ли нас могла достигнуть заря Господних прославлений.

Она, которая спешит вскормить людскую мысль; ведь если мысли Божьи суть творенья, то мысли человека только завязи, что ожидают солнечного света, чтоб к прославлению своему прийти.

70.

Но ведаешь ли ты простой и совершенный образ? И знаешь ли, что в нем ты средоточье образуешь? Ему доверься. И изучай все годы жизни, с обыкновением людским расставшись рассматривать его в научной мервечине.

Вот, что о нем тебе сказать необходимо: *«Из всех существ, что после Бога, будь тем, что почитаем больше. Покоился на водах дух. Но Бог покоился на человеке».*

Как совершил паденье человек? Он — мысль Господня. Как совершил паденье человек? И неужели Господня мысль является ошибкой и переходящим заблуждением?

Ведь истинны когда людские мысли, то не крепки ль они как аксиомы, на малую заботу не взирая о выгодном использовании их.

Ложь, ложь, дождусь ли возрождения, чтобы с тобой бороться? И если даже я недостойным стану пред оком Бога Моего, то ты гораздо недостойней меня.

Припомню, что являюсь мыслью Бога; затем по праву сущности своей запечатлею на тебе клеймо, которое тебя восставит бесчестьем народов.

Ты хочешь обладать моей душой! Но отстранится от тебя и *плоть* моя. Ты думаешь ее схватить, и ловко выскользнет она из рук твоих. Во мне создал Господь отдохновенья место. Как я могу субботой пренебречь?

Я не засну отныне по *плоти* своей.

И всякий день, пред тем как сну предаться, врага отправлю в пропасти его. И телу сообщу деянья чистые простые, а мысль соединю с истоком подлинного света.

Пусть наполняют мое сердце благодеяния источники живые, а существо бессмертное мое — предвечные ключи любви. И так однажды приготавлиюсь я ко сну упокоенья и пробуждёнью в истине и в ликовании живительного духа.

Пребудет плоть внизу уж от меня; ее заразные и мрачные пары не тревожат впредь сияние моей эфирной оболочки.

71.

Ужели судорожное возмущение природы ее закон первоначальный? Безудержные ветры, всколыхните волны моря и обратите воды их в блуждающие горы; закон могучий неотступно противодействует усилиям вашим, стремясь повсюду равновесие восстановить неоспоримо.

Когда же сей закон вдруг на тела довлеть бы перестал, распались бы они на части. И нестроения с уродством землей тогда бы овладели.

Вселенная есть мягкая материя: на ней порядок изначальный не прекращает наносить печати, как формообразы существ; поскольку покой и мир являются конечными пределами природы, постольку они предел последний сущности людской.

Что это за поток, с вершин гор снизошедший, подмывший и сравнивавший их с долиной?

Распространит свой уровень над мирозданием всем он, безмерною завесой отделив чудовищ, возмущающихся в безднах, и с ними вместе там потопит он всех тех, кто принимал участие в смятениях бесовских.

Покой и равновесие господствовать начнут над гладью вод. Господь отмщением воздает, когда противоречит нестроение порядку; так пусть же беззаконья удаляться от взоров собственных Его.

Насыться своим духом, человек, чтоб в свой черед он успокоил тех, кто алчут; ты уподобь его потоку жизни, который покрывает землю.

В одно мгновение пронизывает молния до бездн, до средоточия существ, что образуют тайну; но ты не проникаешь в душу человека!

Но может ли быть уровень у мироздания, когда его нет в сердце человека; и человек уж не сокровищница жизни, мудрости и разуменья? Земли стремнины, кедры гор и вы, животные, наполнившие мир, поймите истину сию, ее друг другу непрерывно повторяя.

Пусть будет это гармоничным песнопеньем, составленным в едином такте, запечатленным полнотой времен.

Цель жизни — мирозданье, поскольку жизнь его и сотворила.

Посредник жизни человек, ее же он правитель во вселенной. Источник и начало жизни — Бог Единый, ничто не в силах без Него ее вкусить.

Пред человеком положите ваши жертвы, и святитель этот для Бога Нашего, Единого начала жизни, их предложит.

72.

Но почему же дольний человек исполнен упования? А потому, что он любовью связан в жизни этой. И было бы у человека все благополучно, когда бы счастья не стремился он достичь насильственным путем.

Когда же узы жизни дольней порвались, провисли и любви связующие нити, чтоб смертного предать на испытанье горшее. И если рветесь вы любви связующие нити, то с вами вместе рвутся и узы упования, поскольку оно есть дочь любви.

Однажды спокойно в лодке по реке плыл человек, но вдруг разбилась лодка о камень, и он обрушился в поток, и безопасность, коей обладал, его оставила.

И ужасом объятый тонет, в воды нисходя; и вот, коснувшись дна, от шока пережитого его выносит на поверхность. Такое же последствие разрыва наших уз земных; и так же вверх нас восхищает упование.

Известна ли нам глубина реки? Известно ль нам, что нисходя в нее, мы можем повстречать там водоросли колкие, способные нас ранить, подводные утесы, о которые разбиться можем мы, иль хищных рыб, готовых нас пожрать.

Погибель тем, кто тонут на бездонных водах, или в пучине глубочайшей, которая не силах уж их на поверхность вынести, после того как с жизнью они уж попрощались.

Но коль пловец живым всплывает на поверхность, в нем возрождается надежда, и силы получает он, чтоб берега достичь.

Великодушным стань же, человек, и водам уж не поглотить тебя; и *глубину* потока испить ты сможешь на своем пути.

Господнюю любовь глаза твои увидят, что тянет за руки тебя на край стремнины; и ты забудешь пору скорби и обмана, и памятью возобладаешь только для истины с благодеяньем.

И не сродни ли бездне Бог с предвечностью Своей, где существа должны все поглотиться, памятованье потерь о своих действиях обманчивых и преходящих? Что видим на примере сущностей телесных, которым суждено во прах земной уйти и потерять там внешность всякую своей материальной формы.

73.

Взыскуете ли жизни вы? Вы мните ее найти в искусствах и ремеслах ваших. Но эти вещи ждут ее от вас, и как возможно вам жизнь ожидать от них?

Когда б вы жизнь в себе имели, то разве нуждались бы в искусствах разных для доставления ее?

О, истина святая, какие же терпение, изобретательность потребны, чтоб жизнью пронизать людскую душу? Необходимо, чтоб свернулась ты и спряталась, как если бы имела против людей ты злые намеренья.

Напрасно человек желания снедаем ревностью; необходимо, чтобы он заботился о ближних, чего они бы не смогли не только ни заметить, о чем они бы не смогли ни догадаться.

Все эти трудности, мой Бог, сотворены для проявления господства Твоего, чтоб показать, что Ты Един способен исцелить людскую душу и утереть сукровицу, текущую из язвы ее великой раны и дать ей свет и мудрость.

Однако люди не боятся своих умерших на советы вызывать, как если бы, Единый, Ты не был Господом Живым. Не трогайте же мертвых, сие не станет им полезной вещью; не подражайте Пифии, совет держите лишь с одним животворящим Богом.

74.

И разве очень сложно познать первичное предназначенье человека? Когда б открытие такое для разума явилось невозможным, Бог нас бы просто потерял из виду.

И это бы явилось горше справедливости Твоей, что связывала нас в опале нашей; предстало это бы суровостью, жестокостью Твоей. Однако в данном жутком средстве Ты не нуждался, и властью собственной его Ты исключил, предохранив любовью.

Раскройте же мои глаза на разные занятия людские; в них рассмотрите двигатель необходимый, который управляет, их установив. И разве армия не обладает целью предвидеть или подготовить ошибки, которые противник сможет совершить?

И разве законы нам даны не для того, чтобы предвидеть и предупредить изъяны, что обществу способны нанести преступность и несправедливость?

И неужели религия дана не для того, чтобы предвидеть и предупредить ошибки в удалении от Бога, которые для душ своих мы можем совершить или уже их совершили?

И неужели священные и ординарные науки даны не для того, чтобы предвидеть и предупреждать невежества ошибки, которые умом мы можем допустить и допускали раньше?

И разве медицина дана не для того, чтобы предвидеть и предупреждать изъяны, которые здоровью наносят и нанесли уже недуги?

Я вящие свидетельства имею, чтобы в сомнении не пребывать мне больше. Все твои свойства, человек, в своем исходном смысле, очищенные от заблуждений, их повреждающих и разъедающих, передо мною непрерывно предстают исправленным изъяном, недугом исцеленным.

Итак, необходимо, чтоб твое исходное существование имело целью бы восстановление свое. Но неужели закон первичный мог быть изменен? Но неужели определяющий закон уже в небытии? Но неужели мог изгладиться характер изначальный твой?

От Бога изошедши, предстал ты сгустком добродетелей Его. Бог занят только исправлением существ, что отдаляются Его, в себе добро на зло сменяя. Когда создал тебя Он, то разве мог тебе иное назначенье уготовить кроме Своего, которое тебе и передал в Своем истоке изначальном?

Теперь во всем ты ограничен, во всем сегодня слабый ты; но оглянись вокруг себя. Закон тебя сопровождал; однако как ужался он, как изменилась цель его!

И разве должен ты к собратьям применять работу по своему восстановлению? И разве против собственных сограждан обязан направлять оружие воитель? И разве правосудие законы наказуют? Ужели против добродетели и веры религия использует свои приемы?

Ужели против просвещения с рассудком свои орудия науки развивают? Ужели против здравия должно секреты применять врачебное искусство?

Плачь, смертный, плачь; лей слезы скорби, уразумев, насколько изменилось твое господство, предавшись мировой войне гражданской!

Когда сегодня ты занимаешься везде установлением порядка, борясь со смутой, это твоего величия залог. Но в этом залог и деградации твоей, когда испытываешь действия свои на существах своей же расы. Возьми же в толк неотразимые свидетельства сии, не отрицая, если можешь, первородный грех.

75.

Кем станешь ты, людское поколение, когда в конце столетий зло развязанным окажется на время малое? Ты свыкнуться сумеешь слишком с благом века. И милосердия закон, как мнишь уверенно ты о себе, тебе удается сохранить.

Не знаешь ты, что вражья сила в спокойный час пленения сплотилась. Расхитила она ли дом призрения? И разве оружие ее триумфом не было покрыто? И почему, несчастный человек, не бдел ее ты день и ночь?

Имеешь две руки ты: одну, чтобы раба освободить; другую, чтоб пресечь преследования вражьи. Ты связан по рукам, в бездействии оставшись, и сам уже препровожден ты в рабство.

Ты вел себя как человеческий ребенок; и в наслаждениях века копал себе могилу ежедневно. Чем глубже делалась она, тем больше ты был счастлив. И ты желал похоронить во времени всю вечность.

Открой глаза на дни позора и теней, когда земные жители должны главу свою склонить под иго, и будут члены их веревкою в семь раз прочнее связаны, чем в дни потопа.

И в этом состоянии на них обрушатся и молнии и громы, и выйдут из берегов моря с потоками, и в тяжести своей забытые миры с путей своих сорвутся и с грохотом придут уничтожить бесчестных и виновных смертных, которые не смогут ни бежать, ни защищаться.

Увы! Но что, помимо человеческой души, мы не имеем и свидетельства тому? И разве Павел нам не возвестил прихода человека беззаконья?

Евангелисты разве нам не говорили об ужасе времен последних? И разве не рассказывал Захария Пророк, каким нечестью будет наказание? Не видел ли свинца он груды, низвергнутые в бездну?

Закон, Пророки, Евангелие, Мироздание и человеческое сердце суть равно апокалиптические книги. Так научайся же у этих свидетелей неотвратимых, коль хочешь, чтоб прошли чудовищные сцены, как будто под ногами у тебя.

76.

И если человек не держится за свою благость непрерывно, закон его низводит в бездны. И вместо тени от свеченья, он бликом тьмы лишь обладает.

И все бессвязно, беспорядочно вокруг него. Так ощущения образы его уму живописуют, хоть разум должен их творить для ощущений. Блажен же тот рассудок, который не нисходит к тени смертной.

Восставь меня от собственных моих грехопадений, Господь миролюбивый! Меня Ты вырви из теней времен и сохрани от испарения колодца серного. Ужели некогда была в столь сумрачных пределах обитель Твоего порядка и сиянья?

Я поднимусь на башни крепости Сион, и с этой высоты рассматривать не перестану богатые долины земли Израиля.

И днем безоблачным увижу ясно чудеса, которые Господь излил на почву обетованья Своего и собственным свеченьем осиял.

О, люди Божии, так помогите мне взойти на башню крепости Сионской; когда туда я поднимусь, вы возвратитесь, исполнившись любви моей с признательностью вящей, дабы подобной службой воздать иным своим собратьям.

И больше в помощи не буду я нуждаться. Войдя в свет Господа, я обрету себе присущий элемент.

77.

О, каковы идеи, которые в системы сводят! В них говорится, будто больше нет зла на земле, и то, что мнится частным нестроением, сотворено порядком мірозданья.

Выходит, что порядок мірозданья составлен из отдельных нестроений? И что добро всеобщее образовалось из совокупности зла частного? И что народное богатство складывается в несчастьях индивидов?

Попробуйте составить увеселительное представление посредством слез и тяжких вздохов. Людскую расу попытайтесь возродить, из трупов жизнь произведя; и если вы хотите благой міропорядок обрести, то ожидайте же, пока времен десница его не поколеблет в основаниях и обратит в развалин груды.

Такие люди предпочитают лгать в суждениях, обманывая ум свой: отсюда величие исходит их с нагромождением печальных заблуждений, которые они для этого создали!

Напрасно вы противитесь удилам и отрицаете, как появилось зло, стремясь тем самым опровергнуть бытие.

Сужденье ваше дешевле стоит вам неведения мрачного. Желаете вы, чтобы оно восприняло бы то, к чему питает отвращенье; желаете вы, чтобы оно отбросило бы все, что для него сокрыто.

Но видите ли вы, куда приводит легковесность ваших слов? Не стоит брать в пример о сновидениях понятия ваши. Ведь чтобы грезить, необходимо прежде бодрствующим быть, но спите вы, как будто бы впервые и, значит, пребываете доднесь *во чреве матери своей*.

Но если миновали стороною преграды, пристало ль отрицать их иль мнить преодоленными уже? Отнюдь: они всегда подстерегают, хотя, возможно, отложены для вас пока. Да, зло в вас существует и вокруг вас, и во вселенной, и чем бы вы не занимались в земной юдоли, в его находитесь вы узах: сие вполне вам указывает на того, кто его создал.

Так дорастите, поднимитесь до возвышенных идей свободы с силой вашей. И ощутите: если существо вдруг оказалось осужденным в узах вместе с міром пребывать, то значит, оно весьма могущественным было, чтобы вселенную поколебать.

78.

Приятен голос ангела и друга моего. Он мне, как проблеск неожиданный искрящегося света для заблудившегося странника. Он мне, как исцеляющий бальзам больному, который поражен во всяких своих членах.

Кроме него, я не желаю больше слушать голоса иного. О, как разнится с голосами он, рожденными в земных и сумрачных пределах, в которых

обитатели лишь ищут порабощения молитвы человека и отклонения ее с пути!

Ты обучи меня Господним песнопениям, невинности псалмам, доверия, любви. Стези ты открываешь человеку. И в силах он идти тропею верной лишь при гласе слова твоего.

Я грешником являлся, хотя был удручен, но, вымаравшись вволю, я в скверне закоснел. За мной пришел он, кинувшись во прах, в котором извивался я; пришел он, чтобы мне внушить отвагу и вызволить меня оттуда.

Где друг, желающий нам столь добра, что даже в силах свыкнуться со злом, которое творим ему мы? Кто повелит мне возвестить его благодеянье во всех пределах мироздания?

О, друг мой, когда, к несчастью, голос твой уж не услышу боле, я в сердце разыщу своим и обрету в нем яркое воспоминанье о добродетели твоей: оно послужит мне проводником в пустыне и в сумраке моем.

И так возобладаю я двумя проводниками на долгих возрождения путей: один из них — то голос ангела и друга; второй — воспоминание его благодеяний.

Я их услышу, но мое сердце впредь отдохновения иметь не будет от того, что всякий человек не слышит их, не следует за ними в свой черед. Я стану размышлять о них в покое собственной могилы; и там они доставят мне тождественную радость, которую мне дали в достоверности моей опоры на земле.

79.

Как можете, о, смертные слепые, вы Бога обвинять в своих страданиях и утратах в земной юдоли чуждой? И разве Господу не имя святость? Его закон ли не во имя милосердия? Ужели скипетр Его не служит правосудью?

Взгляните на природу и рассмотрите, что она никак не есть разумнее и справедливее Его. Однако существа, ей порожденные, расставлены природой по местам в контексте их естественных взаимосвязей и в элементах, им аналогичных.

Один лишь ты, несчастный человек мнишь мыслью отделиться от своих взаимосвязей, и даже обитатель вод, который выброшен на сушу и задыхается на берегу, казаться страждущим не может более Тебя.

Итак, не говори, что Бог тебя лишил потока жизни; тебе он дал его в обитель; об этом ныне Его любовь и снисхождение тебе напоминать не перестанут.

Боишься ограничить славу Бога Своего ты, однажды отказав Ему в твореньи зла! Но поразмысли: зло не сила, а только бессилие и слабость: оно стремится скрыть добро, которого ему недостает.

И рассуди, что сила эта была излишней для добра, в котором заключались силы все. Ужели разум не страдает твой от вида, как мир разбух от «доказательств» и людей безверных?

Известно ли тебе, что человеку пожаловано было естество, чтоб зеркалом служить, в котором истину он смог бы обнаружить? Не ведаешь ли, что ученые, философы зеркалом сим овладевали и, поразив ударом резким, они его жестоко разбивали?

Затем они нам говорят: в него взглянув, познайте нечто. Но что прочесть мы в силах там? И разве всякие предметы, которые мы сможем в нем увидеть, нам не покажутся запечатленными в бесформенных осколках, ужели нам дадут себя познать?

Остерегайся сведений лукавых этих: в тебе самом они способны еще прекрасней зеркало разбить; не признавай священного светила, которое лучами стремится исколоть всю грудь твою, пока ты сам вокруг себя не разольешь свечение и кроткое тепло Господне.

80.

Тебе известны, человеческое сердце, сокровища благие, принадлежащие любви Отца. Детьми твоими образ предстает, который для тебя жизнь отражает. Над житием его твоя восходит животворность: се истинная дань, оплаченная им, ведь житие его произошло от жизни собственной твоей.

Любви предавшись отчей, сердце человека уж не находит места в себе для беззакония и преступленья. В пучине зла оно спокойно пребывает, и зло ничуть в него не входит, когда любовь порядком сердце охватила, связав его и с добродетелью, и с духом.

Вот почему порядок этот позволяет, чтобы отцы и матери являлись девственниками в поколениях своих, и чтобы нестроенье в них нашло свое возмездие. Вот почему Господне дело движется вперед: когда от беззаконья смертный обратится, закон стремится быстро к завершению.

Душа людская, радуйся своим дарам природным. Чиста ли ты? Да, с той поры, когда, не применяя силы, ты неустанно заставляешь зло бежать, противоядию уподобляясь: его обычного употребления довольно, чтобы избавиться от яда животных вредоносных.

Глубины знания, открытые Адаму в поколениях, желаю все отдать вас без остатка Высшей Силе.

И этого хватило бы: тогда Она смогла бы нам доверить прообраз низший закона истечения своего.

Благочестивые мужи, вы ангелам в изгнании подобны, узревшим издалёка храм Господень и жаждущим, соединясь, в него вернуться: так всякий день они занятиям предаются для совершенства в чистоте, во имя высшей добродетели творенья и водворенья в Божию храмину.

81.

О, песнопения мои, подобны ль вы потокам огненного духа? Но вы пока лишь плод моих желаний, поскольку дух сей не был еще от человека отделен.

И вы никак не меч разящий, который может в бегство обратить и супостата Господа. И вы никак не легкая и колкая стрела, стремящаяся вдаль, спешащая пронзить льва разрушителя, иль *птицу хищную*.

И вы преградою не предстаете, вокруг крепости поставленной, которая, хотя б на время, способна помешать врагу пройти под стены цитадели. Пусть души кроткие простые не развратятся никогда ученьями небытия. Примите силы, чтоб оборонить себя.

Однажды под силу станет вам атаковать небытие!

О, Слово жизни, когда вселишься в человека ты, и кто тогда способен ему потивостать? Ведь нового ты человека из него творишь, непостижимо другим и самому себе, *активного* во всех своих уделах.

И разве человек не должен являться действием постоянным Бога? Не имя ль Господа пророков души утоляло и наполняло вдохновением высоким писателей священных слова Божия?

Сообразительность людская, ты проявляешь признаки отдельные активности во имя Господа.

Но как искажены и зыбки их черты!

Из всех животных, птиц одни лишь люди, которых Ты возвысил до повторения определенных звуков; и нравится Тебе обозначать как бы словами их.

На это не способны животные земные. Но самые несведущие в этом рыбы. Шипят все змеи. И норовые звери не могут даже крик произвести; их состоянье нашему подобно, к которому с грехопадения поры обречены все люди нисходить!

В юдоли здешней измеряй свою печаль и помни: средь птиц небесных великие примеры и милосердия и возрождения избранны были.

И образ голубя ты не теряй из виду; желай, как царь Давид, облечься крыльями сей птицы и полететь в отдохновения обитель, которая одновременно есть средоточие *вселенского движенья*.

82.

Не подставляйтесь змеи мертвящему укусу: тогда она не бросится на вас. Но снизошли они в драконову пещеру и в ужасе оттуда устремились; теперь по всей земле преследует дракон их.

Не он ли, Спасителя пытаюсь искушать, сказал: «Я обладаю властью над всеми царствами вселенной».

Так перестаньте ж прославлять себя, цари земные, и трепещите от опасности, что рядом с вами, представив, что вы не одни, имеющие власть над *царствами* своими. И вместе с собственными подданными находитесь в плену вы.

Все нужды наши — для врага открытая дорога; и тотчас он является, чтобы договориться с нами, нас избавляя от закона, которым предписано трудиться нам в поте лица.

Преодолев сорокадневный пост, когда Спаситель голод ощутил, лукавый тут же рядом оказался и посоветовал Ему камня обратить в хлеба.

Душа людская, взойдешь ли ты одна на Храмовую гору и, Господа поправ ногами, осмелишься ли от Него ты ожидать поддержки от могущества Его?

Взойдешь ли ты на горную вершину и, рассмотрев все царства мира, ты станешь ли господствовать над ними ценою беззакония и отступленья?

Хотя туда поднявшись, она откроет вежи Иерусалима и, поразившись красотой святого града, она его восславит и возвестит о нем всем племенам.

С десницей Господа она способна рассыпать все утесы, что преграждают путь ее. По гласу Господа она препроводит змею в свою пещеру, бесильным сделав ее укусы смертельный.

И посетит она, по гласу Господа, небытия пределы, тьмы и беззаконья, где, уничтожив ложные посевы слова, она святыне гимны возродит, что всякому творенью должно исполнять.

83.

Душ пастыри, которые овец своих забросили, хотя должны были вести их к пажитям обильным; душ пастыри, которые отдали на расправу их льву, иль обратили сами их в волков свирепых.

Учения земные, которые чувствительными слишком стали к приманкам ложного свечения, и им создавшие замену подлинным богатствам, что заключил Господь в людскую душу.

И богатеи мира, отведшие от бедного свой взгляд; срам вам подобными ему казаться: поскольку подаяния не можете вы сделать без гордыни, постольку не сумеете принять его, не получив уничижение.

Спешите изучить свое предназначенье: гнилые зерна, в себя посеянные вами, проникли в девственную почву; вот почему плоды их будут столь горьки!

Старик один, объятый в духе, был унесен в подземные места. И взору его представилась огромная палата, украшенная превосходно.

Церковные архиереи, вышший свет — толпа бесчисленных мужчин и женщин, в раззолоченные одежды облаченных, кругом рассажена была.

Что делаете вы, застывшие в таком порядке? Они пошевелили головами в настроении печальном и не сказали ничего.

Что делаете вы, застывшие в таком порядке? И не ответив ничего, они одним движеньем общим вдруг приоткрыли свои платья, наружу выставив тела, терзаемые язвами с червями.

И ужас старца охватил от зрелища сего, и мерзкий смрад от этих ран удуше вызвал в нем; и дух его омыл слезами и наказал предупредить тех братьев, что еще живут в своем отцовском доме.

84.

И ухо впредь мое воспринимать не станет концерты смертных, чтобы крупницы даже не отъять от наслажденья полноты. Что мне все звуки ваших инструментов? Их цель одна была лишь слово обрамлять.

Да, слово действует тотчас, как вы создали звуки; оно с их модуляциями соединено; и ни один из звуков не в силах проявиться во вселенной, пока его связующее слово не станет действовать.

Как может музыка существовать без звука, а звук без воздуха, и воздух сам без духа, и дух без жизни, и жизнь без Бога нашего? О, что за чудеса, о, что за силы вбирает музыка в себя?

Но кто в ней слышит слово? И не находимся ли мы по отношению к нему в пустыне? И что за речи сладострастные и лживые, которыми вы оставляете мелодию свою и все секреты своего искусства?

И тут я вижу только звуки, что чают оживотвориться словом.

Когда бы обладали этим словом вы, нашлись бы в исполнении вашем звуки, чтоб лад ему составить? И инструменты ваши хрупкие смогли бы с его мелодией соединиться? Читайте здесь, что в выступлениях ваших должно присутствовать.

И если слово это воспринял человек, то значит, был он избран певчим Бога стать, дабы прославить чудеса Господни; он избран был, чтобы исправить разногласицу аккордов, которые пытались только истины гармонию нарушить.

Он должен исполнять один свое предназначенье? Отнюдь. И все вы, существа природы, обязаны слить ваши голоса с его псалмами; вам всем необходимо сопровождать его небесный глас.

По лестнице гармонии пройдемся, что преодолевает человек в пути своем. В паденья миг материей он стал, немного с духом смешанной.

Он духом, растворенным веществом, стал на второй ступени.

На третьей — чистым духом проявился.

А на четвертой станет обоженным он духом.

Однажды я услышу обоженного человека, святые песни, льющиеся с уст его из сердца, что душу вознесут мою к подножию святилища.

Услышу всех существ возобновленных, аккомпанирующих верно гласу певца бессмертного!

Животворящий и вселенский гимн, восславь могущество с любовью Предвечного; так пусть же человек, который исполнит этот божественный псалом, из жизненных источников напоен будет!

85.

Религия любая свой культ с обрядами имеет, и все религиозные доктрины имеют видимое отправление.

Они располагают действенными формулами, что связаны с идеями господства, которые почтение внушают и даже угрожают всякому, кто делается их врагом.

Материальная доктрина не имеет для своей поддержки ни зримого, ни жизненного вовсе. И сведена она лишь к воплям повсеместным: небытие, небытие! Она не в силах нанести удар достойный своим противникам.

Она со всех сторон осаждена и не обладает малейшей силой даже, чтоб сопротивляться.

Она подобна богам из дерева и камня, что, по словам Варуха, не могут защититься ни от воздушных бедствий, ни от заразной скверны, да и держаться не в силах на собственных ногах без скоб связующих железных: отсюда идола преступников напоминают.

Гиганты, пусть ваша высота и рост позволили Потоп Всемирный пережить вам, но обладали вы еще иным господством властным; вот почему тревог вы столько принесли избранному народу.

Премудрость вас оставила существовать, дабы народ не впал сей в небрежение, дождавшись, будто бы отдохновения день уже настал.

Все, кто сегодня покуситься хочет на трон Предвечного, желая стать гигантами как вы, на самом деле жалкие пигмеи.

И кем вы предстаете, тщеславные фантомы ночи, когда великолепно над горизонтом солнце всходит и изливает в огромных волнах свет свой?

86.

Кто тот, который победителем из битвы возвратится? Воистину, печалиться он станет о сохранении своем по смерти в памяти людской, но посвятит себя заботе, чтобы у народа о Боге память не исчезла.

Он воспринять сумеет, что человек есть как алмаз, который может ограничиться лишь собственным благодаря надломам, в прах окунувшись свой.

Все естество образовать стремится темницу с путами для человека; однако естеству необходимо стараться в очищении его и удалении окалины.

И почему несет уничтожение огонь? Но уплотнению благодаря того же самого огня, творится созидание.

Так созерцайте же деянья естества, питая этим разум свой. И ожидайте иную руку, но не вашу, способную предстать пред вами в *действии живом*.

Без этой осторожности вам не понять, в каких смятениях вторичных и извращенных, вы отражаете деянье Божье, которое должно в душе вашей вершиться.

И если столь ущербны мы, что лишь воспринимаем деяние в простых пределах, обратившись к ним, то кем должны мы стать, в пределы сложные вернувшись?

Насколько добродетель человека распространиться сможет вне его, со всем добром вокруг соединившись, настолько ощутит он благо существования своего и жизни!

Насколько добродетель человека распространиться сможет вне его, настолько силы Божества войдут в него, и он неощутимо обратится в иное существо!

Но без живительных орудий, которые его хранят, готовят, как сможет к Богу он приблизиться, и как Господь приблизится к нему?

И если обителей немало есть в Господнем доме, то почему не может быть их много в доме человека?

87.

Блажен, кто верою и храбростью исполнен, кого минувшие грехи и беззаконья не тянут вспять в его труде!

Спросили вы о том, как надобно молиться. Болящий спрашивает, как он должен скорби выражать свои? Повелевай всегда болезни удалиться, как если бы ты восстановлен был в своих правах.

И призывай всегда добро, как если бы ты не лишился высших благ. И не гляди на то, что ты нечист и слаб. Свой взор не обращай назад и будь упорен в намерении своем.

Своей настойчивостью можешь ты восстановить божественную доброту, в тебя заложенную естеством.

И непрестанно повторяй: «Приказываю беззаконью бежать далёко от меня, повелеваю силам всем природным и духовным вокруг меня сплотиться.

Всех чистых избранных я умоляю меня сопровождать и покровительствовать мне. Я простираюсь перед Тем Единым, Кто способен во мне восстановить все жизненные связи.

Слова Его любые мирозданье порождают; слова Его любые способны вокруг меня сосредоточить полк существ животворящих, поскольку говорит Он, лишь порождая жизнь, ее распространяя в душах, что ее взыскуют.

Увы! Мы можем Господа помазать своей молитвою, уподобляясь той блаженной дщери, что помазала благовонием Его пред погребением! Мы сделать можем так, чтоб пребывание в гробнице Ему бы менее прискорбным стало.

88.

Ребенку птицу дайте, и он ее на части растерзает, чтобы узнать, что у нее внутри.

Заставьте вы его выращивать цветы, он будет рвать их всякий день, чтоб видеть, как они пускают корень.

О, человеческие дети, по отношению природы вас занимает любопытство, как если бы обязаны вы были вновь создавать творенье.

Пренебрегаете вы изучать предельные законы естества, как если бы оно бесцельным представало, как будто бы премудрость, его восставив перед вашими глазами, ему не предписала божественной работы продвиженья и улучшения существ, которыми оно населено.

И если бы Господь вам вознамерился бы сообщить все о развитии его, не показалось ли оно вам сформированным вполне; произвело тогда бы тело ваше его без разумеенья вашего об этом?

Исследуйте же, почему все вещи существуют, понять же как — вам не дано; имеете вы право использовать по своему обыкновенью их, но вы не обретете право никогда их заново творить.

Когда берете лиру вы впервые, учитель сведущий вас научает, как звуку должно извлекать из инструмента, но разве он стремится показать весь путь ее изготовления, продемонстрировав пред вами все составные части, чтоб вы смогли собрать их, а поначалу разобрать? Но это отнюдь не ваша цель.

Занятие такое бесполезным бы явилось. Вот лира перед вашими глазами, и поступая так, вы сможете ее испортить только.

О, смертные, дана вам лира гармоничная природы; вот и старайтесь звуки из нее извлечь, не тратя дни свои на расчленение ее структуры.

Святое слово, своими изысканиями пытаются они уж оскорбить тебя, как будто бы уже узнать сумели, что все сотворено их словом и ими все одушевилось.

На что Господь способен, умалившись, и разве слово животворное Его не одарило бытием миров универсальность, когда людское слово зыбкое дает существованье совокупности своих произведений?

89.

Дух человеческий, ты не находишь, что если б не было посмертных испытаний, твое бы возвращение в истине явилось слишком легким?

И наказание тебе не стало б слишком малым? Не слишком ли уменьшилось почтенье, должное к Отцу любви и света? Не слишком ли умеренно и воздаянье правосудию?

После того, как ограничил ты себя премудростью бесплодной без любви и света, считаешь ли достойным ты себя войти в обитель вечной справедливости и святости?

Ведь тело появляется твое нагим в подлунном мире, оно почти как у атлетов на арене. Не должно ли, чтоб и твоя душа нагой однажды устремилась в предел, который должнему подобен, дабы представить доказательства свои для зачисления в ряды воителей бесстрашных?

И чтобы славно доказательствами нам облечься, пребудет с нами до исполнения времен Лев из Иудина колена с Его избранныками.

В подлунном мире они лишь знали брань земную. И как покинули они его, душою возросли в небесной брани, дабы за все приобретенные победы в конце времен увенчанными быть бессмертным лавром.

И пусть пример их вдохновит твою отвагу. И если твое тело прекрасное сложенье получило в утробе матери своей, ты сможешь им пожать плоды во время жизни плотской.

А в теле душа твоя заключена, как будто бы в утробе материнской, и обрести она способна там сложенье собственное, из воли исходя твоей; и ей готовиться необходимо оставить тело после своего рожденья, что почитается материей за смерть.

Так обеспечь души прекрасное сложенье, исполнись упованием на будущее царство.

Ведь самая пекущаяся мать признает, что хлопоты ее о детях ничтожеству подобны рядом с заботами, которые они приемлют от Провидения ежедневно.

Но как желалось бы тебе Его любви в осенней зрелости твоей? В любом пределе, где ты обитаешь, и на ступени всякой, которую одолевает смертный, хоть в этом мире, хоть в ином, не предстаешь ли ты всегда Провиденья ребенком?

90.

Безумные, как вы посмели делание духа с трудом материи перемешать? Не знаете, что смысл первоначальный вещей был сотворен двойным? Не видите ли вы, что цифра *два* является причиной порождения любого?

Когда они соединяют с видимым числом число его начала, то получают только половину от настоящего числа; вот почему в телах заметна бренность мірозданья, поскольку само число руководит рождением материи и разрушением ее.

Адепты герметической науки, мистериями вашими вы больше нас не помрачайте; самих себя вы не вводите в заблужденья лечебными секретами своими: вы оскорбили истину, смешав ее работу с собственным трудом.

И хочется мне думать, что все же вы не дети Велиала, хотя того не созная сами, способны вы уподобляться им.

И вам по силам совратить обычных горожан, им говоря: *«идемте и послужим чужим богам, которые вам неизвестны»*.

Что было велено избранному народу, когда нашлось, что эта скверна в действительности воплотилась? *Пройдите тотчас с обнаженными мечами по месту этому и уничтожьте жителей его, с кем встретитесь вы на пути своем, вплоть до зверей.*

Ведь власть чужих богов способна простирается во все пределы, что ей открыты, и там она опустошает все, что встретит, сродни потоку, разорвавшему плотину.

91.

Как мы припомним то, что предвляло рождение нас в подлунном міре? Ужели материя не предстает могилой, пределом, сумерками духа?

Но после смерти, как не вспомнить нам о жизни нашей земной и преходящей? Не есть ли дух материи светильник?

Прострет свои лучи он надо всеми стезями нашего пути, как факел, который загорается, казалось бы, внезапно, средь гробниц.

Моя земная жизнь, должна ты быть прекрасной могилой духа моего: не усомнюсь уж боле, что я бы не существовал, когда бы не явился сам в сей искупительный театр.

Припомнится ли время, когда я пребывал в утробе матери своей, когда я находился в колыбели, у ее груди, вплоть до мгновенья, в котором мышления первоначальные черты во мне проявленными стали?

Ведь для меня те времена, как если бы их вовсе не существовало. Могу ли быть уверенным я в том, что в памяти моей истерлось?

И не докажет ничего мое невежество против времен, что предвляли жизнь мою земную; припомню я: имеет материя над духом власть, вплоть до того, что тьмою ему служит.

О, человек, коль возлюбил ты свет, как защитишься от материи, которая тебя объемлет?

И если не станешь ты ей помраченным, увидишь после смерти все, что совершится и что придет в мирах обоих. Без этого лишь чувствовать ты

будешь, но не рассмотришь ничего, и качества, которые тебе достанутся от века, вмиг обернутся в наказание твое.

92.

Несчастье міру по причине смут! Но должно ль было смутам пребывать в нем? Необходимо стало в нем иметь общение между врагом и человеком, чтоб человек бы ополчился на врага!

Благодеяния десница, явилась Ты от одного другое отделить и начинаешь разить, чтоб помешать сраженным человеку быть самим собою. Пришла Ты во спасение того, который был погублен.

Лишала часто жизни Ты людей невинных, чтоб вразумлением служить для грешных. Не это ли с Галилеянами случилось, которых кровь Пилат смешать распорядился с животных кровью, принесенных ими в жертву. Не это ли произошло, когда паденье башни Силоамской убило восемнадцать человек?

Они жизнь в теле потеряли; хотя на них отверзлись глаза Твоей божественной души; хотя рассказ об их зловещей смерти народ заставил к покаянью обратиться.

Не тем ли предстал и от рождения слепой, страдания терпевший ни за свои грехи, ни за грехи родителей своих, и проявлению славы Твоей прекрасно послужил?

Неисчерпаемая Мудрость, идешь ты дальше, невежество и беспросветность восставляя против человека, который смертного почти всегда опечалит, пытавшегося навредить ему или убрать с дороги.

Преступник, неспособный равнозначно ответить палачам, сказать бы мог, что палачи его терзают незаконно, ведь он не в силах им сопротивляться; однако ощущает четко сам: по правосудию он предан смерти и расправе.

И огорчения свои почти всегда приемлем мы со стороны себе подобных.

Но ощущаем, что по праву испытываем их, поскольку в беззакония юдоли пребываем.

93.

Его ли вопрошу о бытии пророка? Его ли вопрошу о чудотворстве от имени Его? Его ли вопрошу и о проникновении в секреты мудрости Его?

О, нет, Господь, ведь в имени Твоем я обрету лишь часть, которую Ты соизволишь направить мне; и Твое имя использовать начну, внемля необходимости одной.

Своих детей Ты наделяешь хлебом, согласно возрасту у каждого из них; и Ты единый пожелал распределением этим ведать.

Пророков воздвигаешь Ты, избрав в годину худшую для трона, в пору, в какую их не ждут и вовсе.

Амос, ты избран был и облечен Господним духом, когда на пажить вел быков.

Но есть ли чудеса, свершенные во имя Бога, что нас сближают с Ним? Ответил Сам Он тем, кто похвалялись этим чудотворством: *никак не знаю вас Я.*

Сказал Он и Своим ученикам, уже наполнившим подлунный мир чудесными делами: *еще вы ничего не попросили у Моего Отца от имени Меня.*

И ты, Израиля певец, хоть и признался пред Господом, что для тебя Он проявил Премудрости сокрытые и тайные начала, молил Его омыть тебя от скверн греховных и воздыхал о беззакониях своих.

Как ты, Его я попрошу, меня не оставлять коснеть в юдоли развращенной, не дать мне стать еще в сей жизни питаньем для червей.

И я вооружусь, я в бодрости пребуду и стану слухом чутким ожидать, когда наказ Господень сделается слышим. Взойдет заря пред тем, как пост покину свой я, дабы отдохновению предаться.

О, караул, который бодрствует по всей земле во славу Господа, нас непрестанно призывай, держи нас наготове. И пусть молитва в фанатизм и в страсть у нас оборотится, когда желаем обеспечить безопасность вверенного места.

94.

Как усомнюсь я в том, что человек не должен свою работу совершать лишь для себя и для себя творить свои забавы? Откуда приходят к нему заботы украшения жилищ, и там ласкают взор его предметов тысяча изящных и неожиданных?

Фальшивый образ сей напоминает человеку о блаженстве: благодаря ему когда-то жизнь его стремилась, уподобляясь течению реки по руслу, биению родников из ключевых протоков; сегодня человек обязан, коль жаждет жизнь вкусить, отстраниться от этой пагубной картинке посредством усилий непрестанных.

О, человек, когда б ты власти не имел от счастья удалиться, то достижение его уж впредь бы не считалось долгом для тебя и не являлось бы потребностью твоей. Тогда б оно законом или правом представало, как сила тяготенья; и ты не смог бы больше ни одной заботе, ни одному волнению предаться.

Не смог бы ты тогда и упованием наслаждаться, поскольку сущность всякая имеет подлинную радость лишь от своих трудов и претворений.

И почему присуще вечно и неизбежно Богу Себя же созерцать? Но нет иного существа, достойного для взоров Божества.

И почему не могут люди, опасности не подвергаясь, зреть существо Творца всей нашей жизни? Да потому что ниже от Него нет никого, на ком могли б они свое почтение сосредоточить.

Премудрость прежде, человек, на глас твоей любви свой лик приоткрывала и изливала милости благие на тебя, какие, в свой черед, влекли к почтению новому тебя.

Ты первым прекратил, неблагодарный, сей радостный обмен благодеяний, который никогда не должен был прерваться.

На самого себя низвел свои ты взгляды и, веру на себе сосредоточив, приговорил ее ты к смерти: так медь вскипает, соприкасаясь с воздухом холодным.

Начни одолевать, восстав в своей темнице, преграды все, что жизнь твою сжимают. Порвать ты должен сам позора пуповину, орудие, что чуждо сущности твоей: благодаря нему ты пищу до сих пор и получал во мраке чрева матери своей.

Необходимо, чтобы обрел ты пищу новую, которая дана тебе, и чтобы жизнь черпал ты более достойным средством: оно должно однажды стать орудьем слова твоего, проводником свечения.

95.

В вещах, которые не вяжутся никак с согласием человека, Премудрость высшая, ты полагаешь утешенье нашим мукам и горестям; и чтоб использовать твои дары, необходимо только себя отдать в присутствие твое.

Светило солнца, ужели ты не светишь равномерно каждый год над всеми регионами земли, на разницу, многообразие погоды не взирая?

Творения же духа твоего, о, человек, какие преимущества тебе они предоставляют? Исследуй чары восхитительной природы, которые воображение твое к ее красотам добавляет.

Картину напиши дворца Армиды, садов вечнозеленых Алкиноя, пой о горе с названьем Ида, от ног богини покрывавшейся цветами, что благовоение чудесное распространяют.

И власти магии уподобляясь, твое мышление восхитится над площадью великолепных храмов: там золото и гирлянды оспаривают друг у друга богатых портиков убранство; или изобразит, коль этого захочет, за Мильтоном идя, блаженство прародителей людских; картинам этим составлять под силу цвет столетий.

И вскоре ты в печали возвратишься, сосредоточившись в себе самом, и скажешь с сожалением, замешанном на слезах: «Увы! Лишь образы я там живописал; однако я реальность почувствовать сумел их.

И разве это убедит меня, что образы мои никак не наваждение и могут обладать малейшим сходством с моделями своими? Не трать же время попусту на ложные занятия».

О, человек труда, молись и отдыхай, пока ты жив. Вот две задачи, которым необходимо солдату веры предаваться. Заставит первая идти вперед; вторая — восстановит, предохранив морально и физически: во время это человек никак не применяет свою волю.

96.

Небесные светила, блистаете над нашей главой вы; для нас же не можете вы общество составить и нас любить не можете; не в силах вы нас изучать, к познанию стремясь, и не способны нас прощать.

Ни в чем на нас вы не похожи, поскольку не можете вкусить два самых сладких чувства нашего существования, — имеем только мы нужду в прощении с любовью.

Для истины фундаментальной важно ль, что человек способен открыть на целую планету больше? Под силу их ему и дальше открывать, пусть он не вправе делать лишних умозаключений: сумели применить по заблуждению люди к планетам семеричное число.

Порядок новый свой имеет вид. Все звезды разделены в нем на семейства; семейства отграничены огромными просторами небес. Число их неизвестно, а равно звезд количество, которые семейства составляют. И всякая звезда есть центр системы планетарной.

Звезда сияющее солнце, что племена земные за Бога мироздания почитали, являешься ты только частью маленькой большей системы иль звезд великого семейства, и ты теряешься в безмерности небесной тверди.

И если даже ты столь мелким предстаешь для мысли нашей, каким же будет для нее Земля, планета наша, какие будем сами мы?

И восхищение испытываешь, что ужасу сродни, когда рассматриваешь в этой перспективе пространство бесконечное и тел количество, которые в нем проплывают.

И ощущаешь в то же время, сколь соблазнительно, столь и ужасно зрелище сие.

Но восхищаясь им, о, человек, готовым будь ты от него оборониться. Безмерность зрелища мышление способна сокрушить твое: посредством этого она уничтожает твой рост убогий.

Так возродись в своих правах, отличным стань от всех существ великих, но немых, ты превосходством слова своего. Хотя телесными очами тебе пристало ли измерить свою сущность, а равно и предназначение свое?

Ведь должен путь твориться твой, влияния не зная тел небесных, которые проходят пред тобой, таинственность с величием внушая.

Открытия мужей усердных оцени: они дают нам географию міров; однако ничего не говорят о нравах, истории их обитателей.

И описательных законов тьму они отображают, но без конечного закона. Хотя без знания его, какая польза будет для нашего труда и для картины верной бесчисленных міров?

И почему премудрость не позволяла взгляду нашему простому проникнуть дальше в созерцании безмерности вселенской?

А потому, чтоб побудить нас к изучению законов космоса конечных, чтоб протяженность его картины необъятной нас не могла б обескуражить.

Дабы исследовали больше мы свое происхождение, живому чувству повинуюсь наших прав и разумений.

И действительное возрождение, с бесконечностью соединившись, устроит так, что все эти міры покажутся нам гармоническими инструментами, которыми должны распоряжаться мы.

97.

Первоначальным детством человека есть возрастание, поскольку детство это является присутствием Господним. Второе детство — вырождение, ибо оно рук человеческих работа.

Идите же дорогой духо-человека; вам непосильно породить его из человеческой души, как мнят о том поспешные сужденья, ведь есть одно лишь Существо, которое способно одарить бессмертной и нетленной жизнью.

Желаете ли вы его родить от Бога во время, пока смертный исполняет закон воспроизводства плотского грубейший? Могли бы оскорбить вы в этот миг Верховное Величие, содействуя Ему звериной необузданностью плоти?

Две эти трудности чины определяют душ людских в их месте ожидания, откуда они способны изойти поочередно для воплощения без ведома души, что их прообразует, и без малейшего изъяна высшей чистоты Предвечного.

Не стоит ли считать то место ожидания за состояние их детства? И коль они оттуда истекают, то не для того ли, чтобы подняться на ступень, что совершенней, и чтобы воссоединиться, когда сего становятся достойны, с Верховным Существом, грех от которого их отделяет? Земной, телесный человек, и твой закон похож на это.

Возвышенная Справедливость, когда впал в грех первоначальный человек, его на труд и смерть Ты осудила; но Ты нисколько не приговорила к страданиям его земную плоть, ни его разум к заблуждениям и помутнениям.

Одной жене страдать пристало и то лишь по закону порождения: обязана она извлечь из бездны человека, поскольку чрез нее он оказался в оной.

Но, не взирая на анафему, на человека с женщиной упавшую, они могли покинуть этот мір, поднявшись в воздух на колеснице огненной как Илия.

Вот почему людская наша оболочка должна во время пребывания земного рассеиваться постепенно как фантом, как детище феерии, и духу возвращать в последовательности кроткой его первоначальную свободу, его могущество и первородства добродетель.

Иди, огня закону повинуйся. Он прежде времени существовал, над временем он воспаряет. Вздывается в блистающей рубашке. Иди, огня закону повинуйся, и восхищайся вместе с ним в обитель света.

98.

И почему вы удивляетесь тому, что существуют люди, чье царство не от сего мира? В каком упадке ваше естество, когда исправность и порядок для вас собой являют чудо?

Не потому ли это, что вы не видите ни совершенствующимся человека, ни уменьшающим пороки на земле; не усомниться ль вам и в чистоте начала своего? И стоило ли прежде, как уловить потомство человеков в снасть возрождения и восстановления, их бросить в озеро?

Не поражайтесь впредь, что пачкаются в этой тине все они — она чужда им, неизвестна — но оказавшись в ней, они уже не в силах предохраниться от ее заразы.

Восток же чист всегда; схватите только полу облачения Его и станете как будто невидимками для супостатов.

О Нем Исайя восклицал: *«Как многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!»* (Ветхий Завет, Книга пророка Исайи, Глава 52, стих 14).

И как богатые счастливые мужи могли Его заметить? Не скрыты, не ослеплены ль они как будто облаками процветанием своим?

Муж праведный, сражаешься как лев ты, обложенный охотниками, и знаешь красоту Того, Кто тебя ценит. О, сколь прекрасен Тот, Которого взыскует смертный! В сиянии Его верхушка шлема.

Он бодрствует средь мрака, Он бдит о сохранении народа, и человека чистого душа с Ним бодрствующею пребудет во все столетия и все эпохи.

Не смейте говорить, что нет у вас елей: поля наполнены оливами; вы сами можете считаться садовниками в Эдемском саде.

99.

Вы детям своим можете привить негодование против сластолюбия, и алчности, и извращения ужасного морали. Но как привьете вы им негодование против чистоты, премудрости и правосудия?

Увидите вы, как добродетели сии в душе ребенка возникают; к нему приходят по мере нравственного возрастания, с телесным возрастанием сочетаясь.

Ничтожная, пустая и чудовищная мера, ты можешь причинить терзание человеку, пока он дышит в дольном мире. Тогда ему сродни бывает смысл евангельского предписания: *«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»* (От Луки Святое Благовествование, Глава 14, стих 31).

Посыл не верен сей, поскольку он от вас исходит.

Лишь избранных предполагает это предписание. Но должно ль разъярять его в смягченном смысле? Когда Господь берет на службу человека, то где его семья и где его отец?

И если призваны не все ко жребию верховному сему, то все его приемлют в равной мере, которую вы извратили своей неопытностью и поколениями порочными своими.

И где она в людском потомстве? Где мир, который происходит от этой меры общей? И разве не разорваны гармонии? И разве нет страдания во всем?

И существа, которых премудрость вместе разместила на земле, чтобы животворить собой и первых и последних, не сотворили ли иного, друг друга истязая и нарушив свою меру?

Напрасно я хочу уста свои раскрыть, чтоб Господа воспеть псалмами: меня переполняют слезы, и от рыданий задыхаюсь я, мой голос обрывается, гортань пересыхает в моей печали долгой.

Не вы ль подобны несчастливой твари, что в беззаконьях пребывая, естественными стала их считать?

100.

Поскольку познание сущности Всевышнего запрещено, постольку им казалось, что дело равно обстоит с законами Его; но коль познание законов в обязанность вменялось нам, они и возомнили, будто познание сущности божественной дозволено. Невежды и безбожники так поступали.

Соединившийся с деяньем человек в своем законе пребывает, ведь смысл, который управляет им, его не покидает вовсе. Но человек, из самости предавшийся мышлению, закону чужд, поскольку деянья его мысли не хватает, чтоб завершить ее.

И есть ли доказательство сильнее, являющее слабость человека, как многословие его? Но получается ль наоборот, когда он справиться не может с простейшим словом?

Божественное действо, со временем ты сочеталось, которым исправляешь нестроения людские. И постепенно, как возрастают на глазах у человека молодые отпрыски, *сосуды истины* одновременно вызревают в них, распространяя царство, что вселенную объять должно.

Зрят ангелы детей Господень Лик; и наши ангелы на наши лица смотрят и заставляют нас бежать от демонов, которых мы сопровождать стремимся.

Стыд человеку быть лишь временным избранныком: все могут обладать сим упованием; но если человек был бдительным и чистым, способен он войти в число избранных.

И почему мы больше уж от рожденья не избранныки? Не в силах ли нам впредь идти в Египет, Иосифу уподобляясь, чтоб приобщить к Завету эту землю? Не можем ли мы впредь туда пойти, чтоб из нее извлечь отцов своих останки?

Начнем же извлекать оттуда собственные кости, себя спасая из ловушек Египтян. Потом перенесем мы прах отцов своих от этой земли, зловоньем оскверненной, в обетованную землю и воспоем псалмом освобожденье их.

101.

Где взять идею праведной молитвы, последствий, что произвести она способна? Она — единственный источник, мой долг и труд единый в юдои этой темной печального театра искупленья.

Она очистить может и освятить мне ризы, мое питание и всё, чем обладаю даже в плоти, приносимой в жертву, все члены и дела людского собственного существа.

И я бы смог молитвою своей достигнуть сфер высоких, у коих внешние пределы лишь грубые изображения.

И если даже предо мною будет человек, которого ошибки и взгляды меня бы огорчали, сумею я благодаря молитве вернуть к нему внимание свое, не удаляясь от него за то, что он бы мог мне причинить.

Благодаря молитве я могу безбожника религиозным сделать, бесчувственного возродить в любви. Благодаря молитве я способен повсюду добродетель возрождать.

С молитвою готов я снизойти в места теней и скорби и принести туда хотя бы облегченье. И разве не молитва прежде исправила хромого, заставила слепого видеть и глухого слышать? И не она ли мертвых воскрешала?

И, несомненно, должен ожидать всего от Бога я. Хотя сие никак не означает, что стоит мне с апатией смириться. И наполнять молитву нужно пылкостью, скорбями потаенными своей души до той поры, пока язык вконец не истончится мой, и не сумею я молиться в звучаньях гармоничных и песнопениях.

Упорствуя в своей молитве, я достигну иль внешней убежденности, свидетельством являющейся, иль внутренней, что верой предстает. Вот почему считали мудрецы молитву истинным вознаграждением.

Секрет людского возрастания заключен в молитве; секрет молитвы в составлении ее; последний же сосредоточен в чистоте познания.

Секрет познания чистоты страх Божий образует, который пребывает сам в божественной любви, поскольку любовь является источником и очагом секретов всех, всех добродетелей и всех молитв.

Не потому ли любовь предпочитала две самые прекрасные молитвы: услышанную Моисеем на горе Синайской; произнесенную Иисусом пред учениками и собравшимся народом?

102.

Как языки однажды упразднятся? Как достижения мысли человека исчахнут, вплоть до полного исчезновения?

Река времен, казалось бы, несешь в своих ты мутных водах лишь заблуждение, несчастье и ложь. И посреди потоков этих грязных едва найдешь струю воды прозрачной, пригодную для утоления народов.

Скверны все воды водоемов этих, поражены процветшей гнилью; их участь — испариться. И лишь струе единственной воды живой дано сопротивляться жаре палящей юга и хладу севера. И в ней — бессмертное наречье, которое через века несокрушимым будет.

Возвышенный посредник, сверяя достижения людские, из них оставит сущими лишь те, которые связь обретут с предвечными началами божественного языка. Единственно его вы слушайте реченье.

Закроем уши для языков, во зле живущих, стараясь возродить в себе наречья мертвые. К нам молвят, обращаясь бесконечно, но нам не стоит поддаваться на витийство ораторов, нас обступивших.

Ведь это ложные языки, что в заблужденье ввергли стольких смертных и, обеспечив им *владычество* однажды, самих их обратили в *рабство* скверное.

И коль не правы в наших мыслях мы, задушим их в зачатке, не дав подняться им до слова, поскольку слово наше намного ближе лукавству нашего врага, чем наша мысль.

Когда же наши словеса не сообразны истине — пусть, в общем, они верны, но раздаются без благоразумья — лукавый враг запечатлеет их тотчас же знаком своего господства, сбив с правильной дороги.

Так станем бдеть же больше в десять раз над всеми нашими трудами: о них он знает еще раньше, а потому всегда готов разрушить их иль извратить. Он в силах исказить молитвы наши даже!

103.

Отяготили атмосферу облака: они простор небес покрыли, от нас упрятав лик и ясность солнца. И тотчас как они развеиваться стали, возникла радуга, нам знаменующая восстановление порядка.

Плачь, человечества семейство, и начинай подобно этому рассеивать нагроможденье беззаконий, которые тебя скрывают от солнца правосу-

дия! Тогда нагромождение не преминет преобразиться в воду, коль хочешь ты, по крайней мере, узреть соцветья радуги! Каков есть человек, что скорби не познал? И солнце пробиться сможет ясностью своей в предел людской, когда нагромождение беззаконий развеется и в слезы человека претворится.

Необходимо, чтобы слезы семейства человечества образовали полные потоки и увенчали бы юдоль земную. И чтобы русла рек, от них переполняясь, вдаль устремили это наводнение, моря им расширяя.

Без этого жестокого и скорбного закона свой диск светило солнца не покажет человеку, и мы сказать не сможем: *Господь позволил спасение познать, которое Он сохранил для нас; и правосудие Он проявил перед лицом народов.*

104.

Смотрите же, какими изумленными бывают дети, когда их чувства, развиваясь, вокруг себя встречают множество неведомых предметов. И почему в час расставанья с этим миром не будем мы тому дивиться, что встретим на пути своем?

Нет ничего порожнего, а значит, нельзя терять из виду нам ребенка образ. И по его примеру продвинемся мы дальше, возрастая, и более предметов, разделившись, нам станут интересны.

Что есть утроба нашей матери в сравнении с физическим сим миром? Чем мир физический является по отношению к тому, который ожидает нас в рождении втором?

И при вхождении в грядущий мир жизнь духа пронизает свойство всякое у нашей сущности. О, сколь в утешении славен последний час труда, когда мы воспоем священные псалмы у портиков святых!

Подвешены над нашею землею блистающие звезды, как будто бы лампады над гробницами умерших. Мы также будем бодрствовать поверх могил у тех, кто почивает сном невежества и преступленья своего.

Хранитель Ангел верный облечет нас этой кроткой службой в дольном мире во время странствования земного. Сумеем ли подобными Хранителю стать от людского века? Не достижимо это ли одним огнем скорбей живых, возженных в нас? Ведь только этому благодаря в нас начинается духовное рождение.

Тогда, по образу пророков, рыдает и стенает человек и, возлегая в средоточье вздохов, проводит ночь в слезах, и поднимается он, плача, и всякий день он носит горечь в своем сердце.

Муж истины, путем такого испытанья пройти ты должен; насколько ты его пройдешь, настолько сможешь чудеса творить, а без него — рассматриваться будешь нерожденным.

В каких ужасных катастрофах, которыми должно все завершиться, закон мы новый изучаем вместе с естеством. Людские души постарайтесь, чтоб потрясения эти не обнаружили у вас ни гнилостной закваски, ни порочных нравов, способных забродить и уничтожить смертных.

Вы в здравии и чистоте хранитесь, чтобы помочь тому, кто будет болен, и утешенье удрученному подать.

105.

Посмеет кто об истине вещать, коль не почувствует, что его сердце не прикоснулось к ней вживую? И кто посмеет заниматься ремеслом, когда ему Господь о том не дал понятия, и тонкостей труда не изучил он?

Итак, оставьте действовать над вами Деснице Божией и путь не преграждайте сокам, — вы станете большими плодовитыми древами, способными произвести плодов любые виды.

Предвестник Имени Господня — мудрость; приносит блага вместе с ней Господне Имя. Оно весь мир произвело; Оно — творец и пища мысли; Оно в спасенье человека облекло в земле погибели.

Своей Десницей Оно все умеряет, не поддаваясь желаньям вашим чересчур поспешным; однако Оно пребудет рядом с тем, кто Ему предался и больше не желает иметь иного господина. Я стану бодрствовать и в трепете, и в страхе, не ведая, что промышляешь обо мне Ты.

Блаженный тот, в ком завязь беззакония исчерпывает собственные силы в дольном мире, во внешнюю среду отбрасывая все свои побеги! Блаженный тот, который не уносит с собою это семя в предел животворящий!

Она бы с ним произвела, как в мире этом покрыв колючками плодоносящие растения, и в терниях убила бы великолепные и сочные плоды. И чем тогда бы человек питаться стал?

Так снизойди в мирского человека, святое семя правосудия и истины, и заглуши в нем чуждые растения, и чтобы ветви ваши собой покрыли землю всю, вершины — над временем бы проросли!

106.

Какой глубокий смысл содержится в словах, столь часто повторяемых в Писании: *«Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним я в скорби; избавлю его и прославлю его»* (Псалтирь, Псалом 90 (Хвалебная песнь Давида), стих 15).

Таинственная уза соединила человека с Богом в сущностях обоих. И эта уза их объединила в эманации Его. Но почему не соединил Он их в Своем деянии?

И если не соединил в своем деянии Он их, чем им тогда все это общилось? И действие, что Божеству присуще, могло ли образом Того являться, Кто освободил его Себе во славу? Верховный Делатель, когда бы таковым был план Твой сотворенья человека, то каковым бы стал итог сего, коль человек в нем пребывал бы верным?

В движении живом все подле человека, и существо его никак пустым не остается, духовное деянье совершив, пусть даже порождено оно и направляется одною мыслью человека.

Так человек, предавшись существом своей гордыне, поскольку непрестанно поглощен лишь наблюдением начала своего, чего ему достаточно вполне, себе не оставляет даже времени досуга, чтобы отождествить себя с началом данным, хоть принцип сей он применяет по отношению к себе подобным, которые ему не нравятся подавно.

Каким являлось состоянье первоначального Адама, таким пребудет и состоянье возрожденного; уместно удивляться ли тому, что человек желанья бы не изволил выйти из-под сени портика Господня?

107.

Ослепший человек, сумел бы прежде выродиться ты, чем доверять уроки добродетели преподавать шутам? Тебе необходимо все же чувствительнее к превосходству относиться своему, чтоб не вздыхать восторженно при виде скомороха, вещающего лживыми устами!

Уж коль не трогает тебя идея эта, то рассмотри получше удовольствия свои. Ты платишь, чтобы зреть в театре представленье в очертаньях смутных о добродетелях с благодеяньем; но в них дается образ только. Послушай: той же суммой, что ты отдал на зрелище сие, несчастному сумел бы ты в реальности помочь.

Ты слышишь с удовольствием в театре о добродетели: сюда спешишь ты испытать ее и ощутить; найдешь в действительности нашей и несчастье, и щедрость, и признательность.

И вы, поэты, в театр увлекающие нас, блистать способна на подмостках ваша добродетель, одним порокам противостоя; и кажется, вас то лишь занимает, как нас ввести в тяжелые переживанья, дабы от нас облечься славой.

По нраву разве истине самовлюбленность, нужны ли солнцу тени, чтобы сиять своим зенитным светом?

Но вам необходимо знать источник подлинного счастья, дабы суметь его представить во всем своем очаровании. Без знания этого покажете вы нам искусственную добродетель, жиждителем которой одни вы представляете, и ваша слава — ее предел естественный.

Да, люди безрассудные, когда заставили вы плакать смертных, блаженная душа возреловала: все это не для истины произошло.

108.

Поскольку же *народов боги являлись демонами*, постольку Господь избрал святое племя, чтоб научились от него они познанию Закона Божия. Поскольку же пророки согрешали, священство предавалось беззаконью, постольку же святое племя в порабощение впадало.

Пророки, Израиля вы были часовыми; предупреждали вы о приближении врага к твердыне, и сами вы на город смуту наводили и проливали праведную кровь.

Бог угрожал евреям: если повелений они Его не примут, то будет как народ священство. Израиль, здесь несчастье, постигшее тебя: твои священники не обладает ни добродетелью, ни даже званием.

В законе древнем Господь грозит взыскать с самих зверей за кровь людскую, что могли они пожрать. В законе новом Бог грозит взыскать за кровь пророков с сынов мужей, кто проливал ее, от крови Авеля и до Захарии пророка крови.

Пророки, без ваших беззаконий кровь ваших братьев не текла бы, и народы в порабощенье не попали бы. Без беззаконий человека животные над ним бы не имели власти.

И если Адам ответствен за преступления и грехи всего потомства своего, то вы, пророки, ответственны за преступления и грехи народов, к которым вы направлены.

И всякий человек, по вашему примеру, ответствен за преступления и грехи, что совершаются в его пределе; и ни один из них не может сотворить он без нарушения мира и благополучия себе подобных.

Смотрите же, как кровь переполняет море беззаконий; старайтесь воспринять Того посредника, который предложил бы иссушить все это море целиком огнем единым собственных скорбей.

109.

Ужели тщетно добродетельные люди пребывают рядом с порочными людьми? Необходимо это, чтобы зло умерить и воспрепятствовать нагромождению грехов с невежеством низвергнуть в бездны негодяев.

Хоть, несомненно, ущербные моральные причины содействовали этому смещению; но бдительная мудрость не всегда ли способна извлекать добро из зла? Блажен же человек, который не сумеет зло из добра извлечь!

Но отчего запрещено нам без остатка созерцание мира? Не для того ли здесь мы пребываем, чтоб изучить и различить добро и зло? Исследуя природу, вы нас научите, что в созданных вещах все переходит только в собственную противоположность, и это собой являет видимую внешность, где все копируется.

Научите вы нас, что воинств шесть, которые природу защищают, ей не хватают, дабы уберечь саму от произвола; она способна обрести спокойствие свое в числе, какое совершеннее шести.

В общении людском нам не дано ль восполнить часть живую призванья истинного своего? И для него мы не должны ли создавать различные творенья слова, рассматривая их со всех сторон?

Ведь каково очарование для человека ощущать в труде, что действие и слово существуют, все ими полнится, поскольку они универсальны! Но для того, чтобы достичь блаженной этой цели, необходимо больше слушать, ибо, когда стесняешь в разговоре ты себя, то знание твое способно в систему обратиться, уподобляясь знаниям иным.

110.

Взалкаю, как моя душа томится от скорби нравственной моих собратий; но естеством своим посвящена она работе этой милосердной.

О, сколь она бессмертна, и если даже свой замысел не одолеет, то все же не сможет ничего утратить для себя самой, поскольку приблизилась к единству посредством собственного жертвоприношения, какое через *беспредельность* удержала.

Я отдаю свои земные попеченья физическим грехам своих собратий; пусть никогда и не ишу, чтоб плоть моя их немощи в себя вобрала бы для облегченья им.

Увы, по мере сущности и сил наши тела ограничение являют, и так передавая милосердье, я мог себя убить бы бесполезно.

И сей предосторожностью я воспрепятствую лукавому мне передать любые из его деяний смутных, которые для нас не преминут облечься в добродетель.

И я предупрежу себе подобных, что ищет он нас в заблуждение ввести посредством добродетелей сверх меры, дабы нас сделать жертвами своими.

111.

И если Господь духовная и нравственная сущность (чему *число* людское являет доказательство вернейшее), то разве не должен Он иметь во всех Своих твореньях духовную и нравственную цель?

И разве можем мы, не будучи безумцами, иметь иной предмет для изучения Его произведений, чем воедино слитые премудрость, нравственность, духовность? Ведь если в Его трудах искать другую вещь, не означает ли сие искать того, чего не существует, чего мы не смогли бы в них найти?

Ученые мирские, каким же образом установить предназначенья эти, которые, казалось бы, присущи были сотворению природы, поскольку вы

их пылко изгоняли со своего пути? И каковы плоды духовности, морали, премудрости у вас, полученные от причин вторичных преходящих, которые во всех телах вы изучили?

И если Господь имеет нравственную цель во всех Своих произведениях, спросите у Него о заключительной причине творений тех же самых, а не об их строении, которое не ведаёт о них и не сумеет вам об этом рассказать.

Не отрицайте Бога, не отрицайте *число* души своей, не говорите, что цель моральная в творениях Господних являлась бесполезной для познания.

Наоборот, цель эта — единственное, что открыть возможно; её познание вам пользу принесёт. Зачем же заставлять свой разум идти к проклятиям дорогой заблуждений?

Для вас, желанья души, необходимо научиться чтить себя. И если предел конечный всех существ является моральной целью, густые облака способны скрыть сегодня планы предназначения вселенского сего; но мы, по крайней мере, должны иметь не только цель моральную в пути бессмертного нашей сущности.

Над истиною этой размышляйте. Смотрите, как наш путь соединён с законом, твореньями верховного начала; и каковым бы ни было для нас сегодня предназначенье наше древнее, никак не можем в нём мы пренебречь моралью, ведь невозможно нам её отвергнуть.

112.

И, несомненно, есть в природе подлинный диапазон; особо применим ко всякой вещи он. И если ты используешь другой, то, что способен ты произвести тогда? Ведь, несмотря на верность всех твоих звучаний, что с гаммой согласуются, фальшивыми из-за него они пребудут: диапазон останется самим собой.

Желаешь ли узнать препятствие иное? Мелодия есть проявление *ощутимое возвышенных деяний*. И будет совершенной ли она, коль приближается к порядку и гармонии лишь в отношениях, возникающих меж ними?

И почему столь поразительны творенья музыкальные у древних? Там музыка приспособлялась к потокам, её передающим, и поражала благодаря нисшедшим *добродетелям*.

Воображения и чувства, охватывая пылом музыканта, за ним ли сохранят впредь первенство и превосходство, когда они от этих потоков и восприятия далёки?

Столетий современных музыка, бессильная ты в слабости своей; порой ты нам понравиться способна и даже взволновать, однако подвластно ли тебе возвысить и наставить нас, и в силах ли тебе оттенки разные запечатлеть?

Вы заблуждаетесь, когда считаете, что музыка обязана изображать существ вид всякий. Она столь мало призвана к тому, чтоб воспевать предметы низшего порядка; когда ж она касается сего, то может интересными их сделать только в соединении с эмоцией и речью человека.

Все это потому, о, человек, что музыка первоначальным знанием твоим являлась во времена, когда природа вся собою представляла твоей кифары струны, и ты не ведал произвола, как сегодня, в возвышенном искусстве этом, приноровившись применять его к картине нестроений и опустошений, хотя оно принадлежало к порядку и гармонии своим происхождением.

Итак, мелодия Господня, служить ты можешь иногда небесному возмездию, ибо тебе отверсты все пределы, но чаще можешь ты органом называться любви небесной, что для тебя естественное дело, поскольку ты первоначальна, и твоей сущностью является любовь.

Что делаете вы, лишь применяя музыку к изображению человеческих страстей и иступлений? Ведь через это вы отворяете стези разврату, окружающему вас; и вы бросаетесь, того не зная сами, в предательские руки, что вас закабаляют.

Смятения начало ожидает, чтоб вы ему пути хаоса отворили. И если перед ним вы открываете лишь стройные пределы, то охватить не в силах ваше творчество оно: во всех призваниях его страшит порядок. В нем всякая гармония убита, и разве оно способно с размеренностью подлинной соединиться?

О, снизойди от портиков священных, где ты готовишь и освящаешь голоса, обязанные песнопения твои исполнить. И если человек, как прежде, не обладает больше властью распоряжаться дарованием твоим, то умолять тебя о нем он вправе.

В молениях он может робко и смиренно просить тебя об этом, но только ты способна вознести их к престолу Премудрости Верховной; вот почему твоя обитель должна в храминах находиться непременно.

113.

Самуил, ты говорил Саулу, что Бог не человек, чтобы раскаиваться; мгновением позже ты сказал, что Бог раскаивается, избрав Саула царем Израиля.

Противоречья эти способны покоробить лишь уста у нас, которыми создали столько слов мы, чтоб выражать идеи; и в них сами идеи становятся рабами слов.

Господь, как стать идеям многочисленной, значительнее слов? И не является ль идея весомо большим, нежели ее именованье, поскольку последнее для выраженья служит первой?

Евреев вижу я, что в слове *Nakam* выражали раскаянья деяние с утешением.

И где же здесь противоречье? Иль может, Самуил пророк ошибся? Бог огорчается, поскольку любит Он, однако Он не кается никак, ведь Сам безгрешен, и если удручается в Своей любви, то утешается Он в правосудии Своем.

Являясь существом свободным, раскаиваться может человек, и он один способен предаться угрызеньям совести своей иль избежать их. Они приходят к нам за наши упущенья, а огорчение, наоборот, из-за ошибок наших ближних.

Господь, раскаялся ли Ты, что человека сотворил? И разве не был Адам виновным самым из всех, но прекратил ли он Твоей любви предметом оставаться? Отнюдь: так огорченная Твоя любовь смотрела на развращенность и отпадение людей преступных.

На снисхождение не взирая, распространенное Тобой на человека и давшее ему земную твердь в удел уж после преступления, сумел бы Ты его искоренить всецело, когда бы огорчение Твое имело целью само существование человека? Намеревался ли оставить Ты потомка человека, чтоб возродить его?

О, нет, Господь Всевышний, Твой замысел соединен с Премудростью Твоей. Несчастной силой обладает человек сопротивляться Ей, но он один и будет Ее жертвой: до завершения доводишь Ты всегда Свои труды.

114.

Внимайте, люди: не только на потомство ваше влияет власть противодействий ваших, благодаря которой вы решать способны об участи детей своих. Но простираются права у вас на все, что было заключено в пределе преходящем.

Но те же самые господства распространялись прежде и на безмерность сферы, где пребывали вы в период вашей славы. Напомните себе о превосходствах, для расы жреческой прибереженных; об этом вам вещали и пророки:

«Ибо уста священника должны хранить ведение, и законы ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа» (Ветхий Завет, Книга пророка Малахии, Глава 2, стих 7).

Когда развяжутся немые языки? Когда придет она, счастливая пора, в которую не только поколения обновятся и чистоту воспримут отпрыски людские, но человек настолько от себя отъединится, что будет целиком о Господе преображен?

Как меч пронзающий Господь употребляет мою душу; Он поражает всякий день и бронзу и живой утес: клинок способен только разбиваться с ударом каждым.

Как щит Господь приемлет мою душу, и тучи стрел зажженных разят меня, пронзая всякое мгновение.

Как крепость для сопротивления врагам Своим Бог мою душу восставляет; однако без числа баллисты и тараны крушат ее ударами двойными, во прах оплот стирая.

Елей сей терпкий, которым девы мудрые должны наполнить свой светильник к приходу жениха! Каким же сладостным пребудет масло торжества, поскольку предаст забвенью горечи елей!

115.

В чем радости была причина, когда апостолы пришли к Нему с отчетом о деяниях своих? А заключалась она в том, по крайней мере, что власть они над бесами имели, и имена их вписанными были в Книгу жизни.

Момент единый здесь всей жизни преходящей, который стал одним мгновением радости; какая цель преследовалась им? Она была в способности воспринять, что любовь Господня вдруг снизошла на землю, восхитив у лукавого отдельные из жертв его.

Она была в способности воспринять, как умалилась вся людская мудрость, когда ничуть не распознала вещи, открывшиеся перед малыми детьми.

Навел смерть на Египтян Моисей и Самуилом умервщлен Агас был; жрецов Ваала уничтожил Илия, пятидесятников Охозии спалил, а Елисей убил детей, бесчестивших его; Иеремия слово смерти выслал пророку ложному Анании, что умер в тот же год. И находившийся в полоне Иезекииль в Иерусалиме погубил Фалтия, против него пророчествуя; апостол Петр умертвил Сапфиру и Ананию, а Павел проклинал отступников, их предавая сатане.

Один лишь Искупитель никого не убивал, и Он всегда прощал.

А Якову и Иоанну Он с неба помешал огонь свести на город, которого мещане не пожелали принимать Его. Похитил Он Петра у сатаны, который просил Его апостолов просеивать, как в решете пшеницу; и за мучителей Он собственных молился в тот час, когда они его терзали.

И если Ему последовать желаешь милосердием своим, то кто способен ограничить упования твои? И если молитва праведного может все, найди свидетельства себе о том: сие доказывать ты непрерывно сможешь во всяком своем шаге и в любое время, как будто сам с себя совлек ты ризы человечьи.

116.

Оружие мы все имеем и всё должны преодолеть, когда желаем победить, пусть нам не стоит побеждать единым способом.

Одним необходимо обуздать себя в страстях, другим же — в назидающих ложных, горячечных условностях мирских, недугах тела, тревожных мыслях, своих пренебрежениях к мере; и если не имеешь одного хотя бы за образчик, никак в действительность не перейдет другое.

Должны поддерживать мы скорби милосердием, что пробуждается у нас, когда Господь нам посылает несколько лучей Своей любви пылкой к человечеству. Господь приблизил полноту Небес до сердца человека, дабы очаг сей светоносный Ему показывал спасительные муки!

Дух человеческий, преграды все вознаграждаются дарами и добродетелью тождественной. Имеет силу ль человек, обуреваемый страстями? И обладает ли несчастный отвагой и предприимчивостью сразу? У человека слабого имеются ль предусмотрительность и кротость? Воспринимает ли душою удрученный человек познание, доверие и отречение?

Ниспосланные нам недуги возможно одолеть всегда, умышленно отбросив причины, сопровождающие их.

Дух человеческий, спеши же применить ты наблюденье утешительное это к великому деянию Божества; смотри же: и обширно, и кротко, и премудро распределение даров Его меж избранных различных.

Последние должны уравновесить и стереть все нестроения, что сокрыты в человеке плотском. И, несомненно: они невыразимыми скорбями страждут; однако, кто способен утешенья их выразить?

117.

Каким путем способен создаваться звук и становиться слышимым? По средством сжатия материи или увеличения воздушного объема? Но в этом не стоит нам искать идею возникновения гармонии.

Синоним тишины природа, поскольку ни о чем не говорит она. И необходимо преградам упраздниться, чтобы пролились гармонические звуки.

Не то же ль самое и чувства наши все? Не суть они ли соединенье нашего начала внутреннего с началом внешним сущего всего? Откуда учение сие, как будто видим все мы в Боге, и почему, о, смертные, Его вы слишком удалили от себя?

Имеется два уровня, но в них соединение не в силах твориться без разрыва. И нет ли сил противных: одной — для прерывания соединения; другой — для покровительства ему? И сверх того, не существуют ли начала дающего с воспринимающим?

Четыре числа сии по существу отображают закон естественных и божьих проявлений.

Для этих проявлений все тела — сосуды. Однако тела с вещественными существами суть только ощущения сосудов. И человек есть

чувственный сосуд одновременно с сосудом *нравственным* и созерцательным.

Поразмышляйте над цветами; и только три из них найдете относящимися вы к природе бренной, из которых один — цвет смерти. Четыре цвета вы обнаружите для естества нетленного; один из них есть жизни цвет.

О, смертные, нет знания любого этих истин, которое не подтверждалось бы нисколько: все ими осуществлено; и вам дан миг отдохновения, чтоб нравственные чувства для вас вполне естественными стали, каковыми являются для вашей сути чувственной простые ощущения.

118.

И отчего агент верховный смятением не обладает никаким в сознании сущности своей и власти? Да потому что действует он непрестанно: деяние его не знает перерыва.

Остерегайся бросить размышлять над добродетелью своей; ты не познаешь впредь очарования имени благого, коль перестанешь это делать. Его цена в движении таится. И без деянья неослабного и сущего оно пребудет лишь зерном невызревшим.

Беги вещей нетрудных: тебе пристало легче рассуждать, чем написать, и написать, чем помолиться, и помолиться, чем утруждать себя деяньем.

Беседы приносят больше блага твоему рассудку, нежели твоей душе; писанья труд и размышлений дают того же больше для души, чем для рассудка; молитва пристальная и непрестанная влияет равно благотворно на душу и рассудок.

Твое ко благу обращенное деянье способно доставить удовольствие и Богу Самому. Пусть даже от Него исходит это; но и о том, на что способен ты сам по себе, Его просить необходимо с рвением.

Учтите, что недостаток дел преследует людей неощутимо. Влечет он за собой в идеях недостаток, сводящийся к тому, когда, вместо деяний, у человека остаются только словеса.

Активное ты по природе существо; коль проживаешь, удалившись от истинных и просветляющих начал, то утешаешься картиной их итогов, способной усладить тебя.

Одновременно мир полон подражающих людей; однако в нем недостает людей, что наставляют. И внешний вид деянья почитают они деянием самим, поскольку человека легко в подобиях запутать!

Ораторы, поэты, цель ваша лишь вещать о благе; премудрых цель — о благе думать; цель праведных — творить во благе.

О, мыслящие существа, вы получили все одно происхождение, так почему ж вам не дано вкушать одни и те же наслаждения? Какой чудовищный контраст являет ваша расстановка на театральной сцене мира, в волнениях сердца моего скорбь порождая.

Есть счастье, но вы не обладаете им все! Гармония присутствует, и вы в ней не участвуете вовсе! Есть мера, золотая середина, однако в нестроении вы пребываете.

И посреди гармонии божественной я слышу, как поднимаются из пропасти глубин пронзительные жалобные звуки, которые принять я мог бы даже за проклятья, когда б единственное слово дерзновенья могло бы поразить навек предел святой и чистый, где истины обитель пребывает.

Дни радости моей в печаль преобразились, и песнопенья уступили место воплям скорби. Какой же праздник может быть в Иерусалиме, когда сыны его в неволе рабской: льстецами и лакеями оборотились царей *Egun-ta* и *Вавилона*?

И впредь мой хлеб замешанным на горечи пребудет, поскольку между моих братьев одни в *нужде* влчат существованье; другие — на *беззаконии* восставили свой дом.

Зло разрешается добром с избытком; вот для чего муж милосердья и желанья и мог бы получить одно мгновение отдохновенья. Восплачу же, мой Бог, в стенаньях пребывая до той поры, пока мне не удастся убедить своих собратьев, что Ты Один утешить всех нас можешь.

Не хочешь ли познать свое ты превосходство над природой? Смотри, как разумеешь или подавляешь ты по желанью своему животных свойства. Ты совершенствуешь, когда к тому стремишься, все сущности; ты — царь и ангел света, или, по крайней мере, ты должен таковым являться.

Известно ль почему в твоих исследованиях больше тем высоких и отчего открытия тебе легко даются? А это из-за их уподоблений духу и приближений к истине. Не сомневайся впредь. Духовные науки верней намного знаний материальных.

Вот почему священные писатели твердят одно и то же, пусть низшего порядка знатоки сражаются друг с другом.

Понаблюдай вокруг себя над самыми простыми законами физического мира. Предсказывают астрономы вперед на несколько столетий затмения и изменения небес; однако они едва ль способны угадать, какой погода, пасмурной иль ясной, завтра будет.

О, человек, исполнись же доверием к своей природе и к Тому, Кто мыслью наделил тебя. И дабы эта вера уж не являлась верованьем смутным и бесплодным в ученья тщетные. Необходимо, чтобы деятельной стала она, потоком устремившись; и должно, чтобы сей поток был пламенным и смог бы осветить твой путь.

Свою главу возносит смертный к небесам, не зная, где преклонить ее в подлунном мире. И почему не может на земле он преклонить ее? Ужели не стремится к единству человек? Но как единство может обрести свое отдохновение в порядке из смятенья?

Душа людская, ведай, в чем твое отдохновенье. Оно заключено в при-
сущем самому единству ощущении, что ты отделена от всякого смятения и тленья, что ты плывешь свободно в бессмертном океане света, жизни и порядка.

121.

Над облаками радуга встает, отображаясь, а внизу сливаясь с ними. Через нее мы ощущаем солнечную добродетель.

Земные мудрецы, в произведениях ваших запечатлен и отражен небесный дух. И вам благодаря мы добродетель чувствуем его. Сосуд любой передавать назначен деянья своего порядка.

Вселенский Искупитель, когда бы не пролил Ты в дольний мир Свои спасительные дарованья, уж никогда бы благодать и просвещение не смогли бы отразиться в нас. И никогда бы не познали мы цвета небесной радуги. И никогда бы не узнали мы, что это являлось подобьем жертвоприношений.

И получаем все эти дары мы от Того, Кому не мерою давался дух, от Сущности, чья благодать так возвышает нас над собственной природой, что мы не в силах выразить ее на языках людских, ни уши обрести, которые могли бы внимать нам.

О, человек, потребностей твоих духовных чувство тебе приносит упование и желанье, которые начальной верой предстают; чутье духовное и подлинное естество тебе приносит вера, вмещающая упования полноту.

А Искупителя и Богочеловека чувство тебе дают любовь и милосердье, которые являются живым и видимым деяньем веры и упования.

122.

Не спрашивайте больше какова же цель науки; она не обладает целью иной, как чистое перемешать с нечистым, чтоб нас препроводить в предел смятения.

Но истина и знание не могут ли быть целью нашего движенья? Не есть ли всякий, рожденный от заблуждения и мрака, сродни зерну, разметан-

ному вишь Медеей, посеянному при дороге нашей, чтоб нас остановить на собственной стезе?

Почти всегда мы предупреждены от ядовитого влиянья. И это удалось бы нам лучше в общении с вещами во спасенье и если б наше нравственное чувство поддерживалось в полной чистоте.

Животные нам говорят об изменениях погоды, и мы, чье средоточье в атмосфере активнее и утонченней, чем их, не чувствуем нисколько, не ведаем ничуть об истинных своих температурах!

Не потому ли поэзия, мораль влагали в уста людские сожаленья об участи удачливой животных, рек и существей природных всех?

Увы! Когда бы словом вдруг овладели эти существа, они ответили бы человеку:

«Не беспокойся боле; не ведаем о том мы даже, что счастливы. Мы отданы во власть руки, нас притесняющей, идя туда, куда она ведет нас; не обладаем благом мы, которое она нам посылает, и большинство из нас его не в силах вовсе воспринять.

И только твоя сила, о, счастливый смертный, могла бы возбудить в нас зависть. Предвидеть можешь ты недуги и их предупреждать; способен преимуществами пользоваться ты любыми и даже правом повеления в законах этих, которые опутывают нас, рабам подобно.

И если б ты являлся сильным и бесстрашным, то смог тогда бы сожалеть о чем-то и разве не забрал бы сам у нас удел счастливый, в чем ты питаешь зависть к нам?»

123.

Кульг внутренний воспринимаем, несомненно, больше, чем внешний культ, однако ощущается иной манерой он. Материальный культ отображает смыслы формы; духовный культ — значения души; культ внутренний и божий — жизнь сокровенную людского существа.

Вот почему, от детства начиная и до премудрости верховной Сущностей небесных, мы восходить способны из одного святилища в другое с уверенностью полной, что, чем возвышенней невидимей становятся храмины эти, тем действенней они и ощутимей в порядке восприимчивости нашей.

И не напрасно было слово, нас научающее: мы — храмины Святого Духа. И как смогли бы радоваться мы в утешении чистом, когда бы это не явилось к нам от подлинного края, из области, где жизнь не так хрупка?

И даже брошенный на человека взгляд единый нам говорит, что мы от Бога. Другой же взгляд свидетельствует нам о том, что мы подобны дням, а также преддверьям Его храма, ведь через нас для мира Он про-явлен.

Нас научают числа духа, что сущностная сила Божества мы.

Мы не дадим себе успокоенья, пока в себе не восстановим древний храм и не увидим в нем динария четыре вновь явленными, или процветший посох Аарона, которого стволом древесным Пасха предстала, и прежние деяния его творили корень.

Мы не дадим себе успокоенья, пока не совершим духовного крещения, пока Творец и Дародатель жизни нам не пошлет его, и мы не сможем возлюбленными Бога называться.

124.

Вы на потомство человека посмотрите, и уж не усомнитесь больше в том, что человек хотел стать Богом; какой же смертный не повторяет это преступление непрестанно?

Жар атмосферы иссушил пары, они собрались в тучу, подобные орлам, которые собираются туда, где труп находится. Ветра разбушевались, гром с молнией ударил: все угрожало солнцу скрыть навеки.

Небесные благодеянья, вас уплотнило в точку преступление; но сила ваша и любовь позволили прорвать преграды ваши. И жизнь возобладала, распростершись среди безмерности существ.

Дщерь целомудрия, посредник кроткий ты, которого божественная слава поместила меж собой и нами; поскольку без тебя она могла бы ослепить нас. Ты приуготовляешь нас к ее любви; порочная жена нас к преступлению бы приготавливала, и мы бы отделились от любви.

Когда мы призваны к земному бытию, не в женской ли утробе мы пребывание первое приемлем?

Для нас нет света, если не посеян он божественным зерном в нас. Нет добродетелей, когда любовь небесная не возжигает пламень свой в сердцах у нас. Слова отсутствуют, когда язык божественный не движет сам по себе все силы нашей речи.

Нет действенных трудов любого рода, коль побуждение живое духа и жизни нам не дает основы, на которой оно готово воплотиться и отразиться в ней тысячекратным блеском.

Зародыш возрождения, разума, любви и освящения: четыре силы в нас заложены одним порывом. О, как благодаря единому порыву воздействуют на вас четыре силы эти и заставляют вас плодоносить!

125.

Пусть ежедневно мысль моя пребудет башней земляной, чтоб сокрушить твердыни Велиала: его алтарные престолы смертью оживляются и пагубною обладают силой из праха своего же возрождаться.

И всякий день я стану осушать отравленные родники, текущие в пределы беззаконья; и каждый день я буду духа призывать премудрости, чтоб он присутствием своим почтил князей советы и законодателей народных.

Начните в своих душах мир творить и единение в рассудках, согласие с гармонией во всяком людском семействе; и сами ангелы соединятся с вами псалмами и песнопениями.

Ведь мир и святость суть Господне наслажденье, хотя одновременно они и радость человека, поскольку Ковчег Завета обрел свою обитель средь наслажденья избранных.

Господь, в Израиле умножь священство, распространи святое племя; припомни Сам, что человек есть избранный удел Твой. И сотвори, чтоб люди исполнили юдоль земную трудом Твоим, чтоб в ней иных следов не замечалось, кроме следов народа Твоего.

126.

Господень страх — премудрости начало; но ей он не предел, не завершение; хоть грань его возможно обрести в спокойствии и радости духовной.

Умеренно бояться стану Бога я, любя Его безмерно; пока же пребываю пред Ним в боязни вящей, любить Его завзято не сумею.

Господь, пускай огонь небесный снизойдет во мне пожрать все беззакония Израиля с Иудой! И сотрясения моей земли непрочной пусть пошатнут до основания колонны! Пусть распрь всемирная испепеляет мою сущность.

Пусть преходящие и озарявшие ее светила свет потеряют! И пусть меня составившие земля и небеса прейдут, подобно ризам! Пускай же образуются во мне и небо новое, и новая земля!

Пусть посреди останков утлых мироздания ветхого увижу поднимающийся в небе символ Вечного Завета и знамя триумфатора в своей несленной славе!

127.

Блуждал стезями разными своей пустыни я: ручьи, кустарники, животные степные и лесные, как будто в роли оказались моих друзей и утешителей.

Земные насекомые, роса, лед и дуновенье бурь, скажите мне о Господе, поскольку человек не говорит о Нем никак. Он был свидетельством Господним; он не грядет в Его свидетельство уж боле; и Наш Господь не обладает впредь свидетелями во вселенной.

О, люди! Вы отказались говорить о Боге своим детям в их нежном возрасте! И как надеетесь найти в их возрасте разумном учителей довольно

прозорливых, чтоб говорить об этом, развивая в них все отношения, что с Ним они имеют?

Условие сие необходимо лишь в зрелом возрасте, чтоб в нечто верить, но не для детства.

В своем образовании начальном дитё воспринимает семя божественного верованья, а также заключенный в нем зародыш добродетелей моральных и религиозных, что сообразны с сущностью души у нас.

И в этом оно не замечает ни бессвязность, ни изъянов, которые его невинный возраст не в силах различить: они лишь для рассудка непереносимы.

Твердите же о Боге вашим детям, как вы о Нем самим себе бы говорили; о Боге говорите больше им делами, но не словами праздными.

Когда ж наступит время их, то, может, их душа, так сбережённая, даст объяснения и верным вразумленьем рассудок свой почтит.

И нет служения прекраснее труда по воспитанию свидетелей для Бога! Итак, обучим, воодушевим существ, которые в Его свидетельство служить должны; и впредь у нас не станет нужды блуждать по сумрачным стезям природы, прося ее творение любое нам рассказать о Нашем Боге.

128.

Ты не находишь себе места в дольном мире; одно из нравственных твоих желаний, одно из беспокойств твоих доказывает больше о нашей сущности смятенной, чем доводы философов, пытающихся доказать наоборот.

Рождает ли любовь существ для скорби? Кто мог бы к этому ее принудить, налогом скорби обложив?

Ваш сын Вас покидает, дабы соединиться с шайкой воровской: он терпит глад, усталость и бессонницу, спеша подвергнуться возмездию любому от правосудия.

Отческое сердце, летишь ты к сыну, чтоб вырвать его у всех злосчастий этих. Каков безумец скажет, что это ты наслало их ему? Какой иной безумец скажет, что это вовсе не злосчастья?

Вы уясните здесь стремление любви всевышней к Адамову потомству. И разве Ваша тьма не доказует заблуждение, а высшую любовь собою не являет Искупитель?

Смирненные сердца, не задавайте дальше вопросов ваших; ведь каковым бы ни был этот Искупитель, единственным являться должен Он, Кто власть имеет вас освободить; и каковым бы имя ни было Его, Его вы призывайте, в Его объятия бросайтесь, и Он согреет вас своею грудью. Когда же Он — вселенская любовь, то где бы вы Его ни отыскиали, не преминете встретиться вы с Ним.

Отец не приходил, поскольку у нечестивца мысли нет, которая была б виновной; однако в Отчую любовь необходимо стало преобразовать подложную любовь: вот почему любовь и начинала искупление.

Подложная любовь виновного вела его к неверному поступку. Вот почему деяние Святого Духа заключалось в пришествии после любви, чтоб нам помочь творить дела благие.

Животворящая любовь и Искупитель Божий, явился исцелить нас Ты и силой наделить. А Дух Святой пришел нам помогать служеньем этому.

Творец Господь, Бог Искупитель, Бог освящающий и действующий вместе: в Тебе опора наша и благая помощь, наставничество наше; и это элементы составные молитвы нашей.

Попросим, чтобы Дух Святой молился в нас Отцу во имя Искупителя. Пречистая же вымолит для нас у Бога эту милость. И почему пренебрегаем мы поддержкой Приснодевы?

Не слишком ли удалены мы и отстранены, чтоб эта помощь нам была полезной? И все ж остережемся помещать ее значения присущего ей выше, коль не желаем умножать богов мы, как совершали это племена, ослепши в идолопоклонстве.

129.

И не ропщи, когда успех не отвечает на твои труды. Земное лоно разверзает пахарь, зерно туда бросая и укрывая тут же; затем он удаляется и свою пашню оставляет заботам Провидения.

Когда же недород случится вдруг, то будет ли от этого он тружеником меньшим?

Но если после тягостных усилий, почувствовал ты, как твоя душа восходит и Бога почитает Своего, то стоит ли жалеть тебе о поте трудов своих?

В деснице Господа блаженство человека; и Сам Господь запечатлеет на личности премудрого отметины почета, которые ему принадлежат.

Се Он нам говорит: «Пророка око рассмотрите, и прочитайте в нем тайны и повеленья сердца Божия, как вы читаете в глазу министра царского распоряжения и тайны господина своего.

Ведь глаз пророка Я мерою создал чувств собственных, и в нем пишу живыми письменами Я Свои намеренья и повеленья.

Вот почему пророческое око Я поставил светильником для сердца вашего и духа, но если вы пренебрегли в нем видеть свет и к ясности стремиться, то Я его закрою, и сущность ваша вся погрузится во тьму.

130.

И с кем предаться радости мне на земле? Бесспорно, с тем, кто может стать свидетелем моих стенаний и вместе удручится над недугами людскими.

О, легкомысленные люди, когда бы в ваших радостях я принимал участие, намного меньше вы бы стали доверять слезам. А я б причастным делался к разочарованиям вашим, дав руку вам, чтоб еще глубже в бездну опуститься.

Придите, люди удрученные, придите все те, которые стенают над чудовищностью зла. Мы вместе восскорбим, не дав себе успокоенья, пока иголка милосердия не пронзит истоков жизненных у нас.

Когда же обольется наше сердце кровью; когда же наша кровь омоет раны хоть нескольких из наших братьев, тогда запеть мы сможем торжествующий псалом.

Неведомы вам эти наслажденья, люди, кто вовлечен в катящийся с горы поток; вам неизвестно ни что такое радость, ни что такое скорбь.

Как дети, переносите вы взгляд свой на пустые безделушки, что вас притягивают и забавляют; и как они, вы нечувствительны, чужды недугам, уничтожающим людское племя.

Где вы обрящете умеренность? Ребенок от нее далек, подобно вам; однако его ведут к ней возрастанье и укрепление в силах.

Но каждый шаг ваш, ее от вас все больше отдаляет.

И даже восприняв удар ужасный, заставивший скатиться до пределов бездны, сумеете ли вы взойти опять на путь труда и ликованья?

131.

Ревнители поэзии, когда бы вы читали священные писания, какими пресходствами тогда бы обладали! Увидели бы в них вы камни, вещающие в построенных на крови храмах. Увидели бы в них вы беззаконья воинов, вглубь бездны ниспадающих, и преклонили бы свою главу над их клинком.

Увидели бы Божество, что посетило эти храмы и не нашло в них больше места для Себя в разросшихся служеньях идолам.

Вы в них увидели бы Божье милосердие, Само снимающее узы с рабов и нарушителей закона, дающее им пищу собственной десницей.

Вы в них узрели бы возвышенность, разнообразие и силу; и затруднились бы, конечно, сделать выбор, ни в чем там недостатка не имея. Однако Премудрости десница ослепляет ваши очеса профанов, когда проходите вы этот роскошный и обширный луг.

Без этого цветы, которые собрали вы на нем, могли бы послужить питаньем для гордыни вашей и жертвами разврата для людских воззрений. Образование и дарованья духа вашего вы обращаете в спекулятивную монету, в чем и уподобляетесь Иуде, продавшего Спасителя за тридцать серебряных монет.

И как торговлю устанавливать средь сущностей, которые к ней не имеют отношения? Когда взыскуете вещественного вы, то стоит предаваться

трудам материальным. Дух должен нам служить для обретения духовности и добродетели.

Священное Писание дано было во имя обогащения разума и сердца у людей. Сокровище божественное это подобно цветнику, где истый человек способен прогуливаться время всякое; и в нем всегда найдет он новые цветы, пусть даже собирает каждый раз одни и те же.

Откройте же пророков книги, — какой огонь, какие обороты, сколь чувств и мыслей много, которые ложатся друг на друга! Сие от безнадежности, сие от милосердия к народу избранному, сие же от любви и песнопений; стенанье здесь, что чрево матерей пророков, которое служило им гробницей только.

Поэты человечества, вы стали бы изящней соразмерней, хоть и повелевает вами ваше вдохновенье.

132.

Ты кажешься Единым Отделенным: иного Бога нет, кроме Тебя. Как стал Единым Он? Ведь мысль Его не знает прерывания, а мысли всякие Его — творенья.

Как человек ли ограничен Он и слаб? Как человек ли Он обуреваем узким кругом своих мыслей? И видит ли Он их, как человек, обратно возвращаясь к тем же самым, отягощаясь их смятением и их бессильем?

Он думает, и с каждой мыслью существа исходят полчищем из средоточия Его, подобные бесчисленным лучам, которые светило солнца излучает, поставленное Им в святилище.

И сонмища существ сменяются друг другом, как волны моря или облаков нагроможденья, гонимых в воздухе под натиском ветров. Все существа различными предназначеньями располагают и спешают исполнять усердно их.

Сиянье ослепительное в них отражено от вечного источника; собою образуют они как будто храмы, которые в безмерности размещены поочередно, чтобы безмерность наполнилась бы восхваленьем и славою Предвечного.

Они смягчают этот свет для глаз, которые его не могут выдержать. Они распространяют добродетель небесную с божественной, как благотворные дожди и росы. Они ненастья с градом изливают, чтоб ужаснуть виновных; и никакая сила не способна превзойти *служителей* Предвечного.

Возможем ли проникнуться живительным законом духовных существ творенья? Возможем ли проникнуть в мысль Предвечного? Она нас к жизни вызвала; она нас устремила из средоточия Его.

Вода стремнины в силах ли подняться к своему истоку, чтоб спросить его о тайне своего существования? Пойдут ли облака ветрам наперекор, которые развеивают их, чтобы познать начало своего движения?

И возвратиться ль к солнцу свет, чтоб самому себе свое происхождение доказать?

Так будем же верны, послушны гласу, призвавшему нас к жизни мысленной, который нами управляет. Взлетим пред ним к предназначенью своему, уж не ища допытывать Того, Кто пожелал, чтоб наша сущность и наши качества *только после Него бы полагались*.

133.

Не для того ли истинные люди в сей мир пришли, чтоб жертвой в нем являться непрестанно? В фальшивом положении они всегда здесь пребывают, которое их пользует, до срока разрушая.

Верховная любовь, пусть это одна из черт премудрости твоей. Ты время сократила во благо избранных своих.

Так жертвуй же собой без сожаленья, муж истины; путь благосклонен к тем, кто только начинает его одолевать, встав на него ногами.

Святая Истина, всяк почитающий Тебя с любовью зрит на радости, что Ты ему готовишь. Не видит больше он напавших на него терзаний. Он упованием исполнился настолько, что некогда ему бояться и поражаться Твоей суровости.

В избрании Господние герои, пусть дух ваш знает, что на этой дороге скорбной благодаря утешенью труда присутствуют деянье и развитие, и цель, и завершенье.

Как может мир идею жизни воспринять? Он вовсе не страдает, выравнивая все своим теченьем и предваря наслаждения свои; ему необходимо только время, чтобы ее заметить.

Однако над временем подняться, не означает вовсе предстать неуловимым для него. Наоборот, держась над временем, оно само становится ему неуловимым.

Какой удар не должен он сносить, ведь следует своей дорогой, продвигаясь ввысь?

Какой же пагубной рукою перенесен закон времен далеких, которые не существуют боле? Какой глас человека научал, пытаясь усыпить его обманными посулами подобия такого? И этот глас не предстает ли нам в облиции зверином? Не есть ли это безымянная рука того, с кем торговаться не пристало на земле?

Не есть ли это рука того, кто изначально породил бесчисленные образы и нагромождал их на стезях деяния Господня?

134.

Господь явил пророков все слова; прониклись ими всякие черты писаний, хотя об этом пророки говорили лишь в определенных просветленьях.

Вот почему они не в силах были Его понять, поскольку тогда б необходимым стало брать разумение истое Его.

Служители науки века преходящего, не можете никак достичь предела вы познаний, ведь вы пренебрегаете ключом единым, который может отворить врата их. Господь во всем, и сотворил Он все; однако вы желаете узнать о всяком и даже действовать, производя все без Него.

Гораздо более: желаете Его познать вы без присутствия Его и свет Его судить без света.

Взгляните, как луч распространяется. Иеремия вымолвил лишь слово в плен Вавилонский забранным евреям о времени освобождения их; и Даниил, что пребывал в числе их, над этим словом размышляет: огонь возжегся, и Даниил показывает нам подробности все жертвоприношения.

И над Псалтирю собственной раздумывал Давид, и ночи для него всецело исполнялись трудов Всевышнего блаженным созерцаньем.

Как путь премудрых для иных людей известен стал? И не всегда он заключен в самих же мудрецах. Ведет он иногда их безотчетно, боясь их ослепить чудес сияньем, что следуют за ними.

И отчего священник в Завете Ветхом жег фимиам из благовоний. Левитикон нам сообщает: предпринималось это, дабы дым покрыл, что тайно образуется над алтарем свидетельства, и дабы служитель Божий бы не умер.

Невежды и неверующие, прекратите желать проникнуть собственным познанием в предел столь скрытый даже для того, кому его дано постичь.

135.

Всяк человек обязан пересечь однажды пустыню одиночества, чтоб в ней развить свое уменье, свою отвагу и терпение свое. Там истинное станет его влечением, как принцип и единственная пища людского существа.

Оно — неисчерпаемый рудник для всех взыскующих его в смирении духовном и в рассмотрении его законов.

Оно — опора *преходящих оснований*, жизнь сущностная *оснований различных времени* и смерть уж *искаженных оснований*, поскольку его число не может отношений прекратить со всеми числами иными.

Уединись в самом себе, когда ты хочешь почувствовать в себе большие силы, происхожденья твоего величье, когда желаешь ты свою пустыню сделать плодородной.

И сотвори сей пакт, Господь покоя, чтобы движения мои все исходили от Тебя; создай сей пакт: правители о нем до наций новость донесут; и наш Завет по всей земле прославлен будет.

Должны ли были мы иметь страдания искуплений? Но мы обязаны иметь страдания жертвоприношений, поскольку милосердие одно должно все существа одушевлять, которые не могут иметь призвания иного, как труд во имя возрождения Завета.

Иерусалим, твой храм объемлет все земные царства, Ковчег Завета расположен в сердце человека. И Слава Господа его Себе святилище воздвигло в сердце.

Все сущее Ему левитом служит, и человек, как ревностный святи-тель, обязан неустанно племена собирать вокруг алтаря из жертвоприношений.

136.

Есть лишь единый пастырь и едино стадо; во имя Искупителя всё преклонит колено в небесах, в аду и на земле.

На осужденье скорые мужи, найти вы мните этим великого дракона обращение и бездны освящение.

Воистину, един лишь пастырь, как и едино стадо, вот почему поверженными будут истуканы все и храмы все разрушенными, за исключением храма истинного Бога.

Кульť чистый людей сумеет привести к небесным радостям и душ отдохновенья их. Нечистый кульť способен навлечь на нечестивцев безнадежность, безумие и беснованье. И будет урожай пожат, и не засеяно уж поле впредь, и ничего не совершится больше на земле, где все *исполнено*.

Во имя Искупителя все преклонит колено на небесах, в аду и на земле.

Его именованию на небесах колено преклонят, чтоб славу восхвалять Его и чудеса Его могущества.

Его именованию колена преклонят и в дольном мире, поскольку нас сумел предохранить Он и вызволить из рук лукавого врага.

Его именованию колена преклонят и в преисподних ада, что Он вострепетать от ужаса заставит и испытать последствия владычества Его.

И разве рассказ об одержимом жителе из Гадарина не говорит о том, что бесноватый почитал Спасителя и преклонялся перед Ним? Но, несмотря на это, он стал ли обращенным? Он покорился лишь ведомый страхом, но не любовью; его покорность из боязни принудило его оставить место, но вовсе не свое располоненье.

Иов, Захария, Михей, Лука, живописуете вы нам дух истинный и ложный, ведущие между собой беседы, и существо нечистое не в силах возродиться, коль не воспримет пищу от участия Господней праведности.

137.

Кто мог бы посвятить оливковому дереву много песнопений? Не от него ли исходит радости елей, которым избранный помазан был по предпочтению?

Олива, олива, стань музыкальным инструментом в десять струн, заставь услышать нас блаженный голос твой; ведь слишком много времени должно минуть, пока язык твой узы преступления обяжут.

Порою кажется, как будто оливковое дерево грустит в печали, но этот звук протяжный его гласа приносит жизнь, любовь и радость во все души.

О, человек, оно одно способно снять узы с твоего наречья; а твой язык обязан развязать наречье отголосков, ведь ждут они, пока заговоришь ты, чтобы затем нести твои слова всем племенам.

Семья людская, человеческое слово, когда вы с силами своими соберетесь, то не заставите ли вздрогнуть мирозданье и бездны трепетать, а смерть преобразиться?

138.

О, разумение, не ты ль отличная особенность пророка? Не будь тебя, как нарекли б его Предвидящим? События есть подтверждение разумения; они достойны лишь второго ряда.

Гедеон, у ангела ты просишь доказательств миссии своей, и он тебе дает их. После того, как освятил Саула ты, Самуил, то объявил ему в знак доказательства избрания его на царство, что он обрящет человека, несущего вино и хлеб.

Производящему же сквернодействия Царю Иеровоаму сказал от Бога человек, как царь Иосия устроит жертвоприношение из священников высот. И в доказательство пророчества его алтарь раскалывается, и опрокинулся вверх лежавший пепел.

Пророк Исайя, ты знак даешь царю Езекии продления дней его, на 10 ступеней вернув тень солнца на солнечных часах Ахаза.

В Завете Новом подтверждения мгновенны в действии, что слову добавляет.

Порой, являются они и умозрительными, и пророческими: *«разрушите храм сей, и я в три дня воздвигну его»* (Святое Благовествование от Иоанна, глава 2, стих19).

Порою отвергаются они: *«Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел»* (Святое Благовествование от Матфея, Глава 16, стих 4).

О том, что возвещает ему Ангел в Апокалипсисе, не просит доказательств Иоанн Теолог, ведь подтвержденья этому развернуты с течением

времен таинственно настолько, насколько само событие способно их раскрыть, постигнутыми сделав.

Апостол Павел, как же был ты прав, сказав, скорбя, что Иудеи знаменней просят, ну а язычники взыскуют мудрость. И значит всё суть разумение и дух! Таков от зерен плод, которые посеяла премудрость на земле, ведь Бог наш — дух!

139.

Какими сладостными будут дни покоя, когда войдем в обитель мудрецов, которые мир просвещали и держали с момента сотрясения его!

Они лелеять, как своих детей, нас будут и, усадивши нас подле себя, расскажут нам о чудесах, которые произвести сумели с начала своего пути святого.

Авель, Енох и Ной, вы нас наставите повествованием о трудах своих; и мы держаться плотно станем рядом с вами, дабы внимать вам; и рассуждения ваши следы глубокие оставят в нашей мысли.

Вот, что мы ожидаем по исходу из тела бренного. Вот восхищения обетованные нам: проявятся в них тайны всех событий, которых не смогли постигнуть мы в подлунном мире; событий, которыми наполнена история столетий, но движущие силы их сокрыты в политике священной.

140.

Как Бог бы не являлся кротким более людей, ведь нежности в Нем больше, чем у духа?

И если в отношениях людских, встречается единственная мелочь, что ранит вас подобных, они вас обвинят и в остальном.

Но Ты, Всевышний Боже, если замечаешь в работе человека истину малейшую, то закрываешь очи на все ее несовершенства.

По милосердию Твоему творится это: ему Ты поручил заботу выслушивать и собирать молитвы наши. Оно собирает только доброе зерно; его никак не может напугать количество плевел, там обретаемых.

И всякий день Тебя, Господь, Евреи удручали своим роптанием, в пустыне пребывая; но снисходила Твоя слава на Ковчег Завета, чтоб упрекнуть в неблагодарности израильский народ. Священник умолял Тебя, и по его молитве отсрочивал возмездье Ты.

И чтобы осужденными предстать, необходимо было, чтобы десять раз они Тебя бы искушали, пока не преисполнилась бы мера беззаконий их.

И дети этих безобразников скитались по пустыне сорок лет, пока не истребились отцов их трупы.

Они должны были бродить все сорок лет в пустыне, что сорок дней зеркально отражает, в которые посланцы обязались землю обетования разведать. И день погрешившей милости тождественным был году искупления.

Взламывая Господа по милосердию безмерному Его; и усталимся преступленья, памятуя о детях наших и братьях; объявивши их любовью, остережемся из-за прегрешений наших в пути застрять к земле обетованной.

141.

О, человек, ничем достаточным не обладаешь ты в подлунном мире, чтоб нужды духа успокоить своего, тем паче нужды духа себе подобных; тебе черпать необходимо это в сокровищах вселенских. Но кто же, кто тебе откроет их?

И в этом гладе пребывая, имеешь ты отвагу дороги торить к истине и ей предписывать свой путь, как будто ты боишься, что без тебя ей не дойти до цели!

Изыди же во прах. Из уст людей, какие повеления должны тебя достигнуть? Не думай, что тщетны людей советы лишь потому, что не всегда уверены они в том, кто их возглавляет.

Исследуй их учения. Они тебе объявят о событиях, которые исполняются частично; будь более на страже: заставь самих свести их к половине все образы, что им дано представить.

Предел, что занимаем духом, намного больше нашего предела, и дух мазками кисти ищет отразить всю протяженность и развитие господств обоих.

Ведь дух не знает времени: он вещи в общем виде показывает; тогда как естество и время способны воспринять лишь сущность внутреннюю их.

Не описал ли он ужасными тонами конца времен пророку Исайе простое разрушение Вавилона?

Итак, скажи им, что высокое происхождение человека вершит обетования, законы и угрозы исшедшими ему от Бога в единой полноте своей.

Но слабость наша крайняя с безмерным милосердием Господним творят для нас, все это сокращая в исполнении.

Их увлекут для высшего усилия не быть пассивными пред гласом, который ими управляет, и вспомнить о своем исконном праве.

Пророков дух, но был ли подчиняем он пророкам? И почему имеем столько мы невзгод и нестроений на земле? А потому, что нет у нас надежной связи с велениями истины, и часто довольствуемся мы лишь образом ее.

И потому в работах наших и магнетических трудах пророка дух не подчиняется пророку.

Пророк не только подчинен своему духу, но он его влагает в человеческую руку, что направляет этот дух, не ведая его, и каковым сама она способна управляться безотчетно от запредельности различных сил.

И эти неразумные себя трудами восхваляют, которые вершат они рукой других! Тогда как люди Божии, чем больше сотворят чудес посредством дарований собственных, тем больше умяются, ниц простираясь от чувства недостойности своей.

142.

Не стоит проявлять сугубые заботы для украшения нашими словами наставлений, их выпренными делая благодаря изученной культуре.

И если даже слагались бы они высокопарными словами, они, несчастные, от этого не обрели бы выгоды никак, когда б не возымели пользы от слова жизни мироздания!

Чего недостает сему живому слову? Являлась буква иудейским именем, и новым именем был дух. Какое же найдете слово вы, сравнимое с последним словом?

Среди людей не часто встретишь того, который занят раскрытием сущности словес из внутреннего смысла их отношений высших со своим началом. И есть лишь этот класс людей, которые смогли бы высечь огонь из слова.

Начни же всякий день ты как пророк искоренять всех грешников земли, всех делателей беззаконий сокрушив в Господнем граде.

Ведь первая ступень премудрости — Господний страх; вторая — жажда добродетелей всемерных; и третья есть любовью к человеку универсальному и частному; четвертая — любовь к Верховной Сущности и Ее Духу.

Когда достигнем мы сего, тогда огонь заставим заблистать от слова. Но будет ли зависеть от украшения наших слов осуществление такой большой работы?

143.

Порывами ветров возмущены деревья: их ветви бьются друг о друга, благодаря чему растения освобождаются от вредных насекомых и существ, которые могли бы завязь уничтожить и помешать плодоносить деревьям.

Так и закон времен и потрясения нашего предела бурового нас избавляют благодаря друг другу от всего, что чуждо нам и пагубно для подлинного возрастания нас.

Давид, проникся ты сей истиною сам, когда сносил злословия Семея и помешал, когда Авесса замыслил умертвить его.

Сказал же ты: *«может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне благостью за теперешнее его злословие»* (Ветхий Завет, Вторая Книга Царств, Глава 16, стих 12).

Но есть еще и горший кубок, который мы вкушаем из-за зла чрезмерности и за других людей. Познание же элементов зла и его свойств — превыше разума людского.

Поскольку эта чаша главная нисходит в само начало наше и средоточие его, постольку она же равномерно ниспадает из центра высшего, иль от живительного очага любви и милосердия.

Каков бы ни был ты, когда сам пьешь от этой главной чаши, не унывай. Ведь есть печаль, которая приводит к смерти (она — стенанье мира и безумства), и есть печаль, которая приводит к жизни: печалью истины с премудростью является она.

Какая мать, радостью переполняясь, не помнит все испытанные муки, когда она рождала человека в свет?

144.

И коль меч Божий пригвоздил в нас змея древнего, то значит, расширил Он *Израиля шатры*.

Откроем нашу душу Господнему мечу; он должен отделить от нас все чуждые народы. Ведь без него навек мы необрезанными будем.

О, сколь же человек ужасен и велик, когда свое единство обретает! И почему родился он с живым сознанием собственного превосходства над всей природой?

Отбрось прочь от себя сомнения и страхи, которые ты мог иметь по поводу своей вселенской силы, когда ты возродился: *«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе»* (Святое Благовествование от Матфея, Глава 18, стих 18).

Однако: *«Никто не может прийти ко Мне, если не привлечёт его Отец, пославший Меня»* (Святое Благовествование от Иоанна, Глава 6, стих 44). И значит, неизбежно есть предызбранные люди. Но если человек не видел пред очами все образы добра и зла, то сможет ли познать сие он и избрать?

И горе всякому, кто нес свою идею вплоть до фатальности вселенской! Но род сей малочислен; разряд срединный населен же существами, которые свободны больше или меньше.

И, несомненно, премудрость больше оставляет заслуг для праведных избранных, чтобы вознаграждать произвольно их; и больше заблуждений для беззаконников избранных, дабы карать их справедливо и без жестокости сугубой.

Господь Царем бы Славы и Покоя не являлся, когда бы не был правосудия Владыкой.

145.

Когда желаешь пользу ты извлечь в установлениях религиозных, им сделав применение, держись внизу; необходимо тут, чтоб ты пассивным был.

Когда желаешь в этом рассмотреть ты смысл с началом благодаря суждению и размышлению, держись сверху; необходимо тут, чтоб ты активным был. *«Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы»* (Святое Благовествование от Матфея, Глава 12, стих 8).

Ведь тайна заключается, из обстоятельств исходя, в твоём служении и сердцем, и умом.

Твой разум удовлетворен? Открой же свое сердце. И ты предаться сможешь его движениям, не отягчаем ни слабостью и ни наивностью своей.

Довольно твое сердце? Открой же очи своего ума. И предоставь себе парить на крыльях разума, которое само тебе откроет верные сокровища, что в силах утолить все твои нужды.

146.

И если человек не пренебрег бы размышлением о законах Божьих и созерцанием возвышенных предметов Его мысли, зло не сумело бы в него проникнуть; и даже ныне, когда бы затворил для беззаконья сердце, оно бы отсюда не имело никакого исхождения, чтобы скользить по миру невозбранно.

Узнайте здесь большую ужасающую тайну. О, сердце человека, ты есть уход единственный в потоке лжи и смерти, крадущейся обычно над землей.

Единый ты исход оттуда, где ядовитый змей вздымает свою властолюбивую главу, оттуда, где глаза его сверкают ярко элементарным светом, поскольку его узилище погребено намного ниже юдоли нашей.

Ведь именно оттуда, разоблачая блага, каковыми мы окружены, он изрыгает яд свой на благотворные растения, нам данные для пропитания и исцеления.

Преграда беззакония становится похожей на беззаконие само. Так тьме промолвил человек: *«Входи свободно, я часовым своим сказал тебя впустить без противленья. За мною следуй и смотри, и обучись тому, что ты узнать желаешь. Вот скипетр мой, а вот моя корона и все сокровища мои»*.

В мгновение ока враг объял все чудеса; затем он их использовал для продвижения своего господства, пускай они и появились только для цар-

ства истины. Он так исполнил для того лишь, чтоб девственную землю обратить в отравленное поле беззаконий.

Людское сердце, сколько же веков необходимо, чтобы тебя избавить от закваски, которой заражаешься? Услышите ли скорбные и жуткие уси-ля, что производят смертные для изbleвания семян смертельных этих?

Возопием же, ибо сердце человека, которое должно являться преградой сумраку и злу, вдруг стало светом извращения и заблуждения поводом!

Возопием же, чтобы злу оно закрыло врата свои, и зло обречено бы на блуждание слепое стало в кромешной ночи сумрачных пещер!

147.

Меня Бог окружил своею силой, подобно форту пред твердыней.

Зачем же прерывать мне мысли ход своей, когда питает Он ее и ей дает как будто быстроту потоков? Имеем мы нужду лишь в наших мыслях и уж никак не в мыслях от других людей.

Труда фундаментального колонны, мои глаза вас будут созерцать; вы станете предметом и радости моей, и восхищенья. Вы свет несли земным народам.

Вы непрестанно отворяете врата Спасения тому, кто, уходя с земли, спешит Израиля путями. И вы в конце времен сопроводите тех, кому вой-ти дано под портики святые.

Всегда у вас перед очами отдельные пределы людского племени, и если в них закон премудрости доселе избегает ваших взоров, предохраняете вы области сии от абсолютной тьмы, им посылая с посреднической миссией светила, которые ваш свет им отражают.

Кто даст объять мне высоту колонн и охватить их протяженности ве-личье? Их основания положены в земле живых; вершины их увенчаны лучами духа; и возвышаются они до храмового свода.

Взойдите же к единству, человеческие души; не оставляйте науголь-ник вы с отвесом до той поры, пока не станете столпами, чтобы глава ваша сокрылась в небесах.

Труды вы совершите те же, что и Искупитель сотворил, и даже больше, ведь действовал тогда Он только силой собственной, и с той поры, как Он к Отцу вознесся Своему, вам деланье дано как силою своей, так силою Святого Духа.

148.

Узаконения людские, куда вы поместите человека, когда нарушил честь он? Не отнесете ли его вы к тем, кто честью никакой не обладает?

И почему же человек находится среди вещей, что слова никакого не имеют? Не от того ли, что согрешил он в слове сам?

Так и пророк Амос сказал: *«Они будут передвигаться, снова здесь и там в поисках Слова Господня, и они не найдут его вовсе».*

Однако в означенное время благодать Господня послала Слово мироздания, чтоб нам оно защитой служило.

И правосудия закон великим был, утешительным, цельным, превосходным, ведь одинаково исшел от жизни. Но кто его сравнил бы с милосердия законом, в котором кротость такова, что непосильно никому измерить ни высоту его, ни ширину, ни глубину?

И все же, закон сей милосердия есть закон вторичный только; им судится, что будет нашим счастьем, когда в закон *Отца* мы вступим, или в закон троичный, который станет восполнением Слова и полнотою действия Его!

Всё слово суть, и разве люди не прибегают непрерывно к помощи его чрез образ, взыскав силы в деле всяком? И даже прения в беседах, не происходят ли во благо истины? Пусть и не стоит, право, чтоб слово ни спадало в них.

149.

И принцип наших мыслей они смешали с чувством, какое лишь посредник их. Они желали, чтобы думала материя, хотя ее присутствие и вовсе не необходимо не только мысли человека, но и для ощущения его, поскольку он их в компонентах проверяет, которыми уже не обладает.

Они желали, чтоб материя дала бы нам идею Бога, хотя она не только не владеет ей, но даже не имеет идеи духа.

Они говаривали, будто бы являлись отцами духа их детей, как если бы необходимость помощи двум существам, подверженных материи законам, и не противоречило идее воспроизводства сущности простой.

Они желали мир создать союзами единства, когда б образовалось только одно единство, и невозможно было бы его соединить ни с чем.

Иллюзии и ужасу они присваивали все разоблаченные идеи умозрения, которыми исполнилась земля; хотя, согласно им, ничто не может дойти до разумения нашего, пока оно не отразилось в чувствах; и если эти вещи в сознании человека существуют, то это доказательство того, что прежде они отпечатлелись в его чувствах.

Они молиться не желали, ибо, с материей соединившись, они закончили неверием себе, что дерзновеннее, сильнее, чем она.

Они смешали все законы чисел и корень обрели в том, что являлось силой, и не желали брать за силу того, что корнем представало.

Себя же они мнили авторами слова, и языки между собой считали, родившимися из осколков наречий разных.

Они никак не сознавали, почему в произведениях их гения, пришлось отдать им столько преимуществ для воплощения всех душевных качеств, благих иль скверных, и даже всех физических существ.

Они порочили поэзию, и разумы оскорбили наше, и вид имели, будто бы от муз вдохновлены, хотя и обладали своими вдохновениями лишь в памяти, или по отношению ко всем предметам, которые нас окружают, которых мы способны наблюдать столь, сколь и их.

Но, кажется, что заняты мы плотно уничтожением урожаев, которые должны кормить их, и насаждаем только сорняки, их разрушающие.

О, Истина, здесь повтори, что ты сказала некогда Исае о Евреях беззаконных: *«Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы головы до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и не обвязанные и не смягченные елеем»* (Книга Пророка Исая, Глава 1, стих 5,6).

150.

И впредь искать не стану я раскрытие природы первородного греха. Любовь Спасителя мне даст познание ее: *«Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне (...) Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 15, стих 4, 12, 13).

Явилась эта Сущность лишь для того, чтоб массу беззакония поколебать, тем показуя нам равновеликий вес; и тем субстанцию преображая. И если вес, какой принес Собой Спаситель, является единством и любовью к ближним, то Тот, Который пришел уравновесить все есть разделение Любви в Самой Себе.

Себя ты любишь одного, начало беззаконья. Любить в единстве прекратила твоя сущность, и с этих пор все твои свойства извратились, хоть существо твое пребудет нерушимым.

Так перестаньте ж, Манихеи, мнить о неизбежности начал обоих и со-вечных; вы заблуждаетесь в шагах, произведенных вами, когда не признаете творенье со свободной волей, что сущностью порождено необходимой.

Восславим же величье человека, за коего уж труд исполнен; и он таков, что ничего подобного доселе в Израиле не совершалось.

Ведь Бог является пределом человека в небесах, как человек пределом Божества был на земле. И кто нас научает этой истине? Вслед разумению грядите путем Его деяний.

И полнотой они бы не являлись, когда бы не пронизали глубины человеческого сердца. И наши действия восполнятся тогда лишь, когда мы освятимся любовью нашей вплоть до глубин Божественного сердца.

151.

Умножьте силу мертвую, материю, к примеру, и вы ее ослабите. Наоборот, живая сила, на всякой из своих ступеней, пребудет нерушимой, тождественно свою активность проявляя.

Закон счисления, живых вещей ты образ. Всех числовых господств предел великий подвергнуться не может искажению, хотя и производит сущностей безмерность.

И разве собою не несем мы меру всю и всякий вес, и все счисление? Не созданы ли мы, чтоб в бесконечности парить, поскольку мы в ней рождены? И добродетели отдельные вкусив и обрета, не сможем ли мы новые вкусить и обрести?

И это без предела, без конца, как числа, как Предвечный, который всегда нов, всегда рождается из сущности Своей, однако непрестанно Тот же Самый в Своем деянии животворящем и живом?

Вес или полнота заложены в начала и в действие у каждого господства. Но мера рассеянной во времени пребудет; и скрытое число, как и огонь, имеются в зародышах всех сущностей.

И есть ли тяжесть, мера и число для зла? Но зло способно быть лишь тяжестью неполной, фальшивой мерой и числом неверным. Без этого бы зло возобладало б верным средством одолеть добро, или, по крайней мере, с ним бороться, с ним уравнившись.

О, человек, взвесь все труды свои, измерь себя на примирения ступенях, по огненности веры и пылкости любви себя исчисли.

Не уповай и вовсе, покуда не обожил сердце ты свое. И молви не о мудрости, а лишь о тех, которые ее искали. Кто возомнил, как будто бы ее достичь сумел, ее и вовсе не коснулся.

152.

Единство устойчивое, единство изменчивое и сложное единство: вот кватернера три, которые объемлют существ универсальность.

Вот почему все то, что приняло существование, отметину запечатлело первосущности; и образ принципа любого всегда присутствует с началом этим, раскрываясь.

Бог Всемогущий, кто может Славу созерцать Твою, пока не облечешься в духах ты, которые суть образ Твой.

Слуга Твой Моисей их видел: эти силы Тебя сопровождают, вслед за Тобой и после Тебя грядут. Не в этом ли смысл слова *Aharim*, которое нам передал язык священный?

И разумеешь ли опору у иерархии сил этих, которые предшествуют Тебе, исходят из Тебя и за Тобой стремятся?

И что же тогда думать об этих хладных переводах, столь смехотворно запечатлевшим способ, коим Бога Моисей узрел? Есть только слово изначальное. И значит, истинное корнесловье нас научило бы всему.

Прости же им невежество, Премудрость, и не от мира сего ты докажи им истину. Всегда мгновение приходит в жизни человека, когда он зрит ее не только сердцем, но глазами.

Блажен же тот, кому ты позволяешь воспользоваться ей! Ведь знание тогда ему уж станет бесполезным. Не видим ли мы все благодаря усилию, как бы упорству силы повинуюсь?

Все в жизни существует, даже те, кто мертвы: показывает это, что царствие единства древнее, нежели господство смуты.

153.

Как время, наука скоротечна и, как Протей, изменчива; как ум она подвижна. И какова же может быть надежда ваша, ученые мужи, когда намереваетесь вы ею массивные строенья объяснить?

Все, что откроете вы для одной эпохи, найдет ли соответствие в другой?

Египетские иероглифы с Изидиной скрижалю желал растолковать сам Кирхер Афанасий. Чему же научил он нас?

Когда же эти монументы являются плодом премудрости, то изначально необходимо изучить, что из себя премудрость представляет, дабы затем раскрыть ее связующую с ними нить. Но истинное разумение премудрости не обретете вы в обычных изысканиях: оно в них никогда, к тому же, не встречалось.

Когда же эти монументы собою честолюбия являют плод, невежества и скверной веры, они достойны только вашего презренья.

О, люди несчастливые, казалось бы, что ваша цель есть обретение в вещах истолкованья, которое вас истиною наделяет. И до каких же пор упорствовать пристало вам против иглы прочнейшей?

Науки ваши и библиотеки для человеческого духа суть то же, что и для тел людских аптеки. Одно с другим соединив, они не перестанут свидетельствовать против света человека, его усилия и здоровья.

Порою могут послужить они смягчению болезней, но чаще же они приводят к смерти и реже к излеченью, и никогда не делают они неуязвимым человека.

И если же, веленью повинуюсь, стал человек писать, способно это помочь ему в духовном созидании своем. Когда же не читает он нисколько, то это искажение разума влечет.

Но даже и писатели, которых заботит больше наше одобренье и во все не развитие человека, остерегаются возможность предоставить нашей мысли, чтоб властвовать над нами безраздельно, мечтая в детстве задержат нас, не дав раскрыться мысленным задаткам нашим.

О, истина святая, становишься ты чем среди людей? Не ты ли храм тот, о котором говорил Спаситель, что от него Он ни оставил бы и камня.

154.

«Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы» (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 21, стих 6). Позвольте человеку проникать в садок для рыбы. Тогда он станет проникаться постепенно и непрерывно водой пути, и истины, и жизни.

И эти воды в нем будут подниматься, нисходя, как будто по лестнице библейской Иакова. И силой увлекая его ноги, они исправят путь, и победитель сможет, торжествуя, идти стезей, предуготовленной шагами его войска.

Понаблюдаем же над человеком, исшедшим только что из рыбного садка. Одеждами он облечется сияющими более, чем солнце. Он истины епитрахиль наденет, покрыв главу свою тиарой, и меч возьмет, чтобы сражаться с врагами Господа.

Он славу утвердит свою, невольников освобождая и очищая элементы вещества с виновным человеком. Вот почему, когда по повелению Его ловцы сумели вправо бросить сеть и вытащить ее с «... большими рыбами, которых было сто пятьдесят три...» (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 21, стих 11).

Несчастье тому, кто, просветившись в духе, в садке очистившись, стремиться продолжает к заблуждениям духа нечестивым! И это значит оскверняться в духе, жизнь смерти подчиняя и придавая жизни смерть.

Тогда ему необходимым станет пред духом время долгое идти, хоть прежде дух сам шел пред ним.

155.

Но какова же мысль Божественного духа? Сие — душа людская и существо бессмертное, в котором преломилось сиянье всех божественных лучей.

И какова же мысль у сил производящих и активных естества? Сие — животная душа, мгновенная субстанция, в которой проявляются совместные все свойства чувственные, производящие, вегетативные.

И какова же мысль души бессмертной человека? Се — колесница славная, на коей он покоится, которой необходимо его одушевлять от своего огня: на ней однажды должен воспарить он к славе.

И какова же мысль души животной? Се — тело плоти, творенье смешанное и подвластное распаду, поскольку различные начала, в его строении принявшие участие, способны разделиться в действии своем, когда крепившее их средоточье устранилось.

И какова же мысль у колесницы славной, на коей покоится бессмертная душа людская? Се жизнедеятельность, что в развитии творится, идущем от деяний простых в простые же деянья.

Но какова же мысль у тела плоти? Се делание смерти, поскольку, стремясь к истоку, который не является простым, его все результаты, распростершись, сильнее разделяются и ослабляются.

И вот посредством сих волокон хрупких и непрочных свет, истина, любовь проходят без опаски.

И даже если человека мысль произведет сложение миров, умов, и тяжести всего, что обрело существование, то все равно не сможет тем исчислить любовь Своего Бога.

156.

Мне нужно рассмотреть одну обширную картину. Сам Искупитель преобразился на глазах своих троих учеников избранных.

Пред ними Он развил зародыш мужа изначального. Он дал познать им сияние этой славной формы, в которую мы облеклись бы, когда бы замыслу последовали нашего происхождения; и значит, ученикам Он показал его предел.

И если люди готовыми бы больше оказались, чтоб в истину войти, и если человечество не бросилось бы в иго материи и тьмы, могла бы сияющей остаться эта форма славная, восставив человека посредством силы притяжения своей.

Но тяжесть преступления принудило его образовать собою грубую рубашу, и необходимым стало, чтобы она его покинула, усилью повинувшись, поскольку через милосердие она бы тщетно удалась бы от человека.

В Преображении сем земля ничуть не трепетала, и не затмилась вовсе небеса, и мертвые не вышли из своих гробниц и не бродили по улицам Иерусалима, вгоняя в ужас горожан.

Любовию одной оно являлось, последней милосердия попыткой, которая могла бы утешить, когда бы пришла от правосудия.

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказваю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликните: «благословен Грядый во имя Господне!» (Святое Благовествование от Матфея, Глава 23, стих 37–39).

157.

Что человек несет на землю, за исключением преступлений, скверн, небрежности преступной?

Какая бездна пребывание его земное! Жестокость — вот достойная расплата за Божии благодеянья! И поведение его — одно самоубийство для души!

О, человек, способна ли верховная десница тебя из сей клоаки вырвать, из пропасти всегда отверстой? Ведь вместо распространения живительного света на себе подобных, ты сам в подлунном мире предохраниться не спешишь от сумрака и смерти.

Господь покоя, когда молитве предаемся мы, то почему же ощущаем, что преступление и все его черты вдруг удаляются от нас? Не потому ли, что вполне вы милосердны, чтоб впредь не вспоминать об этом вам?

Не потому ли, что любви вашей око, к нам прикасаясь, повсюду несет собой в одно и то же время жизнь, которая способна и от смерти возродить?

Какие бы не совершили преступления мы, не стоит упование бросать об исцелении от них; одно необходимо нам — просить об этом, наконец, решиться. Смирение с раскаянием нашим раскрыть помогут нежность и славу Нашего Небесного Отца; они — Его возвышенные свойства.

Ведь без признания ошибок наших наказание уж правосудию не подлежит, а варварству подобно. Ведь без признания ошибок наших прощение не может милосердие отождествить собою, а уж каприз напоминает.

Грех первородный совершив, виновный человек тогда сам обратился прямо к Богу. Но после преступления второго, он мог теперь лишь к духу обращаться.

Когда они от духа отпадают, тогда нисходят до камней, которые не могут внимать признанию о преступлениях их. И не о них ли говорил Господь, что может Он из камня создать детей для Авраама?

Путь мира открыт везде для человека; он вместе с ним нисходит во все бездны, — там путь теряется порой: вы сотворить хотели частную религию, как будто подлинное исповеданье не представляло бы универсальным для всех племен земных!

158.

Какую же картину материальная природа нам собой являет? Субстанций в зарождении, образовании и становлении.

Используя какие средства, общаются между собою люди? Одно из них письмо, когда меж ними расстояние; другое — разговор, когда они друг друга слышат; и третье — действие, когда они бывают друг у друга.

И почему же мысль, которую дает нам ангел, не следует за поступательным движением? И почему бы не черпать ей в субстанциях, что в зарождении, свершении и становлении?

Картина всякая имеется в произведеньях мысли. И нам представлена она всегда лишь в форме чувственной, поскольку совершенно все в источнике, ее производящем.

И чувственная форма эта есть описание ее. Но если мысль не записали, как различать ее пристало? Присутствует здесь сущность в зарождении... Но можем ли услышать глас людей среди темноты, не видя их? Здесь выражена сущность становленья...

Имеется и третий уровень понятий. Итак, мы зрим на действия людей, что подле нас находятся при свете дня! Тут, безусловно, сущность совершенья...

И значит, очевидно: мысль пишут людям, им говорят и ее пред ними воплощают, хотя они ее так мало замечают, как верно то, что вещи осознаемо перед детьми проходят, которые их сами уж не замечают.

О, истина, как можно любить иное нечто, но не тебя?

159.

И кажется, в обителях священных, что предназначены к святым обрядам, невидимая сила пребывать должна, несущая в себе спасительный и действенный характер, запечатлевшийся на сущности любой, которая присутствует в ограде храма.

Не ощущаете ли вы, как там стихают страсти, дух просветляется, оттаивает сердце? В своем ничтожестве там вещи мира угасают. Сияние истины там нас переполняет животворным светом и радостью, что невозможно описать.

Не ощущаете ли вы, что выходя оттуда, вы к людям снисходительны и больше их расположены любить, хотя пока вы там не оказались, быть может, вы их в своем сердце распинали и люто ненавидели?

Молитва оставляет пребывание свое в убежищах подобных, и, несмотря на беззаконие людей, она сильнее их позора. Она там непрестанно очищает атмосферу, и вы в ее невинности участвуете верно, как только прикасаетесь к ее влиянию.

Каким бы ни был гений изощренным, пусть даже и в вещах духовных, он сможет сохранить себя настолько, насколько будет жить благочестиво.

Но может, для него весьма возвышена идея эта — произносить и чувствовать, что мы Отцом имеем Бога, и что благодаря единственному слову облагораживаем мы всю семью людскую, соединяя узами любви и братства между собою всех людей?

Но может, для него весьма возвышена идея эта — почувствовать, что он не должен Бога называть *Отцом*, пока хотя бы одного имеет человека, который для него не стал еще ни другом и ни братом?

Итак, молитесь до тех пор, пока не ощутите, как предвкушение радости вас гонит неустанно. И в этом — жизни вашей сущность.

Изыдьте же, божественные ветви, которые порождены молитвой. И сенью вашею стези покройте, ведущие к Господню храму, дабы народы знали, что пути по направлению к Богу смиренны и превыше всех мыслей человеческих.

160.

Все, что исходит лишь от человека, судилищу в нас внутреннему подотчетно. Взыскует восхищение мое повсюду и в себе подобных вещь, которая превыше нашей собственной природы; и каковым бы ни был ключ от власти, я более пред ним не преклоняюсь с тех пор как вижу, что мной овладевает эта вещь.

О, человечество несчастное, имеешь ли нужду ты в этих средствах, чтоб доказать себе существование силы, тебя превосходящей, и силы собственного своего бессмертного характера? Увы, приносит тебе это одни первичные сомнения о цели, о законе, о предназначении двух вышеупомянутых существ.

И ужаснувшись от беспомощности это обрести, решение ты принял отбросить веру в существование их. Однако нет еще такого человека, в котором бы безбожие и материализм являлись первородною идеей.

И у него она — вторичная идея и *умаленная от истины первоначальной*, которую он созерцал когда-то, наслаждаясь, затем оставил, отдалившись, отчаявшись от невозможности объять ее.

Но что ему особенно присуще, о том он сожалеет потаенно, и ничего — и даже добродетель — сего не могут заменить в сердечном средоточии его.

И что же предприняли люди, чтобы прийти к познанию существ обоих? Благодаря анализу, они хотели действовать на то, что просто. Они желали видеть мысль, как будто предметы сложные.

Взяв скальпель, они пытались разум показать, сродни тому, как и ана- том нам демонстрирует животных.

Но разве у анатома не смертоносная рука? И разве малейшее из действий, что чинит она, не разрушительное дело?

Разумная природа человека, когда они тебя вскрывали так губительным предметом, могла ли оказаться ты живой, ведь таковой всегда ты пребываешь лишь в собственном единстве?

И не могла ты ничего преподнести, кроме отдельных безобразных членов, которые необходимо предать земле.

И вот на сей расколотой основе, способной дальше разрушаться, они дворец воздвигли человека и державного Создателя существ! Свои науки, знатоки, забудьте: они повязку на глаза вам наложили!

161.

Достигну ли ступень премудрости, когда смогу остановить свое отмщенье человеку, который оскорбил меня?

Сего не будет, даже если б я сумел благодарить верховную десницу за посланное мне такое испытанье, и даже если б я сумел благодарить того, кто был причиной, как будто я бы смог хоть что-то предложить.

И если из-за собственной корысти я возлюбил такого человека, то милосердие мое не будет чистым.

И только когда почувствую, что я люблю его без задней мысли, тогда я в меру мудрости взойду; когда почувствую, что жизнь свою готов я за него отдать и зла не замечать, которое он мне творит.

Скажу, что именно тогда достигну я единой точки, которая способна служить противовесом беззаконью.

И здесь Тобою данный образ, святой и сокровенный Искупитель; Тебе единому должны мы следовать во всем, не забывая, что мечтанья наши являются причиной помыслов греховных.

Привязывать свой взор не стану я к земным скорбям. Моя душа настолько окупнется в печаль земную, что не познает впредь покой Своего Бога, господство смерти обретя, взамен господства вечного единства.

Однако мне негоже взирать, не прерываясь, в небеса. Ведь радости мои столь жизненными и насыщенными будут, что существующее зло душа моя забвению предаст, и окажусь я чуждым ко всем скорбям своих же братьев.

И для чего мы знание обретали добра и зла? Не можем мы освободиться от этой задержки правосудия. Мы не смогли бы в нашем мире испытывать чистейшую и продолжительную радость.

Но мы бы в нем не выдержали также зла абсолютного без перерывов. Ведь если солнце не опускалось бы за горизонт, оно бы нас пожрало. И если бы оно не восходило никогда над горизонтом, то наша земля бы превратилась вскоре в безжизненную глыбу, над которой бесплодность и небытие бы распростерли власть свою.

Ударил и отверг я сам ту долю своего наследства, которую Ты преподнес мне с такою щедростью. Так уплати же долг мой. И если я сделал зло кому-нибудь посредством беззаконья, воздай добром им благодаря своей любви. И я теперь обязан лишь милосердие творить и о прощении Тебя просить.

Когда б сумел я исцелиться от собственных недугов и от недугов своих братьев, тогда Господне имя во мне бы возродилось ветвью золотой, дав власть моей руке путь в бездну затворить.

Герои легендарные, вы сами вскоре бы пришли, поэмам повинуюсь, оружие победное принять из рук своих воображаемых божеств!

Тогда бы возгласил я гимн священный, который непрерывно ангелы покоя воспевают в городе святом; и этот гимн гремел от Завулона до Иуды, поскольку Иакова звезда явилась слить их два народа и царства два.

Увы! О, если б человек всегда ребенком оставался, то зло бы не смогло ни им, ни мыслью овладеть его. И человек спокойно возрастал бы в мудрости. И стал бы крепким и высоким он как древо дуба между иных лесных пород.

И только Ты, друг верный, всегда сражался за него, о чем он часто и не ведал. И если, чтобы выполнить закон, он должен был предаться непременно битве, то зло увидел бы, но не познал его бы в своем сердце. Когда в невинности его всегда бы пребывало сердце, тогда его рука и слово предстали б ужасом смертельным для врага.

Святое слово, дай покрыться мне летами детства: чем больше человек сквернится, тем больше он становится слабее, добычу для своих соперников являя.

И на вершине потрясающих строений, на страшные расходы возведенных и представляющих собой сугубое величие, я видел естество, смиряющее человека произведениями простыми.

Над этими плодами роскоши взошел побег легчайший моха, собой изгладив всякое людей произведение с гордынею высокомерной их.

«Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (От Матфея Святое Благовествование, Глава 6, стих 28, 29). О, человек, когда откроешь ты свои глаза на эти наивные игрушки, которые от рук твоих исходят?

Ты в силах действовать, преобразуя все, хотя произведения природы являются твореньем непрестанным. Свой труд она повсюду распростерла и никогда не замечает твоей работы.

Но важно ли природе, как ты преобразуешь всякие субстанции? Не обрели ли славы больше жемчуг и алмаз, чтоб, выйдя из ее жилища, с почетом разместиться на венце царей?

Итак, в обыкновенных этих и условностях роскошных твой разум уловил черты того, что некогда ждет человека истины!

О, если б ты поднялся до идеи храмов величайших, в которых человек покоя будет обитать в веках грядущих, где золото чище золота земного и камни драгоценные прозрачнее алмазов; они служить не перестанут знаменем вечным славы и добродетелей его!

Так пробудись же, вновь званье превосходства обретая над естеством самим; убогие труды твои исчезнут, и чудеса вселенной, собранные вместе, сравнятся не сумеют ни с одним из подлинных трудов твоих. Но сможешь ли ты действовать под взором Бога Своего?

Сколь естество безмолвием объято, творя лишь промыслительное Богом. Все повеления Его она вслепую исполняет, ни памятью и ни сознанием не обладая о том, что совершает.

164.

Пытливый глаз, который в целом станет землю созерцать и в нестройных ее, узрит на ней ужасные знаменья могущества Создателя ее.

Каков же Тот, Кто сгрудил чудовищные массы скал и ошетинил ими шар земной, казалось бы, презрев законы все и равновесия, и тяготенья?

Каков же Тот, Кто бурями погибельными дышит, порой уничтожающими страны, порой вздымающими над морями блуждающие горы и бездны разверзающимися в океане еще страшней и глубже, чем те, что можно встретить на земле?

Каков же Тот, Кто осветил огня пучины, которые одновременно пожирают и сотрясают наше утлое жилище?

Безумец, нет никого, кроме тебя, кто смог бы зреть следы глубокие отмишенья древнего, деяний, красноречиво говорящих, о силе раздраженной.

Но именно из жалости к тебе Она тебе дает познать следы лишь эти; Она желает видеть, дабы от зрелища сего ты к Ней бы обратился, почтением воздав.

Когда-то Она расправилась с безбожниками древности и громы с молнией на них наслала, их уничтожив под тяжестью потоков гнева Своего. И ты окажешься на поле брани пусть не немедленно, но все же завтра; пускай еще довольно рано понимать, какой Она была ужасной.

Так созерцайте же, мои глаза, природу в блистающих замороженных ликах, впредь не усматривая в ней в чудовищное правосудие. И в разумение войдите эмблемы мироздания этой: она дана нам для того, чтоб понято быть.

Вещей создатель облек вселенную Сам именем Своим; предел же всякий Он сутью имени благого утвердил, чтоб пребывало там без перевесов одно в другом.

Вот как вселенная парит вверху над безднами, поскольку подвешена она лучами имени Господня, которые живительны, как Он, и сами по себе.

И потому они способны служить проводниками страннику, какой с дороги сбился, ведь нет в пространстве даже точки, куда не мог проникнуть бы животворящий свет, подобно слову.

Отец людской, но каково пространство Твоих чудес и мудрости Твоей? Необходимо, чтобы все к Тебе стремилось; когда не будет это по любви к Тебе, то пусть падут хотя бы от восхищения перед Твоею мощью.

165.

Времен середина являлась промежутком между правосудием и милосердьем; и Павел, исходя из Аввакума, нам оповещает, что средоточие времен избранным временем для человека представало.

И духа мы должны искать отнюдь не перед нашими глазами. Его обитель истинная — наше сердце, поскольку человеческое сердце избранною порою предстает, ибо оно — предел меж сумраком и светом.

О, человеческое сердце, когда ты шествуешь одно, воспламеняешься и воспаряешь ты, иль место для гордыни оставляешь. Желает ли надменным стать, скупцу уподобляясь, который любит наблюдать за знаками богатства своего, поскольку сам он пуст?

Желает ли ты стать тщеславным, уподобляясь сластолюбцу, который ищет обладания лишь чувственным началом не для того, чтоб пользоваться им, а дабы извратить его? Порыв материи и страсти преступен меньше.

И наше сердце непрестанно испытывает муки порожденья. И только ум один способен нам облегчить работу эту, счастливым избавленьем обеспечив. Не должно ль мыслям нашим, ходя по кругу, возвращаться к нам и становиться для восприятия нашего пригодными? Каким же из преград по силам их остановить и круг порочный разорвать?

Сумеет ли возрадоваться мать, забыв о своих муках, коль не увидит сына, которому она жизнь даровала?

Дух, это ты сопровождаешь человека до его рожденья и наблюдаешь неустанно за всем наследием его идей.

Несчастные, они не видят, сколь действительны труды их: плоды единой мысли человека лукавому врагу оказывают помощь! Не обладает ли неписанным он правом над всем, что истиной не предстает?

Так откажите вы ему, используя любые средства: он будет вынужден свое деяние направить против себя же самого и учинить в своем господстве войну междоусобную; и сможете исполнить миром вы тогда пору избрannую и мысли привести свои к счастливому венцу.

166.

Итак, вы согласитесь, знатоки литературы, с тем, что возвышенное непостижимо! Вы согласитесь, что оно приходит не от нас и независимо от нас, и говорить о том, что есть оно, вы не рискнете, подобно Лонгину, толкую лишь стези, которые его ведут.

Возвышенного виды разные опишете вы нам, покажете высокие фрагменты из поэтов наших.

Вы приведете нам ответ той матери, которой было сказано о жертвоприношении Исаака: *Господь не должен спрашивать у матери об этой жертве*; хотя Исаак был сыном веры и не мог равняться ни с одним из сыновей от чувств и плоти.

Вы приведете нам фрагмент о благородстве воинов, которые при виде гробницы военачальника большого, мечи свои с благоговеньем обнажили и отточили их на мраморе его могилы.

Картины эти нас вдохновляют и возжигают, однако не наставляют в существе вопроса. И мы в них ощущаем возвышенное, и чувствуем мы также, сколь мизерно оно от нас зависит. Но почему же невозможно его постичь? И вот ответа смысл.

Возвышенное — это Бог, и то, что ставит нас по отношению к Нему. Возвышенное — это Бог, поскольку является Он наиболее великим и наиболее верховным из существ.

И все принадлежащее его Премудрости священной и животворящей над нами обладает господством непреодолимым. Все добродетели и все благие чувства, все проблески духовные являются лучами сего предвечного немеркнувшего солнца.

И если какой-нибудь из них приходит нас согреть в труде или в обстоятельстве другом, мы испытываем кроткое блаженство, когда он поставляется меж нами и элементом природы нашей.

Исток возвышенного в этом, вот почему не могут люди его постичь, ведь плод он с древа намного большего: отнюдь не их размера. Вот почему все, кто не размышляют об этих отношениях великих, столь мало производят возвышенного.

Они суть ветви, что сами оторвались от большого древа: они не принимают вовсе уж порождающего сока, благодаря которому возможно только с древом сообщаться.

Откуда же тогда, на ваше рассмотрение, исходит слово Моисеево о свете, по праву первенствующее в иерархии возвышенного?

Когда его произносил он, то был привязан к древу этому большому: вы от него желаете все отделиться.

Иная сущность нам приносит возвышенного виды все.

Возвышенное разума и различия.

Возвышенное кротости, любви.

Возвышенное героизма и отваги.

Возвышенное красноречия и логики.

Возвышенное святости, молитвы.

Возвышенное силы и господства.

Возвышенное жертвенности и милосердия.

Взор человеческий, себя ты умоли не отвергать источника живого все-го возвышенного; ищи воспламенить себя при виде даров и добродетелей его.

167.

Тебе присуще благо обладать в себе земным, духовным и небесным, хотя и говорили, будто яд, разлившийся везде по сущности твоей, тебе заморозил глаза, прекрасное и истину упрятав от чудес, которыми ты окружен.

И почему я вижу только смерть, тогда как жизнь повсюду? И почему я вынужден блуждать среди гробниц, тогда как мирозданье служит портиком Святого Иерусалима?

Священные узоры этого возвышенного града, от взглядов смертных уж не скроются вы больше. Так драгоценные камни покидают свои копи, металлы очищаются, и солнце возвращается собой вселенную украсить!

Когда же люди станут больше пребывать в науках духа, на темное господство не взирая ученых ложных?

В какое время души изволения готовность возымеют двигаться ко храму, пусть он еще совсем невиден?

Господь, Господь, Ты ведаешь Один об исполнении времен; и ты свои никак свершенья не сверяешь с премудростью убогой человека.

И разве сам Еврей бы мог сопротивляться истине, *числу* и разумению, когда бы их себе представил верно?

Но время не пришло его еще и вовсе; Сам Бог на очи его повязку наложил, и только Он способен от нее его избавить.

Не доверяйтесь всем вам говорящим голосам. Хотя могут исходить они от вас и вам повелевать, но гласом духа не являться.

Не доверяйте чудесам, которые сулят вам эти голоса, пусть даже чудеса бы частично подтверждались делом. Порой достаточно, чтоб занялись

вы рьяно пророчествами, что поражают вас, из них определенные итоги извлекают.

Мысль человеческая, не кроются ли частично опасности твои в величии твоём? Когда бы в сущности своей ты не была столь сильна, имела бы тогда нужду сугубо печься об исполнении и о последствиях своих могуществ?

И обманувшись в сходствах, ты побоялась бы тогда принять свои труды и результаты за деланье премудрости верховной? Дерзай, по крайней мере, сама обманываться, не увлекая в сумрачные заблуждения народы.

168.

Как мне уразуметь тебя, простой и близкий к природе человек, когда я вижу, с каким спокойным умиротвореньем ты оставляешь жизнь свою земную? О, если б всякий человек мог с нею расставаться не иначе, то мы бы пребывали в состоянии естества.

Когда бы жизни путь был раем предварен, то наше возвращение туда прошло бы слишком мягко! Оно бы таковым являлось, когда б творить мы стали одни молитвы и милосердия дела, а иногда раскаянье и сокрушение в грехах своих.

Кто этого не испытал? И разве истинные предприятия все не завершаются счастливым внутренним движеньем, в котором мы вкушаем Бога, которое несет нас к прославлению Его в покое удивительном, им дарованном нашей душе?

И если скверные дела благие нравы разрушают, нельзя ли, чтобы добрые поступки худые нравы исправляли, их разрушая, уразуметь давая человеку, что был рожден он для непрестанного почтенья Бога?

О, существа чистейшие, сияньем окруженные Моего Бога; о, вы, которые, как человек, не умалаетесь под действием закона преходящих времен, вы помогите сотворить мою обитель в молитве и песнопениях Господних, какой вы сами обладаете вполне!

И впредь я не смогу покоя обрести в жилище человека; он сам в себе порушил все снисхождения законы, восставив вместо них свой ум и свою волю.

И пребывание его земное напоминает лишь вертеп сомнительный опасный, где путник останавливается, дабы поручу ненастья переждать.

169.

Никак не говорите, будто Бог охваченным бывает духом ярости и гнева. Все эти выраженья собой являются лишь образы ступеней разных,

которые проходит человек; они суть только история его падений и заблуждений ежедневных.

Но посылает ли Господь зло людям, как тиран, для истязания и наказания их?

Не попускает ли Он людям зло, чтобы его сразить и испытания им обрести, когда б они продвинулись в чинах в Господнем войске?

Как только с Богом человек соединился, его охватывает счастье и следует за ним повсюду.

И если отдаляется от Бога он хоть на одну ступень, бессилие его объемлет.

И ниже ниспадая, испытывает он утрату, напряжение, страдания страх и гнев. Так люди свою участь выявляют: потом Господь берет их в состоянии, в котором они сами оказались.

Сказал ему Он и нисколько не ошибся: *Он волю полагает Сам для тех, которые Его боятся. Он волю полагает Сам для тех, кто Его ищет и пред Ним благоговеет.*

Молитва человека и любовь сильнее людской судьбины. Исполнитесь же упования, души миролюбья; исполнитесь отваги, поднимитесь над делом рока, в господство устремитесь радости и наслажденья.

Предел необходимости уж слишком суров и строг для человеческой души; предел же, над которым рок еще не властен, является господством, что соответствует пространству и свободе людского существа.

Предел же, над которым рок не властен больше, есть завершение страха. И это никак не Бог, создавший сей предел ужасный; и Бога нет в пределе рока, хотя опять же Он его создал; Бог благодетелен и кроток в любой из точек безграничности Своей.

Поэты лживые, которые рок в сущность превратили своих богов мифических, тем самым вы одновременно умалили величье Бога Вседержителя, людское разуменье затуманив.

Судьба единственная Бога Нашего — всегда Предвечным быть, пронизывая всю полноту вселенскую Своей любовью.

170.

Муж, когда ты создаешь земную оболочку своего потомства, то связываешь человека с греховным человеком. Насколько возвращение такое горько для тебя и пусто!

Жена, когда на свет ты сына порождаешь, то связываешь человека с возрождения путем. Вот почему твои мучительные скорби сменяются затем отрадой самой чистой.

Путь возрождения, сопроводи же человека к дороге примирения иль духа, и упованием *истина* исполнится.

Дорога примирения иль духа, сопроводите человека к порогу убежища живого; и содрогнутся небеса от радости, узрев, как, вопреки пространству прегрешенья, исполнены уж числа реинтеграции и восстановления.

Муж, помещенный между греховным человеком и стезею возрожденья, будь отважным; ты плачешь, появляясь на свет, поскольку возрождение твое не в состоянии без искупленья совершиться. Однако твои грядущие рожденья исполнятся утешенья и наслажденья.

Ибо, когда достигнешь ты однажды дороги примиренья или духа, ничто не будет страшным для тебя. Ты обретишь лишь постоянное приумножение добродетелей, приемля их.

Поистине, обязан ты, суждёнью повинуюсь, со скорбью отделиться от мужа прегрешенья, которое от первородного позора.

И должен с восхищением соединиться ты со всеми этими путями, открытыми премудростью с началом счастья всех существ; и смерть сама способна станет поглотиться, исчезнув в безмерности отрады данной.

171.

В бессоннице я ночи проведу свои. Великая печаль меня заставит бдеть и помешает моим веждам познать хотя б одно мгновение покоя.

Вопль мальчиков еврейских меня лишит надолго сна: детей сих крики, которых видел неотступно удушаемыми я двумя египтянками, повитухами на службе Фараона.

Я стану размышлять подолгу над недугами души людской, уподобляясь больному, распростершись на своем одре, страданиями отсчитывая время.

Они нахлынут на нее как волны, которые покинут берег, чтоб напоить его мгновение спустя. Скорбь шепчет непрестанно в уши души моей; и ей она внимает как протяжным завываньям полуденных ветров.

И вы спокойны посреди всех этих нестроений! И если здесь вы не были потрясены, как скуке не объять вас в средоточии картин весьма однообразных?

И нужно ль северные ветры призывать и бури, чтоб пробудить от забытья вас? И не считайте вовсе это состоянье смерти за состояние отдохновенья, которое имеет место только в жизни, а жизнь в деяньях пребывает.

И намеренья мудрые с решеньями, которые приемлете, зачем же вам они, когда не воплощаете вы их, не пополняя ваши жертвоприношенья? Мгновение любое нашей жизни в малом способно репетицией явиться труда великого.

И всякий день я стану размышлять над этими словами. В общении взаимном — дух вне нас.

И в превосходствах разуменья — он над нами.

В сил наших исполнении — под нами он.

В сомнамбулизме — он далеко от нас.

Благодаря деянью, милосердию, молитве — он в нас и вокруг нас, и рядом с нами.

172.

Мы плотью не являлись примитивной, поскольку Слово плотью стало, чтобы избавить нас от плоти и от крови. Теперь мы — дух и плоть, ведь Слово воплотилось, чтоб сделаться подобным нам.

Поддерживать способен человека человек; но только Бог освобождает человека. Не Он ли его избавил из земли Египта и даровал ему закон затем?

В порабощении лишь о себе мечтает человек. В законе же духовном он может помышлять и о себе подобных, но действует для них он только на поверхности земной. Вот почему обетования и награды закона Моисеева, не представая плотскими, являются земными.

В законе милосердья способен человек трудиться на благо своих ближних во всех мирах; и потому его плоды столь сокровенны и незримы для чувственных людей. Закон же новый в бесконечность устремлен: он вне кривых путей, известен только простодушным людям он.

Вы скажете, что Новым Заветом Закон Ветхий упразднен. Конечно, особенно для тех, кто начинал бы исполнение его уничтоженьем всех народов Палестины.

Но как достигнуть вам произведений и трудов незримых, коль опыт вы не обрели в трудах земных и видимых?

Пока не помышляйте о грядущем вы законе, в котором деяния не будет впредь, а только радость обретется; ум человеческий не в состоянии сего воспринять.

И не о нем ли достаточно известно стало из брака в Кане Галилейской? — «... *а ты хорошее вино сберег доселе*» (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 2, стих 10).

Свет солнца нужен, чтоб открыть поля для глаз жнецов. Несите серп на горные вершины, а также на холмы, в смиренные долины.

К озерам следуйте, в болотистую местность: повсюду можно обрести хоть несколько колосьев. Нельзя терять никак их.

Священные работники Господни, пусть умножается стремнина милосердия, чтобы очистить больше грязные долины. Мои желания удвойте; их цель — приблизить к миру Царствие Господне и Его Имя.

Порою разверзается земля, чтобы пожрать людские прегрешенья; и ждет она, когда их беззаконья до ее чрева снизойдут, чтобы от них омыться, очистившись.

Сокроемся же быстро на земле и погрузимся в бездны. В сиянии от света утаимся, пускай наш глаз и недостойн созерцать его.

С Тобою воссоединюсь, и привяжусь к Тебе я вьющейся лианой. И в этом состоянии питаться стану прахом с пеплом, чтоб все начала моей жизни возродились.

Дождусь я так в печали покаянья, когда Господь меня коснется скипетром Своим и скажет мне, что некогда сказал Есфири: *«Вы милость предо Мною обрели»*.

И не прошел ли первый грешник сквозь испытанья все земные? И нужно ли, чтоб все его потомство чрез них же проходило в свой черед? Придите же, друзья, желающие мне помочь в моем труде; меня усильте в жертвоприношении моем: не покидайте вы меня, пока оно не совершится.

Слова живительные ваши меня поддержат, отвагу даровав узреть смиренно правосудия клинок, который занесен над головой моею. Они меня исполнят упованием и мне покажут раньше время утешений.

Во время оное не говорите больше *«Во имя Господа»*, поскольку все окажемся в присутствии Его и с Его духом сообщением сокровенным мы пользоваться станем.

Во время оное не говорите больше *«Во имя Господа»*, поскольку пора труда пройдет, и прикоснемся мы к источнику, откуда святое имя возжаждало родиться, чтоб пропитанием служить потомству человеков.

Трудиться буду неустанно, все главные начала, образовавшие меня, по мере по порядку расставляя, со всеми аналогиями их соединяя. Глаза возвел я в вышину, — свет поразил их, любовь и жизнь меня объяли.

И окружившие меня пребудут в содроганьях, увидев, как прекрасно я оборонен от их ударов; и трепетом охваченные станут в бессилии мне что-то причинить.

Господь, могли б они меня скончавшимся узреть, когда бы то полезным Твоему служению не представлялось?

Меня признали прашуры мои одним из их наследников. Святители меня представили перед Тобою. Ты даровал мне знак свидетельства возобновления нашего завета.

Вот этот знак. Ты Сам пил чашу искупленья, затем она Тобой мне предлагалась.

Я чашу принял из руки Господней, вкусив ее в присутствии Его, воздав почтение имени Святому. Потом ее пролил на головы несчастных, что в рабстве изнывают.

Разбиты будут их оковы, рабы со мной соединятся, чтобы восславить вместе красоту сего знамения их избавленья.

Рык с трепетом слышны ли, в утробе бездн произведенные сей чашей?

Излейте целые потоки на вулканы; и эти пылающие печи не умалятся вовсе, не поколеблются сугубой силой.

Таков итог завета с Богом человека: союз сей заставляет бездны трепетать со всеми неприятелями Божия закона.

175.

И знаешь ли, чему обязан ты, когда сам просишь, чтобы дух с тобою пребывал? Обязан воскресенью Слова ты, Его защите.

Обязан ты, по выражению пророков, как и они, стать попечителем *о крови бедных душ*. И значит выясни, какой дорогой ты спешишь, чтобы вступить на Слова путь.

Дорога всякая имеет итог и завершение.

Захочешь ли туда прийти посредством проявлений, ты сможешь проявленья эти обрести. Захочешь ли там оказаться благодаря виденьям и сомнамбулическим эффектам, получишь ты виденья и подобные эффекты.

Захочешь ли туда прийти через обычную мораль и мистицизм, служить ты будешь мистицизму и морали.

И пусть твои успехи больше не вводят в заблуждение тебя; не мни их показательством того, что истины достиг ты; читай закон свой во Второзаконии 13: 1, 2, 3, 4.

Душа моя, прострись пред Богом; себя очисти в этом положении смиренном. И узы разорви своей одежды ветхой.

Пусть она низвергнется. Сияющее платье облачит тебя, и обновись ты в крещении Господнем.

И пусть душа в труде раскроет все смыслы сущности своей, чтоб жизнь ее смогла пронизать без остатка.

Подумает она о нравственных терзаниях иль рассуждениях неблагоразумных? Глад пожирающий восхитит душу; и гладом к истине она теснима будет и нищею духа.

Обрушься на свою добычу, ее свяжи со всем неистовством твоим. Помысли же о том, как уплотнились времена. Уж не имеем срока мы скитаться сорок лет в пустыне и сорок дней идти, чтобы достичь горы Хорив.

Подобен Человеческому Сыну, как молния, перенесенным будешь ты с востока и на запад. Дух ловкость даст тебе, — мгновенно сразу ты присутствующим станешь в пределах всяких.

Пусть пастырь поспешит обнять свою овцу, пусть держит крепко он ее в руках, чтобы она его не избегала больше! От Господа десятирицею есть человек. Пусть солнце поспешит впитать росу, ее очистив от загрязнений всех, приобретенных на земле!

Растению могучему подобно, человек был должен пускать побеги многие. Он должен был пронизать собою все поры материи своей, не оставляя в ней и малой части, которую бы он не растворил.

Однако она сопротивляется, сплотившись, чтобы ему закрыть проход и задушить его в своей темнице. Иллюзия, ты будешь покоренной, и человек вновь силы воскресит свои. Распространятся ветви: взойдут они ведь на твоих руинах. Воды взыщите той, которая заставит прорасти растения, но семя изначально изберите.

Как *два* предстало бы единым корнем? Число сие не производит даже одну фигуру. Здесь ваше беззаконное ученье, сторонники науки преходящей, в которой все смешали вы. Желали бы вы всё создать посредством агрегатов, все вплоть до цифр.

Отображают числа существа, которые воспроизводятся, растениям подобно, но не субстанции, соединяемые как агрегаты. Все наши числа закону противодействия подвластны, благодаря чему по своей силе возрастают, и вы не сможете найти прекрасней их господства активного, отличного от всех существ.

Увы! Среди сих корней имеются и ядовитые побеги, что возрастают в своих силах. Случается, что их произведенья напоминают создания корней чистейших; но изучите элементы их, и обнаружите вы там скорее омерзенье.

К себе почтением проникнись, человек. Из разных истинных корней ты — наивысший после Бога. И потому он чаял от тебя дерев плодоносящих и могучих.

А ты с растительностью низшею смешался, чудовищной и вредоносной; Его любовь тебя еще взыскует среди болотных тростников!

И кто ударит во врата святые? Желанья, умиротворенья человек. Но разве этот человек покоя и желанья уж одолел своих врагов?

Как Назорея, его я отделил от наций; но почему же захотел он слиться с ними, смешавшись с необрезанными? И самые премудрые из них задумали его свернуть с пути, хотя необходимо было ему внушить отвагу, чтоб следовал своей дорогой он.

И разве доверье тихое неискаженное в сиянии и радостях Господних не чудно целиком высокомерью? Бессильные и легкомысленные люди,

несчастливы слишком вы, коль отрицаете, что есть для человеческой души причина благородней и прекрасней, чем двигатель ее гордыни!

Аллегорические образные вещи и символические установления, не поражают вы долго нас. Вы словно тайны, которые не изучают больше, с тех пор как в них открылось слово.

Предметы истинные, зрелища благие, мы вами не пресыщены ничуть. Вы — те, что нас питаете всегда, нас не используя нисколько; хотя иные не питают нас, но обескровливают постоянно.

Господь, без Твоего животворящего закона познали мы бы только Божью тень, которая бы формой обладала, но не имела бы цветов.

Ведь если оболочка не поднялась бы ввысь от места своего восставления, орлы бы не оставили то место, чтоб следовать за ней; земля очищенной уже бы не являлась.

Господь, но без Тебя бы как дошли все эти истины простые до человеческого сердца? Смятенье мыслей человека слишком свою колеблет атмосферу; и потому Тебя услышать можно только в отдохновении.

Так снизойди за ним в покои тишины, в молчание ночное. Его Ты призови, как некогда призвал Ты Самуила. Овладевай же кротко чувствами его, пусть даже его свойства могли бы сопротивляться близости Твоей.

Преобразуй его Ты в человека мира и желанья, чтобы затем Ты смог открыть ему врата святые.

178.

Ведь то, что дал Ему Отец превыше всех вещей; однако явился Он, чтоб поделиться с нами этими дарами.

И кровь твоя пускай никак не вздыт к голове твоей! Хранитель Ангел вкусить тебя заставит всю живость детства. Он действовать тебя обяжет с беспомощностью детских лет, поскольку ты так сохранишь всю чистоту свою.

Препояши же средоточья сердца своего; стяни их узами, и враг не сможет посягнуть на твой удел. Нет совершенней ничего, чем смерть удерживать и сеять жизнь. *Не через то ли Отец прославлен в Сыне был?*

Одной рукой Он супостатов в бездны опрокинул, другой — Свой свет сияющим создал. Кто в силах не признать здесь наше изначальное происхождение? Не стоит смерть нам возвышать вне бездны.

Не стоит нам входить в мир всякой мысли, покуда не созрела, не очистилась она, когда мы не желаем, чтоб она несла опустошенье, собою охватив плоть, мудрость и покой.

«Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым» (Первое Послание к Тимофею Святого Апостола Павла, Глава 5, стих 22).

Довольно ль этого, ленивый и расслабленный работник, усилие над собою сотворив, зло прочь изгнать из внутреннего «я»?

Лукавый, коего ты изгоняешь, прибежище находит подле кого-нибудь из твоих ближних, и в будущем, возможно, увеличит свое смутенное влияние и свою работу.

Врага преследуй до тех пор, пока его не ниспровергнешь в мрачные жилища, и коль удачлив будешь этого достигнуть, к себе подобным поспеши избавить их от недругов жестоких.

Не бойся к этому прийти довольно поздно, ведь все должны исполнить то же самое задание, и что усердие твое за час способно совершить, на это целый день уйдет у тружеников обыкновенных.

179.

Доколе мое слово будет находиться в бесплодности пустыне? Доколе сила заблуждения его не пустит к истине? Несчастный человек, ты платишь за последствия греха вдвойне. Ты утвердил себя в законе заблуждения, и ложь нависла игом над тобой.

И все же, человеческому слову должно возрастать, как кедром с гор Ливана. Однако с трудом его возможно уподобить и почкам на кустарнике убогом, когда они лишь начинают зарождаться.

И разве нужно прятать правду от людей? Любовь и обновление духа стремятся в свете стрел Господних, в сверкании его копья.

Они падут в своем метании, обрушившись один на одного при виде человека, а также слова, что их преследует.

Но человека возрожденного они не вынесут присутствия, поскольку жизнь сама в нем обитает, и элементы не довлеют больше над мыслию его. *«Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии»* (От Луки Святое Благовествование, Глава 9, стих 5).

180.

Художества верховное искусство, познали цель твою ль возвышенные дарованья, которые тебя практиковали? И подлинная живопись, не есть ли истины труд чувственный?

Все наши мысли под видом образа приходят к нам; и если мы внимательно рассмотрим их, то каждый образ нам покажется живым, всегда согласным с мыслью, которую он представляет.

Но какова же цель твоя, людская живопись? Используешь ты только идеи из воспоминаний. Увы, ты слишком в красках ограничена своих.

И горе вам, коль пожелали в красках мне изобразить предметы не от мира естества! И как не быть вам далеко от вашей цели? Князь живописцев Рафаэль, ты захотел нам написать Преображение!

Читал ли ты, что Он *«... преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как снег»* (От Матфея Святое Благовествование, Глава 17, стих 2). И разве могла б сравниться с этой белизной любая волна на земле?

О, если бы ты зрел событие сие! И если бы, как новый Моисей, ты видел план дарохранительницы новой, то, как бы ты воспринял повеленье ее представить перед нашими глазами?

Нашел бы средства ты, которых тебе недоставало; картина получилась бы верней намного, ведь разве не должна она нам отражать виденья место?

Отображайте реже, нежели возможно, религиозные черты, подробности истории святой. Учитывая слабое воздействие, которое способно оказать картина, дух человеческий готов был слишком часто их с мифологией смешать.

Поэзия с художеством и музыкой тремя сестрами предстают, которые должны неразделёнными являться. Сие три высших дарованья, что древность нам передает под именами Граций трех.

Поэзии необходимо об истинах вещать, а музыке — раскрыть происхождение их, и живописи — их осуществить. Поэзия является числом, а мерой — музыка, и весом — живопись.

Единым принципом направлены должны быть все три искусства, дабы порождать произведенья сущие живые, что обладали бы господством над сущностью людей.

Припомним, как изображалась нам премудрость: *«Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее»* (Книга Премудрости Соломона, Глава 7, стих 25). Пусть будет все сотворено по образу ее, вещь каждая исходит от одного начала! Тогда искусства все исполнятся их цели, и нас не будут больше иллюзией питать.

181.

Вся полнота в трудах Господних, пускай она пребудет и в произведениях наших, коль мы желаем на Его стези вступить.

Святые патриархи, когда соединитесь вы с народом вашим? Тогда бы мера ваших дел исполнилась.

Имеем ли мгновенье, предназначенное нам; должны ли сделать произвольное движенье? Лестница Иакова, вошла ты в человека; ты сделала все члены ловкими его, живыми, чтоб всегда готов был к битве он.

Почувствовал он, как внутри него храм поднимается Господень, и представляется алтарь средь храма. И Свою славу Бог воздвиг на этом алтаре;

на запад силу поместил; Он взял в помощники Себе любовь и разумение; и на Его челе писалась *святость*.

Где пустота?

Они все подле нас, чтоб нам содействовать в труде Господнем. Авраам, Исаак и Иаков, предстанете вы для меня как во вселенной Божия пшеница.

Ты ужаснешь врагов Господних, Моисей.

Аарон, пребудешь ты при жертвоприношениях.

Иисус Навин, ты мне проводником послужишь, чтобы вступить в землю обетования и защитить меня от ухищрений моих врагов.

Ты, Самуил, откроешь мне пути невидимых пределов и обителей покоя.

Научишь ты меня, Давид, хваленья воспевать Господни и славить чуда Его.

Креститель Иоанн, ты мне откроешь истины купель.

Святые избранные Бога Моего, предвечный иерей все ваши силы увенчает; Он оживит дела все ваши и моих рук труды, и все тогда пребудет в полноте.

182.

Ты спрашиваешь, почему ослабевает вкус; да потому что человек черпать его желает только своими средствами, не видя в нем *начала*. «Соль — добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее? ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее» (От Луки Святое Благовествование, Глава 14, стих 34, 35).

Пусть вкус никак не добродетель, но когда он добрый, то может ей сопутствовать. Пусть вкус никак не свет, но в нем он предстает и облачением, и формой.

И если рассудок хладный его не знает вовсе, и если живое разумение порою восхищается, его заметив, то дух его творит, чертою всякой порождая, неся с собой его повсюду, поскольку дух одновременно обладает и даром прикасаться, и даром убеждать.

Сии изящные дары отнюдь не измышленье.

Когда вы вызвали живое впечатление в душе своих читателей, вы мните, будто все уж сделано для них. Но есть ли средства, чтобы вызвать некий смех и у больного? Не кажется ли вам, что этим можно исцелить его?

Кто это будет отрицать? Когда писателям недостает успеха, то значит, недостает не средств им, а сюжетов.

И почему философы прочь выбросили материалы все? И почему они уничтожали человека с принципом его?

И вы, adeпты точных знаний, зачем желаете увидеть квадратуру без центра или числа? И может ли в фигуре квадратура находиться? *Два* в *трех* присутствует, как *пять* в *шести* и *семь* в *девятке*.

Воспринимайте мысли и не ищите их, когда хотите вырастить на человеке ветхом, привив его, обновленного человека. Однако ветви человека ветхого так поднимаются и затевают человека обновления, что он не достигает предела своего развития.

183.

Большой бы самый из даров небесных мог заключаться в нахождении рядом с нами зоркой стражи, какая бы напоминала непрестанно нам о том, что существует живых обитель.

Пусть человеческое сердце исследует свои действительные нужды и более не усомнится в том, что там не оказалось жемчужины евангельской.

Порой нам кажется, как будто мы продали свое все состоянье, однако мы его лишь заложили, готовые его вернуть при первом случае удобном.

Итак, позволим нашим чувствам только то, что мы желали бы увидеть для нашего ума. Позволим своему уму лишь то, что мы желали бы узреть для сердца нашего. Позволим сердцу своему лишь то, что мы желали бы увидеть в Боге.

Посредством этого все наше существо пребудет равномерным, в покое пребывая, который Павел почитал превыше всякого рассудка, хотя его не исключал: *я Богу помолюсь с любовью, а также с разумением.*

Премудрые, мечтали бы вы научить людей, им ничего не говоря, воздействуя довольно кротко на человеческую душу.

Благодаря чему растения спасенья произвели бы сами по себе плоды своей чувствительной природы. Но опасаетесь переступить вы сами чрез себя.

Приверженцы тщеславия, вы спрашиваете, почему вам не дается истина. Да потому, что создана она для всех.

Даешь ли милостыню ты тому, кто в силах сам трудиться? Сие бы означало поддержку лениости его, ведь человек приговорен есть хлеб свой в поте своего лица.

184.

Адепты Сведенборга, желаете узреть вы во всех фрагментах Писания Святого три смысла разные. Хотя заметьте, что учитель ваш всегда там видел только два значения, *истинное* и *благое*, их применяя к трем разрядам: природному, духовному с небесным.

И вовсе не было того, к чему бы он ни применил один из смыслов этих двух, пусть в них и не дает он никогда обоснованье духу. Имеются ли образы, которые даются лишь для разряда одного? Желать нести их дальше значит преодолеть их отношения.

И относительно людей Бог не проявлен ли в объектах трех, когда Он исцеляет, просвещает и освящает смертных? Воздействует ли сразу этими вещами на человека всякого, или постепенно влияет ими на него Он?

Одно растение способно служить лекарством для больного, предметом наставления для химика являться и украшением быть садов у нас. Когда оно использовано уж в одном из этих видов, то может ли одновременно пребывать в иных двух?

Не здесь ли кроется единое начало естества, которое растение это образует в вышестоящих случаях подобным образом, как и любовь всегда с божественным началом, что действуют в трех степенях, где человек является объектом божественного деланья?

Идея шведа необыкновенна и его сердце возвышает, хотя и побуждает к страданию утонченные умы.

В его произведениях тысяча свидетельств того, как был он часто и великолепно дарованьем озарен! И тысяча свидетельств того, что часто и ужасно ошибался он! И тысяча свидетельств, что видел он лишь середину своего произведения, его не зная ни начала, ни конца!

Свидетельства ничтожны для профана, который о них вовсе не подозревает. Готов он верить непрестанно всему, в чем нечто истинное есть. Готов отвергнуть все, в чем нечто ложное найдется.

Однако каковы свидетельства у Сведенборга? За доказательство он полагает только свои виденья и Священное Писание. И каково доверие свидетельствам двум этим у человека, что заранее не обладает здравым разуменьем?

Вы подтвержденьем факты докажете. А принцип — логикой и рассужденьем. И никогда не говорите человеку *«верь нам»*, но *«верь в себя» ему скажите, «в величье сущности своей, которая дает вам право и чаять все и проверять, когда не прекратите вы просить об этом Того, Кто все дарует»*.

Твои писания, о, знаменитый и достойный человек, большое благо могут сослужить, полезно потрясая человека в дремоте летаргической его.

И если Сведенборг нам не дает устройства точные духовного предела, то уж, по крайней мере, побуждают мыслить, что существует этот мир! И в том — оказанная служба шведом средь бездн, куда его системы увлекли.

185.

И отчего нас может молитва утомить? И разве зло уж прекратило действие свое и не стремится больше власть распространить свою? И неужели вода потока прекращает угрожать челну, когда ему не в силах равновесье сохранить?

Напильником, прекрасно закаленным, молитва праведного есть, которого предназначенье беззаконий ржавчину сточить, покрывшую

и мироздание, и человека; ведь ржавчина сия способна стать активной и живой, червям уподобляясь, что в нашей плоти возникают, затем ее уничтожая!

Утраченными будут все моменты, коль не к обители святой стремится человек; ему в зачет пойдут лишь те из них, когда участвовал в Господнем деле он.

Все праведники, все избранные пребудут залогом мира, и необходимо, чтобы они исполнили бы миссию свою, которую сам свет свершить не сможет.

И нужно, словно в древних обрядах погребальных, чтоб их слезами наполнилась бы чаша скорби до краев, ведь человечеству она дана для искупленья первородного греха.

Когда исполнится сосуд, его возьмет святитель высший в Свои руки и предоставит в жертвоприношение Своему Отцу; затем пролетит его Он на людское *царство*, и будет жизнь дана нам.

Отец сей жертвы не отринет, поскольку слезы Исккупителя пребывают в священной чаше; они — Его любви и скорби влага, которая животворить способна пророков пролитые слезы, а также слезы, что прольются от имени Его до окончания времен.

Однако не напитают никогда собою эти слезы беззаконий царства! Они отвергнуты им будут, или иссохнут прежде, нежели его обрящут: столь далеко оно от царствия любви!

186.

О, человек, не ты ли во вселенной утвержден, как в средоточии спасительного утешенья? Все трудится премудро во исцеление твое, своим развитием являя различные ступени, по которым пройти обязан ты.

Бальзам утешенья, что применим к твоим печалям, составлен из листвьев древа жизни. И коль ты пользуешься соком корневым его, то свою силу поддержать не сможешь.

Необходимо прежде, чтобы вкусил бы ты плоды от древа жизни. И только через это достигнешь состоянья человека зрелого; глаза твои настолько укрепятся, что в одночасье будут созерцать и торжество Иерусалима, и сокрушение твоих врагов лукавых.

Первоначальная пора существования, но не была ль она наполнена прискорбным облегченьем печалей первородного греха?

Своим Явленьем Первым Исккупитель род человеческий ввел в состояние выздоровленья.

В Свое Пришествие Второе Он восстановит человека в состоянии совершенного здоровья; и человек тогда познает полноту путей любви.

Познает он, как вещи все от самого начала сотворились: они пройдут и распадутся на его глазах.

Но почему он прежде этого знать не сумел? И не рожден ли он для действия с борьбою? И созерцанье не предназначалось разве для времени отдохновения?

И кто же, Господи, есть человек, и для чего его Ты допускаешь к познанию законов мудрости Твоей?

187.

Как можно сомневаться, что необходимо отречься целиком от міра этого, чтоб к истинам прийти определенным? Ученые мужи, сего вы всякий день являете нам подтверждение.

На чем *осну*ет доказательства свои наиточнейшая наука ваша? На линиях с поверхностями. Имеются ли вещи там, которые природа порождает, и разве она всегда тела не производит?

Обречены вы извлекать из этих тел все элементы главные, что образуют их; но исходя из данных наблюдений только, способен наставлять нас геометр.

И если бы не совлеклась материя однажды, то разве истина предвечная могла б известной сделаться когда-то?

Со времени, когда мы потеряли меру духа, его число и вес суть вес, число, физическая мера порядка низшего, который нами правит, и мы в нем обязуемся служить. И если нам продается хлеб сегодня с *пропитаньем* нашим, то некогда они нам с изобилием раздавались.

И значит, как обрести нам вес, число и меру, которые являлись прежде частями подлинными нашего ума, коль не избавимся от меры, веса и числа поработивших нас подложных элементов?

Великая задача. Имеет ли лукавый силу породить болезни даже, чтоб торжество и славу обрести леченья их благодаря наукам, которыми ему предоставляем брать над природой верх?

Имеет ли он силу подготовить и предсказать события, которыми располагает, чтоб славу получить, ведя их к завершенью, и соблазнять нас правом претворенья их?

Однако благоразумные и праведные люди раскроют наущения врага, его поклонников разоблачив, чтоб их препроводить к подножью истинного алтаря.

188.

Бог мір создал, как образ Своей силы и Своего величья. Его же переходящие творенья никак не обладают совершенством нравственным, поскольку тогда Ему бы бесполезно было их создавать.

И все же, они приходят к идее нравственного совершенства благодаря их принципу, а цель их — разуместь, что все прекрасное исходит от Сущности Первоначальной.

И непрестанно Господь спешит к творениям Своим, чтоб оживлять существование и красоту. Присутствует меж ними Он, подобно царям благим в державе их, повсюду оставляя знаки Своего благоденья и Своей любви.

Желает Бог нам непрерывно нравственную красоту открыть, ведь Он является ее источником единым; Он жаждет, чтобы ею без остатка прониклись бы сердца людские.

О Господе слова премудрости и красоты, и правосудия, и разуменья слиты воедино, как будто бы поглощены в единстве Его любви; они все ощутимы, но неразличимы.

И для существ, которые при Боге, слова проникновенья, размышления, сравненья, активности растворены и слиты во блаженстве: они используют дары все эти, не различая их черты.

Божественные свойства, вы имена берете, деяньям повинуюсь, каковыми распоряжается Господь, согласно существам, на кои воздействовать Он должен; священные писатели, располагая только степенями ваших операций, способны, особо не тревожа, мне показать все в Боге, вплоть до наших органов и до недугов наших.

Итак, насколько удаляемся от нашего единства с Богом, настолько вынуждены мы искать другие имена и новые слова для выражения разнообразных состояний, в которых пребываем, и совершенства представлять себе, которых больше не имеем пред очами.

Вот почему все наши языки и даже язык существ духовных будут переходящи; останется один божественный язык; составлен он из двух лишь слов — Блаженство и Любовь, которых достаточно вполне, чтоб в вечно-стях любых беседы не могли прерваться.

189.

Подвергнуты ль фундаменты и основания здания, как здание само, влияниям смятенным атмосферы и нестроеньям всяким ветров и бурь? И чувства могут ли достичь сознания внутреннего человека?

К несчастью, в состоянии нашем чувства легко передаются внутреннему человеку.

Воздействие они имеют, его чувствительности уподобляясь; с чувствительностью этою соединившись, они влекут к себе и человеческие мысли.

Откройте же пределы жизни, куда душа воссесть стремится за трапезой священной; души происхожденья слава влечет ее в обитель света.

Народы чуждые храм уничтожили Господень; они сосуды дорогие захватили, служившие для жертвоприношений, и посреди самой храмины

они устроили пожар, и стены сокрушили; однако храмовые основания еще находятся в земле, и сохранились планы святилища сего.

190.

Заметно ль множество писателей и книг, которые способны усомниться от недостатка слова?

Казалось бы, язык древнееврейский возник не для письма. Отдельные из слов его столь схожи меж собою, что могут различаться только по произношению.

И было б верным то, что записав утраченное языками, они бы действительность вновь обрели свою? Не существуют ли различные произношения, которые способны до бесконечности варьировать словесные значения, тогда как в написании сей смысл всегда один и тот же?

Но нужно ль дальше углубляться? Смысл письменами отражался и изображался, лишь искаженьям повинуюсь. В иных эпохах разумелся он по действию и в разговоре.

Господь поведал устно Моисею Свое Имя и заповедал на горе Синайской повеления Свои. Скрижали с начертаньями давались для народа, который и словес не мог уразуметь.

Следите далее за тем, что происходит вокруг вас.

Вы говорите прежде детям, чем заставляете писать их, и прежде, чем писать на их глазах.

Так изначально подлинный язык обязан говорить перед тем, как письменным предстать; он будет сказан, что потом в письме не отразится, ведь разумение любое пребывает в слове.

И понимание языка святого низводите к числу вы, Масореты, которого вам абрис показался, или которое вы сами сочинили. И как возможно непрестанно располагать числом безмерным для разумения смыслов новых?

Подобным образом необходимо было б обращаться с искусственной словесностью и произвольной. Для языка духовного потребно духу оставлять заботу о развитии его по усмотрению разумения духа.

Ужель по книгам, при помощи соображения людского апостол Павел достигал вещей невыразимых; апостолы же удостаивались говоренья на всяком из наречий во вселенной?

191.

О, человек, животные и те не обладают никаким сомненьем о сущности своей и о своем законе. Из них любое защищает свое существование

и свой особенный характер, вплоть до полнейшего уничтоженья, поскольку животное исполнено деянием, себе присущим.

И ты, подобно им, имеешь деянье жизненное, благодаря которому ты мог бы, по их примеру, защищать реальность сущности своей; и ты имеешь более троих свидетелей в своем распоряжении, чтоб чувство своего существования поддержать, когда твое воинственное действо в отдохновеньях пребывает.

Являются свидетелем разумным числа.

И музыка есть чувственный свидетель.

А геометрия свидетелем материальным предстает.

Последняя тебе к любому исправлению послужит, а числа все удостоверяет, и музыка собою оживотворит.

Отказано животной твари в этих средствах, все доводы которой в физическом телесном действии; однако животное тебя неколебимей и верней в своем законе.

Разнясь с тобой, оно свое господство не переместило: земные обладания его нисколько не пленяют, в отличие от человека, подложной внешностью; поэтому лукавый своею властью намного меньше может оказывать влияние на него.

Но выше ты его благодаря сопротивлению лукавого господству и власти сокрушительной его.

192.

Какими средствами располагают нас поражать природные явления, которые поэзия передавать способна? Они в правдивых характерных описаниях, особенно же — в нравственных уподобленьях их.

И разве без этого бы смог существовать язык богов?

Священные писатели зывают ко всем произведениям премудрости, чтобы исполнить обязанность возвышенную эту. Стремнины, горы, животных и деревья они упорно привлекают для воспевания Господней славы.

Вот потому-то лирика с божественной поэзией столь сильное в нас впечатление творят.

Что ты собой являешь, простая описательная муза? К финалу ты ведешь нас только через промежуток; поэзия иная нас направляет прямо в средоточье возвышенных предвечных отношений, где свет и истина.

Изобрази же мне, как Иов, молний глас и силу Бегемота, который есть истоком путей Господних.

Изобрази же мне, как Аввакум, камня, вопиющего от средостенья, и отвечающие бревна им: *«горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!»* (Книга Пророка Аввакума, Глава 2, стих 12).

Изобрази же мне, как Моисей, потоки, прекращающие течения свои по его гласу, и с ночью день, послушные его реченью, и само небо, помогающее замыслам его, производящее по усмотрению его и жизнь, и смерть, мир или ужас, свет или тьму.

Изобрази мне Богочеловека, оставившего собственную славу, чтоб нас от низости возвысить. Изобрази Его, исшедшего из круга верных собственных овец, чтобы взыскать заблудшую овцу и, водрузив ее к Себе на плечи, в овчарню принести Свою.

Тогда ты предваришь меня в картинах этих, поскольку цель их и предмет — душа людская, поскольку сама моя душа из области произошла, которой и принадлежит наречье это: душа сотворена, чтоб раз-
уметь его.

193.

Мой дух воспринял разумеющее утешенье, объял он отношения слова к гармонии и звуку. Иль не подобны все они числу? Имеют ли отличие они иное, ужели только разницу в своих законах?

Звук образуется в углах; гармония — связь средоточия с углами; и слово действует из центра самого.

Ведь слово плодом предстает и средством жизни; отсюда человек — носитель жизни; вот почему Пришедший свыше путем являлся, истиной и жизнью.

В Нем — кватернер божественный, который есть агент универсальный всех чудес: он изменяется, он формы обретает, чтобы наполнить все пустоты; однако сохраняет он всегда бессмертный свой характер.

Людское слово, ты не должно никак безмолвия узнать. И не свела ли слова Своего Верховная Любовь до твоего числа, чтобы тебе не потеряться, чтобы гармония не прерывалась.

Жизнь воспоем и слово, и славой воздадим мы слову человека. Оно достойным было, дабы Божественное Слово явилось заменить его.

Познает кто священное число Божественного Слова? Оно превыше всякого рожденья.

Оно распространилось для творения вселенной; Оно распространилось для воскресенья человеческого слова. И возвышаясь к своему единству, Оно восхитит и его к Себе.

Они еще в сомненьях пребывали, что это Слово Божеством Самим являлось! Берется ими ли за основание человек и числа с естеством?

И человек по смежности своей?

А числа из-за их перемещений?

И естество, поскольку он его повсюду засекает?

194.

Располагаешь ли достаточным в своей молитве постоянством, чтобы почувствовать, что есть Господня воля? Ты вскоре испытываешь, насколько больше человек *любим*, чем *ненавидим*.

Почувствуешь, как твое тело облачится в кроткое тепло, которое ему до дней последних обеспечит ловкость и здоровье.

Почувствуешь, как разуменье развивается твое, взор унося на поразительные расстояния, что ты охвачен будешь восхищением за Созидателя чудес подобных.

Ты сердце ощутишь свое для радостей стремительных отверстым; оно способно разорваться, когда они продлятся слишком долго. Счастливые плоды, которые произойдут от сих божественных эмоций, тебя всецело оживотворив, тебе дадут возможность оживлять себе подобных.

Однако, насколько действенно молитва эта способна исходить от нас? Не должно ли ей быть внушенной нам? Так позаботимся о том, чтоб тщательно внимать ей и повторять ее дословно, без изъяна.

Кто даст нам быть как будто бы ребенком по отношению к голосу, который нам ее диктует?

И в нежном возрасте своем дитя молиться заставляют; ему внушают все слова, которые он только повторяет. И разом научают его частям молитвословий этих добровольных, свободных и могучих, какие его самим собой созиждут, когда избавится он от невежества и заиканья детства своего.

Правдивый кроткий образ того, что мы должны запечатлеть совместно с ангелом-хранителем своим, который никогда не покидает нас.

И такова задача, им исполняемая непрестанно подле нас, его, нас учающего элементам возвышенных молитв, что сотворим однажды мы, когда отделимся от нашей брэнной оболочки.

Блаженны мы, коль наши развлечения не помешали нам довольно часто ангелу-хранителю внимать.

195.

Во рву глубоком оказались мы; и человек отзывчивый один в него спустился, чтоб вызволить оттуда нас. Однако, что же люди всякий день творят по отношению к Тому, Кто жертвой Себя сделал, освобождая смертных от грехов и пагуб их?

Вместо того, чтобы к Нему усердно прилепиться — вознесшись Сам, Он увлечет с Собою их — они свое все время дорогое посвящают расследованию, откуда Он грядет, Кто есть Он, имеет ли Он право прийти им служить предложить.

Грех первородный, как отрицать тебя, когда весьма заметно, что продолжаешься ты непрерывно и в видах всевозможных? Господь Сам возвестил в Писании Священном: *«Призовите Меня, призовите Меня, и Я внемлю Вам»*.

И пусть довольно кротко условие, нам заповеданное, не только мы не призываем Того, Кто в силах нам помочь, но мы же Им пренебрегаем и в миг, когда грядет Сам по Себе Он, не дожидаясь вопрошания людского.

И если нечто способно твоей мыслью пропитаться, несчастный смертный, так это Бога Твоего бескрайнее терпенье. Непостижимее оно тысячекратно могущества Его.

Оно в Его любви присуще пребывает; и коль смогли бы мы познать безмерность этой отеческой любви, то не осталось ничего бы в Боге для нас сокрытого.

196.

Поднялся я перед рассветом, чтоб принести Предвечному обетования свои. Я выбрал этот час, ведь люди сном объаты и, кажется, погребены в нем, как в могиле, чтоб мыслию своей восстать оттуда.

Прекрасно это время для молитвы и единенья с истиной. И воздух еще совсем не заражён ни суетными словесами человеков, ни их ничтожными или порочными делами.

Ужели, смертные, безмолвью вашей мысли вторя, природа может обрести покой свой?

Но почему, Господь Всевышний, Ты слишком долго оставляешь на земле того, кто пред Тобой благоговеет, Тебя взыскаю, душа которого вкусила жизнь Твою?

К Тебе вздымаю я руками, и кажется, как будто ко мне протягиваешь Ты Свою десницу, как будто мое сердце наполняется Твоим огнем, как будто все, что в существе моем вершит с Тобою лишь одно.

В Твоем я духе достигаю священных всех пределов, в которых Твоей премудрости и Твоего могущества труды исходят в ослепительном сиянии и торжеством переполняют душу.

Увы, вот неожиданно встречаю я восход, что, дымкой огненной украсив горизонт, вещает миру о сосуде света. Грядет светило солнца пробудить, оцепененьем скованное естество; оно грядет, чтоб осветить мои телесные глаза, позволив наблюдать предметы, которые нас окружают.

Остановись и принеси мне благо сущее, коль не спешишь еще открыть глаза моего духа. Остановись, иначе — ты придешь закрыть их.

Стремишься ты мне только предложить картинки смертные красот бесмертных, что созерцала моя мысль. Стремишься ты скрыть от меня предвечное светило, которого ты есть лишь отблеск бледный и почти угасший.

Остановись же, ведь с тобою станут пробуждаться мысли человеков, безбожия честолюбивая отвага, а также беззаконий сочинители.

С тобою встанут власти мира, чтобы склонить народы под стальное иго, вместо того, чтоб их призвать к закону истины благовому. С тобою будут выделяться все миазмы, и наполнять зловоньем атмосферу.

197.

Последуем за Ним во всех путях, которые нам Он предначертать захочет. Избранникам Своим наметит Он стези, и образы представит для продвиженья человеческой семьи.

Они отделены от нас избранием своим, и по деянью своему они Ему принадлежат. Как мы о них судили? Когда-нибудь воззрят простые и несведущие люди на глубину и высоту колонн фундаментальных этих.

Но вы, о, неудачливые судьи того, что недостойны созерцать, сужденья ваши вы пожелаете предать забвенью. Вы пожелаете изгладить их слезами вашими, но ваши слезы не изгладят их.

Писанья ваши зло распространяют, и вы не в силах больше полагать порядок в них. Вам должно вопиять в слезах за зло, которое вы совершили, и зло, которое вы сотворить должны до исполнения столетий.

Кто будет в вящей силе, чтоб возродить в земле Египта бедствий новый бич, пусть сделает, чтоб сочинения не восстановленного человека вмиг черви источили бы, огонь пожрал бы их, или они бы обратились в прах.

И здесь своих писаний я не исключаю, хоть даже они не погрешали против духа: я тешу упованием себя, чтоб в них нашлось для духа место, когда он сам направит бедствие сие; и все же, желание мое, чтоб дух бы пребывал во всех вещах.

198.

Склонил Свой взгляд Господь к потомству человеков, увидев тех, которые Его взыскуют.

Каков есть человек, разбитый горем, стенающий над беззаконьями своими? Каков же этот человек смиренный и в нищете премудрости стоящий и вопрошающий у властных сущностей об облегчении своей нужды?

Увидел Я его от выси Своего престола, увидел Я его в печали удрученным, и взволновалось Мое сердце. Облекшись славою Своей, к нему Я снизошел.

Я руки возложил Свои на его сердце и чело. И он избавился от состоянья смерти своего; по его телу всюду разлилось тепло.

Он встал: «Благословенна будь в веках, премудрость всеблагая, которая пришла жизнь подарить мне! Дай мне обнять Тебя, устам моим дай прикоснуться к Твоей деснице, — они уж более не разлучаться с нею. *Куда гряду я? Имеешь ли глаголы вечной жизни Ты?»*

Господь ответил: «Я позабочусь Сам о том, кто меня ищет, любит, желает возлюбить меня. Я в сердце разожгу его огонь, подобный солнечному жару: все существо его преобразится сияющим свеченьем.

О, Божий человек, предназначение твое святое таково: пока не ощущает смертный кипящим свое сердце, как печь пылающую, в опасности несчастный — мертв он.

Я Бога призову; способно Его слово человеческое сердце обратить в живое солнце: Он говорит, и каждое из слов Его рождает много солнц, всегда готовых оживотворить людское сердце.

199.

Господь желает, чтоб Ему служили в духе, но Он желает также, чтобы в истине Ему служили. И где же те, кто ему служат, как Он того желает?

И разве умозрением, рассудочным проникновеньем, открытием научным, послужите вы Богу Своему? Вы этим возвыситься сумеете лишь над людьми, заставив вами восхищаться их; однако достигнете ли тем вы вашей меры подлинной?

Ведь человеческое сердце должно освящать, торжественно неся пред взором всех народов. От истины, любви оно произошло, а потому способно свое утраченное место обрести, взметнувшись только к истине, к любви.

Возобладает ли оно над разуменьем, которое могло бы ему верить, поскольку будет черпать само в источнике ума любого и от Создателя рассудка?

Раскройте, человеческие души; небесные господства просят вас лишь исполнять и наполняться вам для разуменья вашего служеньем Богу в истине и в духе; так станьте храбрыми, уподобляясь им.

Понадобилось только сорок дней для Искупителя, чтоб одолеть обманчивую внешность, чтоб развернуть все оболочки, которыми материя объемлет человека, поскольку собой она число закабаленья нашего являет.

200.

Я мыслю своей пребуду в рассуждениях о цели созидającego Бога и средствах, кои применяет Он, чтобы ее достичь. Простыми средства предстают, но цель является всегда великой и чудесной.

Взгляните на зерно, презренное на вид, взгляните на побег, узрите древо вы с плодами, которые на нем произрастают. Свои произведения,

смертные, сравните с трудами Господа. И рассмотрите сложность ваших средств с ничтожностью и мерзостью всех ваших результатов.

Вы поступаете подобно своему лукавому врагу. И у него неисчислимо средств, и непрестанно он активен против Бога, итоги действий же его всегда ничтожны, и станут впредь они такими.

Но какова же будет цель трудов вселенских Бога? Так знайте же: безмерность средств Его есть простота сама. Огромный океан небесный, природы целокупность, вселенные разумные, миры мне представляются обыкновенным средством в глазах державного Создателя существ.

И цель всех этих средств должна величайшей их безмерности являться, ведь в Существо, которое сама премудрость, цель непрестанно более великая, чем средства.

О, человек, в своем ничтожестве ты видишь завершение сумраков своих; издалека ты замечаешь безмерность радостей, что превосходят твои нужды и понимания твои.

Заблаговременно воспой же славу и силу Господа. Воспой великолепие Его чудес, и посмотри, какой венец великий ждет тебя, при виде поразительного средства, которое тебе дано, чтобы его достигнуть.

201.

Без ропота я вынесу всю тяжесть возрождения своего; скитаться скорбно я заставлю свои мысли, обетованья сердца на времени томительных стезях.

И пусть шаги запечатлеются мои в земле скорбей и по себе оставят долгие следы! Кровавые отметины сии страх грешнику внушат и смогут остановить в преступных замыслах его.

И все же, пусть они не отбирают упования у него!

Остерегает Бог меня поверить, что всякий раз, когда душа моя о Господе возопиет, Он не готов меня услышать и внимать мне!

Молитвы Божии, до мозга костей моих дойдите и, всяким членом овладев моим, меня своим влияньем кротким и животворящим окружите, как одеялом немощного человека, чтобы его предохранить от воздуха сквозного.

Воздайте милостью своей! Не прекращайте же своей заботы до той поры, пока не возвратится мне утраченная сила.

Мои глаза, пронзительность вы обретете, как и глаза орла. И мысль моя стреле уподобится, которой воин целится неспешно, без помех, чтобы нанести удар вернейший.

Во все моменты жизни человек нужду имеет в избавлении; но видел ли, вступая в свои бездны, вселенского Освободителя, который неустанно зрит повсюду?

Являться может Избавитель только Богом: без этого не смог бы Он жизнь передать мне, ведь если б не был от Него сам корень сущности моей, во мне соединяясь с Ним, то Сам никак не смог бы Он соединиться с моим корнем.

Душа людская, соединишь же с Тем, Кто в мир принес власть всякую субстанцию очистить; соединишь же с Тем, Кто, Богом будучи, признание нашел лишь у простых и малых и отрицаемым остался мудрецами.

Какую имеешь ты нужду, прося опоры частной у истины проводников? Иль не содержаться они все в истине единой? Они ли не вдохновлены ее влиянием вселенским?

Святая истина, поговори с людской душой; она поймет все языки и не низринется уж боле с ужасной тяжестью времен.

202.

И если являюсь я одной из твоих мыслей, дай мне во славу имени святого силу свое происхождение удостоверить.

И если бы я искажал по слабости своей в себе сокровища божественной природы; и если бы какие-нибудь ветви отпали бы от древа великого сего; то прикажи восстановиться им: они взойдут уже с величием вящим; но как тогда ты дашь им в первый раз рожденье?

Да, это ты, которая мешаешь, чтоб души уничтоженными были; да, это ты, что лечишь их, когда они друг друга ранят, и ты их воскресаешь, когда они друг друга убивают.

Да, это ты, что нечестивца в своих узах оставляешь, пока не обратится он к тебе, пока упорствует слыть недругом твоим.

О, сколько же людей в пути, об этом не подозревая! И сколько мнит о том, как будто бы в пути, хотя они уж очень от него удалены!

И значит, ожидайте в мире и безмолвии. В пещеру Илии вы удалитесь до поры, пока Господня слава не придет. Но кто из вас достойным будет созерцать ее?

Лишь человеку малому завещана она; и прежде, чем привлечь ее к себе, необходимо мысли человека в возвышенность былую облачиться. Ведь только в мысли человека Господня слава пребывает.

Господню славу возвещают также небеса, Давид нам говорил о ней в своей Псалтири; однако они ее лишь возвещают, а человеческая мысль о ней свидетельствует, ее доказывает и удостоверяет.

Однажды небеса, земля и мироздание прейдут и более не смогут Господню славу возвещать.

Когда наступит этот день, то человеческая мысль о ней свидетельствовать, доказывать ее и утверждать еще не перестанет на протяжении всей вечности времен.

Подумайте же, если б вы не покидали никогда своей благой и чистой мысли, когда она бы только приводила к животворящему и дельному итогу, то вы неощутимо бы восстановились в законе вашем, став представителями Бога на земле.

203.

И почему ты предаешься впечатленьям смешанным и низшим? И почему нисходишь на ступени бездны?

И в сумраке своем беспечны люди, и исступленья радости безумной еще овладевают ими!

И эти темные пределы хуже, чем моря возмущенные валы. Когда корабль падает, как в пропасть, не поднимается ли он затем на гребень волн?

Но здесь нет никакой альтернативы: зев пропастей всегда открыт, и в этих пропастях отверстых несчастный непрестанно чувствует себя лишь падающим и летящим вниз.

Безумец несчастливый, не являлись ли жилища эти прибежищем твоей порочной мысли? Не ты ль для высшей участи родился?

Неси же ввысь свой взор от этих бездн. Высокие пределы созерцай в господстве над твоею головой; объемли же все эти основания точки, которые рассеяны в безмерности ума и подлинных желаний человека.

Спасительных есть много веток, которые тебе дает премудрость в крушении твоём; к ним руку протяни; не уставай за них цепляться, пока не выступишь из бездны, пусть чистым воздухом уже не дышишь ты.

Но каковы вы, сложносоставные элементы? Вы предстаёте только губкою греховной. Когда же твое тело всей скверной пропитается твоей, то оставляет оно тебя. Оно уходит в землю, которая огромная купель; твоя душа, очистившись, возносится к пределу своего рожденья во всей умелости своей природы.

Каким прекрасным будет это будущее зрелище, когда все души, что не пали в испытании, поднимутся в обитель света! Вам видно ль мирозданье, погрузившимся в небытие и вмиг утратившим все формы всякой внешности своей?

Видны ль вам все очищенные духи, поднявшиеся в воздух, как пламя от огромного пожара, когда замечен лишь слепящий свет на месте истребленных оболочек, которых больше нет?

204.

Так обратись в себя, и если обретишь там доброго проводника, то ты, по крайней мере, огорчишься, найдя себя виновным в безумии любить сиюминутно иную вещь, чем истину.

Себе ты скажешь: когда преступным становился человек, божественное милосердие открывало сокровища любви; оно, нагруженное златом, спускалось в наше темное жилище для избавленья полоненных.

Вместо того, чтобы принять смиренно выкуп за себя и возвратиться мне к защите родины моей, я злато промотал, которое должно было меня из рабства выволить; я Бога обманул; похитил то, что мне давалось щедро; свою любовь я словно уничтожил.

И в этом столь растрогавшемся человеке слезы скорби слезами поглощаются раскаянья и угрызенья. У низшего разряда мудрых слезы скорби собою поглощают слезы раскаянья и угрызенья.

У проклятых же слезы исступленья не позволяют им в себе иные вызвать слезы.

Людей вы не судите за то, кто суть они; их судит Бог за то, кем быть они могли бы. Он видит в них зародыш корневой, который вдохновляет их и к истине приводит просто, когда б ее от них не отстраняли примеры ваши и слепое руководство.

Освобождаете вы также человека уплачивать скорбями вам его; но вы хотя бы не расплачивались с ним суровостью своей.

Господь Всевышний, когда я смог бы согрешить, как я бы удручался пред Тобою; да не бывать тому, поскольку Ты же существо, которое карает, и равно быть тому, ведь **ТЫ ЕСТЬ СУЩЕСТВО, КОТОРОЕ ПРОЩАЕТ.**

Когда я предавался злу, затем себя судил, тот, кто судилищем руководил и осуждал меня, мне показался столь похожим на мое истинное «я», что сам не смог бы между ними различия найти.

Когда желаю я, наоборот, добру предаться, божественное благо может столь идти ему навстречу, что кажется, как будто это был другой, отнюдь не я, что совершил минувшие ошибки.

Так отрабатывает человек, сближаясь с Сущностью, Которая прощает.

205.

Но как же нам узнать всемерно праведного мужа? Он тот, чей корень мудрости проник в глубокий грунт.

Он тот, кто может бурям открыть свое лицо, чьи ветви распутившиеся крепости полны, — под ними можно прятаться и в следующую пору.

И элементы могут рассыпаться, а вся земля способна распадаться.

Но этот человек, не остается ли самим собою? Не остается ль он свидетелем величья своего?

Откуда происходят хладнокровье и уверенность бойца, и разве не из чувства сокровенного они, которое в себе имеет иное существо? Но как оружие врага, убив бойца, возобладать с последним сможет?

Боец переместил самим собою это корневое чувство, он выразил его во взглядах на себе подобных; однако он не смог в себе бы уничтожить ни завязь чувства, ни его зародыш.

Муж праведный меня бы обучил бы мудрости великой: достойно Бога полагать в начало всех своих трудов, поскольку Он тебя удержит над міра развращенностью, и так твое простое разуменье научится иллюзию одолевать.

Ты можешь пострадать лишь за людей, но ты не пострадаешь больше через них.

Уж праведника совлекла с себя душа земные пути; вот потому-то истязема она, нагая, по живому: материальный человек не сможет воспринять сам смысл ее терзаний.

206.

Казалось бы, одежды наши обладают формой, когда сидят они на нас; однако это наши члены ее им придают; как только же начало, материи жизнь сообщающее, устранился, она впадет в небытие и смерть.

Как познавать тебя, дух человека, вразуми. Почить навеки ты не можешь в сущности своей: она со-вечна с источником всех сущностей. Но в качествах своих способен умереть ты, коль оставляешь отделенным от них божественное действо, которое должно их воодушевлять и их животворить.

О Господе Самом сие любовь, какая форму знанию прообразует. Любовь же знание произвела; неверно то, что знание любовь как будто сотворило.

Вот почему поодиночке наши мысли существовать без образа не могут, тогда как наше сердце или наша любовь в них не нуждаются нисколько и в них не образуются никак, поскольку они для пропитания имеют само единство, — оно вне образа проявлено: *«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил»* (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 1, стих 18).

Отверзи разуменье сердца своего. И если Бог Своей любви лишает, то нету больше знания для человека, ибо любовь Господня знание образовала, и нет науки той, которая любовь бы породила.

Ты взглядом воспарь к пределам чистым, и будь уверен, что повсюду, где обретишь ты истинное знанье, есть и любовь, ведь именно любовь создала знание, и нет науки той, которая любовь бы породила.

И значит, тьма и бездна вне знания пребывают, поскольку без любви они, ведь именно любовь создала знание, и нет науки той, которая любовь бы породила.

И сила с силою соединяется. Не говори о внутренней доктрине, когда ты не проник в святилище свое, и невозможно здраво передать ее на па-

мать, ведь именно любовь создала знание, и нет науки той, которая любовь бы породила.

207.

Со времени, как жизнь духовная для человека началась, его существование стало животворящих действий продолжением, которые соприкасаются друг с другом, сменяясь непрестанно.

Живые действия, когда нисходите в него вы, пронизываете разумением его, и мудростью и светом, поскольку вы к нему идете, лишь решения предвечного совета возвещая, сопровождая замыслы *Причины мірозданья*.

Ко времени устремлена она, и разве замыслы предвечного совета не обнимают времена, как и пространства? Но бесконечностью живет она, и хочет жить в безмерности своей.

Но как она достигнет полноты предела бесконечного без прохождения Заветов трех? И разве не в Завете огня живого должны соединиться все начала?

Да, то был жертвоприношений дух закона древнего и жертв, на алтарях огнем сожженных.

Священная премудрость, кем сделались бы люди, когда бы им пошел на пользу твой тройственный завет? Ты их бы обратила в подобье *древа жизни*.

В недостатке бы они имели естественного разуменья для возрождения, коль пользовались им бы! Однако разрушают они его и отделяют от средоточья своего, и всю свою премудрость погребают на низшем уровне.

И, кажется, среди людей политика гораздо меньше от принципа удалена, чем их мораль. В одном они как будто ищут созиданья, чтоб не казаться, что в другом они чинят одни помехи.

Склонитесь, кедры гор Ливанских, опорой послужить грядите к убогим тростникам и юным лозам виноградным. И пусть же стебли их соединятся с вашими ветвями, чтоб вы подняли их плоды от грязи гнивающей земли.

Грядите показать им имя, которое их ожидает. Грядите, чтобы им познать их собственное имя. Возьмите наугольник и линейку, грядите снова в их сердцах предначертать первоначальный замысел Иерусалима.

208.

Моя душа прочла свидетельство бессмертья своего в законе уголовном у людей. И право это устройству социальному лишь угождает, в котором злоумышленник презрел порядок.

Но коли он презрел порядок высший, невидимую справедливость, то может ли она удовлетворенной быть при виде его страданий и умиранья тела? Не скажет ли она, что наказания над сущностью должны свершаться в своем порядке, из своего разряда исходя?

И если вельможа государственное преступление совершил, достаточно того ль, чтоб князь его лишил одежд торжественных и знаков почестей своих?

И значит, телесные людские казни творят приготовление души, с нее снимая тело, чтоб ей подвергнуться тождественному наказанию в сущности своей.

И образом таким виновного лишают облачений; он должен своим телом воспринять бесчестья знаки и исправленья скорбные.

Довольно думать, будто все завершено, когда преступник уж подвергся наказанию в дольном мире, иль наше тело уплатило дань естеству.

И только по телесной смерти для человека начнется пребыванье в со-рока двух станах Израильтян. Но жизнь земная целиком почти проходит в земле Египта.

Бывает часто, что необходимость будущих трудов верховную премудрость обязует ускорить окончанье наших преходящих дней, поскольку она жаждет нас увидеть, ступившими на путь свой.

Так обошлась она с Аморреями и всеми беззаконными народами. Какой безумец ограничит протяженность ее взора миром этим сумрачным и зыбким?

Не кажется ль ребенку, что целая вселенная находится в его игрушке? И если мы смеемся из-за недоразуменья этого ребенка, то мы уверены, что есть для наших глаз предметы выше детских безделушек.

Уверены ли мы, что нет над нами личности, которая могла б сказать о нас подобно сказанному нами о ребенке?

209.

Где будет смерть и где материя пребудет, когда все станет полно в человеке, и сам исполненным он будет словом и жизни бытием?

Но видите ли старца мудрого, истратившего дни свои для созерцания трудов Господних с истиной? Его глаза искрятся от духовного огня, его же рассуждения премудростью дышат, и ум его пронзает, точно меч, а его слово действует произведеньями живыми.

В нем жизнь божественная слита с существом его, она его подвигла плоть преодолеть свою, которая чиста на нем, освящена: на ней он восседает, как на троне, и может с высоты сего престола судить Израильтян колена.

И понапрасну ум несведущего человека глаза закрыть пытается на этот закон последний нашей сущности, и разумом своим он извивается, подоб-

но змею, чтобы достигнуть объяснений, что человека самого уничтожают или принижают.

Оставь в покое истину, когда она не соответствует тебе, или она тебе невыносима, и не пытайся ставить себя на место, ей присущее.

Она тебе мысль подарила; она имеет власть лишить ее по усмотренью своему, и также власть она имеет вручить ее тебе; зависимость подобную являя по отношению к истине, как ты судить ее посмеешь, иль покорить, иль уничтожить?

Лишаете вы человека страха смерти, и вы ему даете дух бойца.

Лишаете вы человека воинского духа, который воспринял он от природы, и вы ему даете дух покоя священника.

Лишаете усидчивого человека вы созерцательного духа, и вы ему даете дух познания мирского, активность царедворца.

Способен ли Господь, как вы, переставлять по усмотренью Своему существ духовных, благодаря которым он желает вами управлять?

210.

Дух человеческий вопросом задается, чему животные могли бы послужить для замысла творенья.

Не зрим ли в них мы отдельные разбросанные знаки добродетелей, столь почитаемых и нами: благоразумия, отваги, преданности, верности, смекалки и сноровки, что для борьбы со злом необходимо, которое животный мир отягощает?

Вы видели, что была проклята земля! Перенесите свою мысль на замисел первоначальный, предназначавшийся природе, и поймете, что тогда, как и сегодня, животные могли собою представлять большого совершенства образцы, и дальше ничего вы не ищите.

Не знаете ли вы, что от поры паденья премудрость представляла человеку самые полезные и сильные примеры, и разве ими не могли животные являться?

Так закрепите эти живительные божьи образцы и наставляйтесь вы на их примере; от сил питайтесь их, и вы не станете жалеть о замыслах, изглаженных наполовину.

И разве деянию Господню может исполнения не доставать? И разве его могущество, его премудрость не должны всегда охватывать его над всяким настроеньем?

Необходимо похвалить намерения ваши, писатели искусные и чуткие, когда описываете нам с таким очарованьем законы и гармонию природы; но это естество само не признаёт часть большую из ваших изысканных изображений.

Оно хотело бы само еще собрать все совершенства, — его в них облекает и ими же приукрашает обильная фантазия у вас.

Однако оно не отрицает и изъяны, что преступление нанесло его красе.

Но не взирая на слащавое господство всех ваших соблазнительных манер письма, его поддерживает мощная десница, которая однажды возжелает исправить все превратности его.

211.

Вы спрашиваете, как способен дух воздействовать на дух: в противовес материи его возьмите, которая соединяется, но никуда не проникает.

Повсюду проникают духи, собою образуя жизнь, которая едина; творится ими же и внутренняя общность: *«да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня»* (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 17, стих 21).

Так отверните от материи глаза, которая вас вводит в заблуждение. Поскольку существует она посредством разделения и в разделении, постольку взгляд ваш приучает к разделению; затем вы переносите свой разделенный взгляд к единству, и как способны вы его объять?

Когда явилась истина на землю, поэт ее стихами изложил, а музыкант ее воспел, художник захотел создать ее портрет.

И благо, если люди ее использовали только во имя своих иллюзий! В науках числовых им должно ль смешивать совсем несовместимые законы?

Закон сложения един, который правит этим миром; закон же умножения принадлежит пределу более живому.

Хотя во всех счислениях своих люди не опасались уподоблять друг другу два закона; и приравнять они хотели мертвое с живым, а все живое с мертвым.

Они внизу под корнем дерева и дотянуться никак не могут до ветвей, но всячески желают нам дать его размеры!..

212.

Когда пренебрегли собою вы, то снизошли к отображениям и бликам; теперь вы ведаете только вещи в их образах и отраженьях. Так удалите от себя вы тусклые зеркала, тогда животворящие и стройные предметы к вам будут ближе.

Не говорите больше, неосторожные учителя, что все обман, *когда есть проблеск*, и человек здесь недостоин ничего уразуметь.

От должности своей вы говорите, о человеке говорите, который заживо погреб себя в тених, в котором может все твориться лишь отражением благодаря: им остается только в нем собраться.

Не обладали бы вы знанием изначальным об истине, когда бы мнили, будто ей не по силам предохранить собой людей.

Найдете редко вы особо сохраненных средь сединою убелённых, прошедших жизнь в тени. Но вы легко найдете их между детей и тех, кто сохранил черты святые.

Ищите же предел животворящий, и живоносные начала наши в нем еще больше оживотворяются, и отсветы, которые воспримем мы оттуда, пребудут чистыми; и даже если нечистое к ним примешается, его будет легко разоблачить, и их очистить от смятенья.

Но есть ли место пограничное в творении? Могло б нечистое преодолеть когда-то цифру *сорок девять*?

213.

Явилась истина; в присутствии ее незрячие прозрели, слышали глухие, хромые прямо заходили, больные исцелились.

Но показалось ты, учение людское: прозревшие опять слепыми стали, и слышащие сделались глухими, ходячие же захромали и те, кто был здоров, в недуг попали.

О, горестные жертвы, знали ль вы, как эта истина излечит вас? Она восстановила тех, кто болен был, поскольку они о ней в неведении находились, и свет ее еще для них не проявился.

Но вы, которые узрели этот свет; но вы, предупрежденные тысячекратно о присутствии его, и вы заставили его исчезнуть!

«Итак, наблюдайте, как вы слушаете; ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь»! (От Луки Святое Благовествование, Глава 8, стих 18).

Вы учите, что пустота присутствует в природе, но для чего же эти неисчислимые оттенки, которые все сущности между собой соединяют: последние и точкою не обладают, посредством коей их действие могло бы избежать друг друга? И если все исполнено деяньем, как станет пребывать отсутствие итогов в нем?

Но больше вы еще не признавали естество морали, с природой брэнною его мешая? Учение людское, доктрина человечья, оставь идти народ Мой по своей дороге, дабы он смог Мне жертвоприношенья принести!

Над временем должна существовать душа людская, ведь жизнь дана ей от Начала жизни, и Сам существ Владыка не смог бы уничтожить жизнь, не сокрушив свой собственный характер, который — бытие живого Бога.

Учение людское, доктрина человечья, оставь идти народ Мой по своей дороге, дабы он смог мне жертвоприношенья принести!

214.

Вы говорите, это переходные ступени и связи, которые смущают большинство писателей. Однако отрицаете ли вы, что связи существуют и в вещах? Об этом мало изложено словами у просвещенных истиной людей.

Хотите ли судить, лишь исходя из слов, и схематично возвышенные части Писания Святого? — увидите вы в них одну неясность, нестроение, смятенье.

Хотите ль их исследовать усердней, упорно добиваясь разуменья, одновременно научаясь тому, о чем испросите вы научиться? — разносторонние внушительные наставленья там вы обретете.

Смотрите, каковы же переходные места в творениях писателей священных, ведь почти все составлены одним союзом грамматическим и говорят они всегда во Имя Божие, которое Собою все соединяет, как и сумело все Оно произвести.

Порою этою манерой писатели святые произведениям и рассуждениям кладут начало, поскольку вещи, которые нам представляют, соединяются с вещами, от нас сокрытыми.

Они — избранныки и потому всегда пред истиною пребывают, как непрестанно они едины с Тем, Кто не имеет ни начала, ни конца.

Вы допустили подобающее заблужденье, когда посмели Моисея сделать материалистом из-за того, что, кажется, он редко говорит с народом духовным языком.

Но утвержденье это вам показалось бы неполноценным, когда б вы прочитали Писания Святые с разуменьем, что ими порождается на всяком месте; и вы сказали б вскоре:

«Никак не представлялось нужным в духе к Евреям обращаться, ведь и не стоило вещать о воинских доспехах двум армиям, которые расположились станом».

215.

Кто может отрицать, что будто бы природа великим назначением не обладала, и это назначение не заключалось бы в служении для духа образом, примером?

Заветы Ветхий с Новым не используют ли символы ее? Не объясняется она ли непрестанно посредством звезд, времен годичных, урожаев, небесных птиц, собак, а также рыб и муравьев?

Не для того ли эти вещи явились в мир, чтобы, воспользовавшись ими, смогли бы люди открыть глаза на более возвышенную правду?

Не мните, будто вещь обычную творите, когда своими принципами обезображиваете естество пред нашими глазами. И у него уж человек доверьем более не облечен; теряет он и то доверье, которое бы мог в природе обрести; ошибки ваши его ведут к безбожию.

И если б вдалеке вы находились от дорогой возлюбленной, она бы вам послала свой портрет, чтобы смягчить суровость расставанья; то разве не имели б вы тогда, по крайней мере, некоторое утешенье, лишенным пребывая узреть ее живой образчик?

Вот так и истина нам послана в свидетельство была; после того, как мы отпали от нее, она в физические силы облачилась, трудясь во имя проявления своего пред нашими глазами, чтоб меньше горечи мы ощущали в лишении своем.

И вы, неосторожные наставники, пытаетесь принизить это проявление, из опасенья будто мы в нем не признаем разные черты Того, Кого не видим больше.

Остановитесь; коль вам непостижима цель существ, как вы смогли бы законы их уразуметь?

Исследуйте сначала, почему природа существует: как совершает она это, вы нам уж после говорите; тогда придете к понимаемью цели существ, которая одна способна дать и разуменье их законов.

216.

И если не осуществил божественные добродетели ты, зачем Господь тебе послал их? Спроси себя, как человек способен ценным сделать то, что он воспринял. И разве силы те не слиты с божественной любовью? И как они способны в тебе соединиться, ее к себе не притянув?

Не есть оно ли то же самое единство, которое в тебе все блага производит и обеспечивает сразу и радостями, и защитой? И даже солнце, которое сияет для тебя, одновременно заставляет произрастать деревья, порождая их листву: под нею ты спасаешься в тени от зноя солнечного.

Так воодушеви же собственные силы, человек желанья, и, обновив доверие свое, грех раствори в своих трудах. Ты ощутишь свои живительные свойства, что устремятся к дародателям свеченья.

Когда ты сможешь претворить Господень труд, в смирении сосредоточься и милосердием воздай во имя Божие, благодаря чему пророки и избранныки Господни пребыли в безопасности и новые дары стяжали.

Безумец ограниченный довольным от образования пребывает, полученного в наставлении себе подобных или естественным внушеньем; он уподобится земле, которая всегда хранила заброшенное ветром

семя на поверхности своей, но не могла принять его в объятия лона своего.

О, человек, не будь подобен же козлу ты отпущенья, который, как и прочие живые твари, благодеянья от природы получает, хотя распространяет лишь заразу. Ты создан был, чтобы колюром стать вселенским, который должен зрение давать незрячим всем.

217.

Доколе же вам находиться в противоречии с собой самими? Хотело радоваться ваше сердце; оно желало бы предаться кротким впечатлениям, что чувство существа его внушает.

Однако разум ваш уж в заблуждение введен, из опасенья еще дальше ошибиться, поэтому ему необходимы жертвоприношенья для самого себя. Послушайте: потомство человека считаете вы искаженным; считаете вы Бога слишком праведным, чтобы Он являлся создателем страданий наших.

Вы знаете, как находился человек пред Богом, поскольку больше не имелось никого меж сущностями этими двумя. Вы ощущаете, что, кроме Бога, никто не в силах человеку облегченье принести.

И разве страх сугубый не может вас объять от этой логики простой, чья ясность с формою овладевают вашим духом?

Но идол водружен на возвышеньях, куда он увлекает весь народ. С вершины сей горы господствует над станом он Израильтян: народ уже не обладает более ушами, чтоб слышать гармоничные свирели пастырей, которые в долине пребывают.

Нет у него очес, чтобы увидеть реки из молока и меда, текущие в земле обетованной; и вкуса не имеет больше он, чтобы их сладость распознать.

Так сокрушите этот истукан, который вас ввергает в рабство, взыскующий лишь гладом изнурять, чтоб вы сошли в могилу. И возвращайтесь в средоточье лагеря с народом: войти людей заставьте под шатры вы.

218.

Не вижу ли ступени три для человека я? Одна — есть выше его меры, на уровне его — другая, и третья — ниже человека.

Вторая соразмерностью берется: проводит дни спокойно человек. Но первой обладает он лишь радостью и торжеством. И данную ступень не на земле искать необходимо.

Но кто же те, кто пребывает в страданиях наибольших? Те, кто воспринял свыше большую меру и должен дожидаться в другом месте, чтоб

исполнять ее. Но там они утешенными будут, поскольку здесь хватило им обильных слез.

Господь, кого Ты избираешь для Своей работы, они ли не являются обыкновенно жертвами идеи высшей, которую даешь им от Себя Ты?

И на земле они встречают только противодействие идее этой высшей; они все дни проводят для освящения животворящей вещи в той сущности, что ослабляется и распадается сама собой.

Они все дни рассматривают имена земные, условными представшими, и никогда не выделяют из имен условных естественные имена.

Воители людские, редки сраженья ваши, а ваши поражение и смерть неясная, и чувство одобрения людей — обычные явления.

Воители же истины всегда на поле брани. На нем они всегда готовы испытать зло горшее, чем смерть, и не иметь за это никогда общественного одобрения.

Святая истина, на счастье для избранных твое господство не от мира сего! И справедливости твоей не больше здесь никак, ведь царства твоего нет на земле; и этого достаточно для вдохновенья воинов твоих: они уверены в своей награде.

219.

Не все ль рождаемся мы с дарованьем неким? И если благоразумием своим мы достигаем его развития в нас, о чем просить мы можем больше?

Должны увенчанными сделаться мы все, поскольку верный Ангел нас окружает действием своим и будто бы ограду вокруг нас вершит, ну а над нами — светлую окружность.

О, люди истины, не потому ли часто вы им охранялись, как цари? О, Святость, даешь подобные дары ты и научаешь, что они принадлежат все духу одному.

Чужды один другому звук и свет лишь в понимании безбожника с профаном; и *царство* с освященьем связаны между собой зависимостью сущей.

Могуществами всеми обладал великий мастер, ибо свят Он был, однако святым являлся, поскольку душу целиком отдал своим Он братьям. И обретенная в любви душа — любви произведение это, которое приводит к освящению, ведь есть Единый, Кто оправдывает нас.

О, слабый человек, нуждающийся в духе, не оставался ты в своей тщете бы, когда тебя бы не удерживала в ней гордыня, когда не мнил бы ты всем обладать. Не в рабстве ль пребываешь ты, как и Евреи? Так отчего не думал ты, подобно им, о родине своей?

Где человек, который несет повсюду скорбь и чувство своего ничтожества? Он будет бодрствовать, чтоб воделение духа обрести.

Смутится он в своей тревоге, как путник, застигнутый врасплох от сумрака неведомой страны, пока Господь с усердием к земле не прикоснется, которую Он пощадил для Своего народа.

Пока Господь народу Своему не скажет: «Я вам пошлю *зерна, вина, елея*, и вы ими насытитесь, и больше не оставлю вас Я в поругании народов».

220.

Где пребывает соразмерность в дольном мире, чтобы суметь судить о состоянии грядущем? И стоит ли нам привести пример ребенка в утробе матери своей по отношению к уже сложившемуся человеку?

И наша мыслящая сущность должна в развитиях безмерных дожидаться, пока она темницы тела не покинет, где обретает посвятительную форму, как и ребенок, в утробе матери берущий форму тела своего.

Дает ли соразмерность эта прозрачную и чистую идею о состоянии славном, коего мы чаем? Не ищем в дольном мире мы об этом чистого познания. Но если бы его имели, не находились больше б в отвержении.

И здесь закон верховный замечая я. Чем больше соразмерность приближается к своему центральному и главному пределу, тем более она велика и сильна.

И это чудо, что позволяешь ты нам ощущать тебя и раскрывать, о, истина Господня! Его достаточно для человека, взыскующего, возлюбившего тебя.

Течение дней он зрит в покое, и наблюдает это с удовольствием и восхищением.

Ведь с каждым обращением временного колеса к себе он приближает возвышенную соразмерность, которой обладает Бог, как первой из своих пределов, и коей предварил уж нас Он, а человек вторым пребудет в ней.

Воспрянем с Тем, Кто воскресал уже. Взойдем к пределу этому, чтоб обучиться живо первоначальному наречью своему. Деянье наше будет там сопровождаться словом, и наши всякие шаги усыпаны цветами.

Для получения милостей есть время, оно же есть для обретения разума; необходимо, чтоб настало время для руководства всех даров распределением.

221.

Не скажете ли вы, что нужно непрестанно искусством заниматься, чтоб в нем почувствовать изящество и вкус в нем обрести? И одинаково

началам истины вам должно предаваться, когда желаете достигнуть кротости ее и обаянья.

Очарование разума приведет к очарованию любви. И не является ли любовь душевным оком? И не посредством ли любви душа зрит Бога и даже видит без Его изображения?

Но ты используй это чувство для предметов, которые не могут дать сего тебе, и всякий день тебе приносят разочарование.

И не изгонишь ли подальше от себя ты тех, кто заинтересован обманывать тебя в любви твоей предметах?

Известно им, что если б ты благоразумием владящим обладал к себе же самому оборотиться, то обнаружил бы достойные себя предметы, которые ты полюбил бы непременно тысячекратно более, чем мог бы ты всегда любить их сам по себе.

Началам истины предайтесь, когда хотите познать ее очарование и кротость.

Не скажете ли вы, что нужно непрестанно искусством заниматься, чтоб в нем почувствовать изящество и вкус в нем обрести?

222.

Зерно Господнее, зародыш слова посеяны снова в душе человека.

Благие господства, спешите укрыть его руками чистыми своими! Пусть птицы небесные не смогут к нему подступиться, чтобы пожрать!

Ты — сила мироздания, ты взращиваешь всех существ; ты производишь их и укрепляешь посредством постепенного развития в них свойств твоих.

Взрасти их и во мне; ты сущность мне дала, как и другим; продолжишь ты мое существование, другим подобно, в твоём животворящем действе.

Восславим человека: не может он и мига просуществовать без животворного влияния Бога Своего, ведь без Него он не имел бы духа, который в треволнениях постоянных.

Природа, ты обладаешь тем же превосходством, хотя в себе ты не таишь субстанций, из коих художник изощренный не мог бы элементов света выделить.

Но над тобою человек имеет власть возвышенные превосходства ощущать, в них восхваляя Божия Творца.

Господень Ангел меч вложил в десницу: пройдет он всякой улицей Египетского града.

Он истребит всех тех, которые Ахаву уподобились: *«И делал Ахав, сын Амврия, неудобное пред очами Божиими более всех, бывших прежде него»* (Третья Книга Царств, Глава XVI, стих 30).

Он в человеке истребит все то, что Агнца кровию отмечено не будет.

Он не оставит пребывать растительности ядовитой; однако он пройдет, мечом не поражая, перед любым, на ком запечатлен знак избавленья, от Слова семени кто изошел.

Тогда сок вольно устремится от корней до самых тонких веток. Без промедления с гор потоки хлынут в великий океан; и святость к человеческой душе прилепленную станет, как будто бы цементом нерушимым.

223.

Так поспешим же благовония собрать, чтоб их возжечь на алтаре Господнем; воззрим на племена земные, их испросив о десятине Божьей.

Есть племена, снабжающие благовоньями храмины и идолов Египта. Не праведней ли, чтобы благовонья все Господу достались?

Левиты юные, и вы, невинные девицы, соцветья полевые соберите. Пройдите Аравии и Галаада горы: бальзам и ладан там распространяют запахи свои.

И кто откажет вам участвовать в работе вашей? Кто будет столь неблагодарным, чтоб Богу десятиной не воздать?

По образу пчелы неутомимой займитесь всякий день нектара выделением из цветов и смоляных деревьев; и принесите ваши сборы в места святые.

В досуг туда спешите приготовить мед и воск для пользы всей семьи людской. Вы приготовьте там святое благовонье, которое должно *лишь Господу преподноситься на алтаре златом.*

И приготовьте там помазания состав, которое должно предназначаться для освящения архиерея с сыновьями и сосудов, необходимых в службе у дарохранительницы.

Господь, не Ты ль избрал людей миролюбивых, которые иной обязанности не имеют, как раны перевязывать у дочери Твоего народа?

Из них Ты выбрал тех, проводит кто все дни свои в молитве за воинов. Из них Ты выбрал тех, проводит кто все дни свои в молитве за смертных, которые с невежеством своим никак не расстаются.

Из них Ты выбрал тех, проводит кто все дни свои в молитве за смертных, оказавшихся во тьме. Из них Ты выбрал тех, проводит кто все дни свои в молитве за смертных, поднявших против истины знамена.

Ведь Ты желаешь, чтобы ароматы аравийские распространили благовония свои по всей земле.

Желаешь Ты, чтобы молитва, уподобляясь горнему светилу, собой вселенную объела и круг замкнула непрерывный, и всякий миг животворила бы жилище человека.

224.

«И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 17, стих 19). Какую мысль здесь выражает текст Иоанна Богослова!

Сын освящен Отцом, Дух Сыном освящен, и Духом — человек. Последний освятить обязан всю свою сущность, что станет освящать агентов мироздания.

И освятить должны агенты мироздания все естество: оттуда освящение должно распространиться вплоть до беззаконья.

Вот каково божественное семя, что непрестанно расцветает в области небесной, но в дольном мире прорастает разными ростками (в зависимости от эпохи) для проявления славной жизни, которую в себе самом содержит!

Оно было в Спасителе сокрыто во время исполнения Его труда земного и смирения. Ведь говорил тогда Он, что *Сына более Отец*.

Потом сказал Своим апостолам Иисус: *«А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из Вас не спрашивает Меня: куда идешь?.. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам... и в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам»* (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 16, стих 5, 7, 23).

Ведь дух, неся в себе божественные оплодотворенья, восполнить сможет круг Господень, в ином числе несколько не needingся.

Кто в силах мысленно тебя объять, о, человек великолепный и освященный Святым Духом: в последнем Сын сияет освящением, в Отце преобразившись?

Становишься ты очагом любви и силы, которому все уступает: в нем все алмазы истины соединились.

Но кто проникший в чувства глубину и выражение знака четверицы, трудившийся одновременно над всеми измерениями существ?

225.

Чем станут эти восхитительные чувства и кроткие благоденья, которые облагораживают существование твое? Сии спасительные насаждения остановились в возрастании своем. Кусты терновые их тенью заслонили, лишивши солнца.

Но жив ли человек? И неужели для него нет больше упования, и потому ему необходимо снизойти в могилу? Готовы ли его пожрать земные черви? Остановитесь, смерти вожак, возмездие отсрочено.

Воспрянь же, дорогой Своему Богу человек; сколь любит Он тебя! Скажу об этом: почитит тебя довольно Он, чтоб Свою славу посвятить величию, которое Он дал тебе. Ему смиренное приятней видеть существо, чем обращенное в погибель.

Воспрянь. Не отстраняйся, даже если после преступления все для тебя стремиться начинает чрез сумрачную сень. Черед настанет и блистающих пределов. Они с твоею жизнью соединены: на свет ты появился там.

Отверсты будут для тебя все крепости Господни: наставником ты верным в них предстанешь.

Ты там увидишь тех из своих братьев, которые терзаемы нуждою иль в муках пребывают. Увидишь тех, чья мудрость помощью служила тем, кто обращался к ним; и потому они в пределах более блаженных поселились.

Увидишь ты все сокровенные и действенные средства, которые использует верховная десница для воплощения правосудия и дарования благодеяний.

Не останавливайся слишком долго на созерцании величия сего, безмерного почти, которое тебе дано твоей природой. Из-за него Господни дети детьми гордыни становились: Он отделял их от Себя тогда.

Так человек стал хрупким тростником, и на него десница Божья почти не может опереться.

И сверх того почувствуй превосходство единого вселенского начала; Его любовь, что с мыслию твоей несоразмерна; свое ничтожество полнейшее пред Ним, когда б Ему пришлось по нраву тебя держать во мраке.

226.

Так к Господу пророк Иеремия обращался: *«Наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем, чтобы не умалить меня»* (Книга Пророка Иеремии, Глава 10, стих 24). Здесь два пути, которые Ты исполняешь, чтоб человека наказать! Обязан Ты суровым быть к нему, когда уж недостаточно Тебе являться только справедливым.

Но Ты имеешь два пути, чтоб сообщать ему и милости Свои: *второй Твоей любовью предстает*. Когда ужасен в правосудии Господь, каким Он должен оказаться тогда в Своих суровости и гневе?

И гнев Его — для нечестивых; для непослушных — правосудье; и милосердие — для слабых, ошибки коих Он забыть желает. Его любовь доступна тем, в ком останавливает заблуждения Он или о них предупреждает.

Если Господь столь кроток в милосердии, каким Он должен быть в Своей любви? О, люди, непрестанно вы жаждете того, что свыше меры. Господь всегда о меньшем просит, коль видит, что Его, любя, взыскуют. Однако только малым и простым Свои Он истины вручает.

Не есть ли вера наша естественное состоянье? Кто в большей степени предрасположен к ней, как не ребенок? Вот потому ребенок ближе всех к естественному состоянию.

Мнят совершенствовать себя ученые и политики. Хотя они изгнали веру от себя. Как убедить тогда, что этим шли они за повелением природы?

Заключены ль в них души, которые Тебя почтят, Господь? И не подобны ль мертвецам они, в земле сырой лежащим, от каковых Ты больше не дождешься ни почестей, ни славы, что задолжали они у правосудия Господня?

Но какова душа, что будет чтить Тебя? Она печальна по причине зла чрезмерности; поникшая и удрученная она влачится, склонив к земле томящиеся очи.

Се бедная и голодом теснимая душа, которая воздаст Тебе хвалой, восславив правосудье.

227.

Достаточно ль использовать жестокость против зла, представ перед врагом? Нет, зло необходимо победить и в цепи заковать.

Отважно повергайте твердыни города нечестья; вас вдохновляет глас Господень; ваш меч — доверье имени Его.

Углы разите этих стен; увидите вы сами беззаконья, которые за ними совершались. Увидите змею на алтаре; увидите вы, как искусно ей соблазнялись горожане.

Она скользила в их советах. Они ее за миролюбья ангела приняли. Они ее в святыне поселили; она же стала их оракулом, пророком.

Сражайтесь смело; зла избежать они не смогут, которое их преступленья навлекли. Они об этом в будущем поймут, остерегаясь своего врага, и не смешают впредь свой ладан с благовоньем беззаконий.

С желаньем большим бейтесь при вратах святого града. Отдохновения не знайте, чтобы левиты не оставили вам поднимать завесу храма Бога Вашего...

Так укрепись, душа людская; ты не сумеешь выдержать сиянье Его славы...

Держи же руки пред очами, и голову склони свою: является величие Господне... Слезам своим дай волю, ведь рядом с этой славой ты должен был давно создать свое жилище!

Твои труды последуют с тобою, человек! Не можешь ты без дела оставаться: воздействие его не может пребывать без порождения! По образу своих вещей сумеешь ты судить о верности своей для правосудья.

И отчего преступников вы узнаете по отличительному виду? И почему их покрываете одеждой позора? И почему природа преподносит разрядов столько существ порочных, безобразных и калечных?

И почему высокие сановники среди народов одеты лучше и украшены наградами весьма? И почему они стремятся собрать вокруг себя животных редких и дорогие самые творения природы?

Какими поразительными станут и небо новое, и новая земля: там формы постоянными пребудут, лишь изменив свое уродство по отношению к совершенству самому!

Ты рассудительность свою припомни, человек, чтобы в своих путях не ошибиться; поскольку действия разнообразны, должны ли показаться противоположными они тебе? Сам человек сражен был разницей того, что истинно, ведь разделилась истина, чтобы сопровождать его на стадиях различных, которые прошел в своем падении он.

Когда же не пожнешь плоды хоть от одной из этих степеней, то все, которые затем пройдешь, тебя тревожить только будут и сил лишать.

В любой из них имеется единство; при свете пламенника своего ты все их в состоянии на пользу обратить себе. Будь верен первой ясности своей, тогда твой ум и сердце стать плодоносными сумеют, не прекращая девственными оставаться.

Примите дань моих хвалений; хотя она ослаблена, несовершенна, ведь в человеке все порочно из-за ничтожества и беззаконья.

Но ты, Господь, что истину с премудростью являешь, у суженых моих никак не замечаешь их недостатков. Покроешь Ты их именем Своим, чтоб освятить их, чтобы смог Ты им доступ предоставить к дарохранительницам вечным.

Се Ты, Господь, дающий человеку все эти блага с милостями вместе. И обращаешься с ним так Ты потому, чтоб чувствовал он, насколько безграничен Бог в Своих сокровищах, в Своей любви.

И если дань воспринята моя, и если посеяна она в полях земли обетованной, растение это произведет бесчисленные ветви, на коих начертанными будут имена моих друзей и братьев, и имена людей желанья.

И бодрствовать они не перестанут вкруг священного Ковчега, чтобы преградой быть для приближенья беззакония к нему. На эти избранные имена Господь оборотит Свой взор; и будут они оживлены Его огнем и примут слово.

На этих убоженных душах, а одинаково на троне Божества, грядет Предвечный основать престол Свой. Он их рассматривать отныне станет, как основания и как колонны собственного храма: они причтутся к вечности Его.

230.

Пределы все готовят человека; друг верный его поддерживает и утешает, а добродетельные руки, его обняв, обогревают: и храм тогда готов и может дух в него вселиться.

Но полностью ли в нем присутствует дух жизни? Не все ли он создал посредством слова? И в человека этот дух несет свою преобразующую силу, все сущности в нем возрождая. И удивительно ли, что хромые прямо ходят, слепые прозревают, глухие слышат и даже мертвые от смерти воскресают?

Дух жизни — свет, и он — начало света. Приходит разум освещать он человека и разомкнуть ему глаза на потаенную премудрость.

Имеется ли видение верное того, что происходит во времени? Грядет дух жизни, чтоб виденье доставить человеку, раскрыв пред ним столетий книгу. Но может ли тот дух найти на человека, не избавляя от изучения и памяти нужды?

Не он ли и любви начало? Способен ли найти на человека он, не породив в последнем всяческую добродетель? Грядет животворить он человека по вечности подобию, которая всегда нова в подвижности своих невыразимых наслаждений.

231.

Приучим же наш дух в почтении склоняться перед величием имени Его. Сердца наши приучим быть проникнутыми только страхом Божиим и Его любовью. Приучим силы все свои оборонять Господню славу пред теми, кто одолевать ее стремится днем и ночью.

Занятие единственное это позволит нам парить поверх смятенья міром: там время и обман удерживают человека как узника честного. И даже враг не в силах нападать на человека, который посвятит себя всецело исполнению псалмов Господних.

Здесь больше блага, нежели пытаться с Ним бороться и предавать Его небытию, победу празднуя и не нуждаясь даже от Него снести один единственный удар.

Хвалу Господню воспоем. Уже прекрасно, если всякий день мы посвятим хоть несколько мгновений мысли о Нем. Но не является ли это отсрочкой наших радостей, пускай они и состоят в молитве и в воспевании Господней славы?

Жизнь нашу освещает разуменье, однако прославления Господни ее обогревают.

И разуменье вдохновляет человека глас, превознося еще псалмы Господних восхвалений. Оно как молния, что освещает облако огнем, раската грома с замедленьем пробуждая.

И это ты, могучее звучанье громовое, подобное великим песнопеньям, являющим Господню славу.

232.

Старайся не основывать свое жилище на грехе, и жизнь не будет отнята навеки у тебя. Но как могла бы жизнь тебя навек покинуть? Не ты ль вооружен защитниками сильными Израиля?

И ты, миролюбивое и кроткое господство, ты облакаешь все своей священной ризой и пробуждаешь все своим теплом. Но твой венец способен кто восхитить? И даже если некто настроится иметь твою корону, из них ты не увидишь достойного ее носить.

Вхожу я в духе в собрание пророков и святых; и их я нахожу всегда пекущимися о труде Господнем.

Но почему столь вдохновенны, столь выдержаны их реченья? И почему они для них столь интересны? А потому что живо все в труде Господнем. Все полно назначеньем высшим в пророческом собрании.

А мы в земной юдоли лишь заняты своею легкомысленной корыстью; собранья наши собой являют множество усердия в делах ребяческих или порочных; так почему святые и пророки его не выказали у себя в вещах живительных и чистых?

233.

Скажи себе: *«Я сын Господень»*. И повторяй сие, пока из глубины всей сущности твоей не выйдет эта фраза: почувствуешь тогда, что сумрак вокруг тебя развеяться спешит.

Не спрашивай же больше, безмерными насколько были силы, которых вместилищем считали человека предания любые: родился он для проявления имени Господня, поскольку сыном Господа предстал.

Но почему утратил он верховный этот статус? А потому что в своем сердце не сказал: *«Я сын Господень»*. Он прекратил определять источник всякого *движенья*.

Утри же слезы, несчастливый смертный, и изгони свои боязни. Явился свыше Человек, явился для тебя сказать: *«Я Сын Господень»*.

И этой фразой сокрушились недруги Его, затрепетала бездна, восток земной вновь занял свое место, чтобы проводником и лестницей служить потомству человеков.

Так повторяй же эту фразу вместе с Ним и повторяй после Него; но непрерывно повторяй, и непрерывно будут для тебя все новые болезни исцеляться, и от тебя опасности все удалятся.

Ты не имел ли три первоначальных дара: телесную сохранность, и размещение не телесное, и восклицанье? Но Тот, Сказавший для тебя: «*Я Сын Господень*»; пришел преподнести тебе триаду этих качеств, чтоб дать тебе четвертое, которое есть *превосходство*.

Когда позволят мне остановиться? И не должна ли меньшая в оплошностях моих в зачет пойти мне, как убийство человека? Но не напрасно мне дано сказать сегодня еще звучней, чем изначально: «*Я сын Господень*».

И я никак не знаю меры, коль всякий миг существования своего я в размышлениях пребываю, произнося возвышенную фразу эту.

234.

О дикаре как думать, который, обладая только силою земной, сумел безропотно и верно перенести ужасные мученья, подвергшись им, согласно воинским законам народов примитивных?

Когда благодаря своей отваге и сопротивленью он помешал деяньям низшим нестроенья войти в него и ослабленье учинить, победу ль он не одержал тем самым, или хотя б сумел ли смыть определенные грехи?

Глаз разумения, сей проблеск ухвати. И вострепнись от радости за все иные совершенства, рассеянные по людскому роду. Повсюду, где б ни находилась добродетель, необходимо, чтобы обладала она последствием, согласно со своим разрядом.

Есть истина поток огромный, объемлющий течением своим всю землю. Все воды естества, на удалении каком ни пребывали б друг от друга, по склонности своей природной, стремятся соединиться с потоком этим.

Любовь божественная, так ты раскрываешь таинства свои! И целиком семейство человекoв всегда отражено в прозрении твоём; ты озабочено лишь тем, как сделать, чтобы род людской располагал бы своей частью в милостях твоих.

Прорвем преграды вод застойных и гниющих; и сами побегут они к потоку жизни, и вскоре смрадность их уж будет поглощенной.

Не осуждайте тех, кто в простодушной вере лишь следуют за внешнею расцветкой истины.

Со времени, как пользуются мыслью и словом, в движениях находясь, они оказывались истины писцами слабыми; на протяжении ее, возможно, удавалось им, посредством этого труда, очистить некоторые капли сей благодетельной росы.

Господь взыскует только род человеческий спасти, *поскольку души вышли от Него, и Он Един все души сотворил*.

235.

Напрасно враг меня иллюзией манит. Нельзя, чтоб здесь внизу материя бы обладала памятованьем обо мне.

Материальные утехи, не представляют ли собою человека, который их вкушает? Когда же ощущения человека являют огорчение иль радость, легко ль увидеть, что только он испытывает это горе, эту радость?

Увы, когда сам дух его использовал бы все очарованья просвещения и знаний, сказать бы мог себе сам смертный: моя работа не завершена, мое призвание не исполнено!

Спустился ли я в бездну? И был разорван ли, добычей оказавшись льва неукротимого? Избавил ли от смерти я того, кто приготовился ее отведать, или достиг смягчения грехов для человека, который обретался в юдоли сумрачной своей?

Когда ж благодаря спасению какого-нибудь брата он право возымеет на венец гражданский, когда представить сможет он спасенного собой, тогда средь победителей воссядет, себе награду чая. *Его труды его восславят в собрании судей.*

И здесь единственная радость, которую он мог бы сам вкусить и вспоминать затем о ней; все остальные, кои ему материя способна подарить, в памятовании его отнюдь не сбереглись бы; они не прилагаемы никак к субстанции его и полностью чужды его деянью.

Кто знает преимущества святейшей дружбы, которые покоятся на тройственной основе? Они одни устойчивостью обладали, и без соединяющей священной связи их вели бы лишь к смятению лихому.

Сообщества людские, когда хотите избежать смятения сего, то в Боге черпайте любовь для духа, а в духе же — единство ваших душ, и в душах — единство тел своих. Вот способ, чтоб материя не овладела памятью о вас, и враг лукавый был бы посрамлен в своих намереньях.

236.

Я понесусь на крыльях духа: он проведет меня путями всеми истины; увижу я, с какой премудростью Господь распорядился замыслом миров, и с разумением каким Он занимается развитием существ.

Да, это Он, Кто радуется нам очи плодами от трудов Своих, великолепием Своих произведений.

Он ставит ангелов для охранения народов; когда же сроки этих ангелов исполнились, народы, сберегавшиеся ими, к упадку клонятся.

Да, это Он, Который порою заставляет бороться с князем тьмы народы, благодаря чему у них советы сокрушает, чтоб удержать их в правосудии и страхе.

Народы торжествуют, прославляются и страждут; и это Он, по усмотрению Своему, приводит их в движение, поскольку вся вселенная в Его деснице, а равно шар земной, когда его Он устремляет, куда Ему угодно.

Я храм святых увижу, *созидаемый из мудрости сынов*. Его увижу я устойчивым и неподвижным среди неисчислимых потрясений.

Встает среди народов он, влекомый атмосферой их; но он не знает ни изменчивости их, ни их падений. Он с ними шествует, чтоб обучить их различию поры духовной от времени смятенного предела.

Он с ними шествует без принуждения их свободы: священный это дар, который вновь Господь взрастил у человека, как силу вероятную, хотя еще не predetermined по сути, ведь ей должна являться только Божья сила!

Священный это дар, который обращен в пороки смертным, тогда как мог ему произвести плоды живительные света!

237.

Пусть сила, которая живет сегодня в человеке, слаба, почти ничтожна; однако ее достаточно вполне, чтоб сокрушить тебя, враг истины любой.

Что было бы, когда бы человек преобразился целиком? Вселенная уж не смогла бы выдержать его, и удалились бы светила, чтоб человеку место уступить.

Трудись же, скорби человек, ты лишь батрак у Бога Своего: Ему обязан ты и временем своим, и пребыванием в занятиях. Блажен, кому соизволяет Он тебя использовать, кому не попускает тебя терзать на месте видном в нужде и праздности!

Зной дня безропотно переноси: вкушать ты должен только хлеб томленья. Не вздумай есть хлеб небреженья, обманывая господина Твоего.

Увидит Он тебя среди полей с руками, на дышле сложенными плуга своего. Придавит он тебя годами, в которые ты мог бы лености предаться; и коль не станешь ты вернее и усердней, он вычеркнет тебя из списка служителей Своих.

Но именно от пота твоего и крови должны излеченными беды быть. Тогда уж слово посетит тебя и принесет собою посвящение. У Господа ты не был ли прославлен в своем рождении? И не обрел его ли ты по праву снова в двойном Завете?

И, несмотря на это, вместо того, чтоб исполнять работу господина Своего, других ты хвалишь ежедневно, задерживающих тебе оплату. В невыносимые труды они вовлечены, которые никак не могут считаться попранием законным.

К первоначальному хозяину вернись: он кроток более и справедлив, хотя взыскует менее других. О чем нам говорит и Божий человек: *«Ищи-*

те Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко» (Книга Пророка Исаии, Глава 55, стих 6).

238.

Вот таковое состояние существ, которое законы экономии божественной определяет, ибо само оно обозначает, что сделать должно для их блага вящего.

Не бойтесь более слов жертвенных терпения и искупленья, чего не любят в скорбном испытании. Однако эти скорби столь необходимы для исцеленья нашего, пусть ни один из нас не в состоянии снести их.

Итак, какую мы имеем вещей картину? Присутствуют у нас *один, четыре, семь, восемь, десять*. Со стороны другой: *два, три, пять, шесть и девять*. В действительности пребывает это все, не обращая внимания на ложные счисления знаменитых лиц, которые шли только арифметическим путем.

И потому Святой явился победить за нас того, кого нам не под силу одолеть самим.

Своей непобедимой силой Он соделал смерть ничтожной для Себя: такую сделает ее для нас, когда Ему последуем в борьбе мы, Его доспехами покрывшись.

И сила раскрывается Его не за тебя, коварный враг, а против; и ждать тебе уж от Него не стоит ничего: утратил ты все то, чем обладал; Ему далось все то, что Он имел.

Круг завершился. И ветви бесполезные с корой в ров брошены. Они превращены в асфальт и будут уничтожены огнем. И кто не вострепещет при виде цвета их?

Земля, желаешь ты пожрать все беззаконья человека, плоды его греха; но битум прочь ты извергаешь из своей утробы: переработке он никак не поддается; по воле волн морских он осужден скитаться.

239.

Помыслим пред нагромождением руин: разбитые колонны и скученные части здания вперемешку. Помыслим же, что человек какой-нибудь себе воображает, когда пытается собрать пред нами один из сих бесформенных осколков.

Предположим, что при одном единственном осмотре, он захотел бы объяснить нам, какое место кусок сей безобразный занимал в строении, и даже каковым являлось это здание; он пожелал бы план его нам общий описать, сообразуясь с этим неузнаваемым обломком.

Вот так иметь мы будем здравую идею намерений философов, желающих нам объяснить природу.

Смятен был мир ужасными толчками; он целиком почти потрясен в основаниях. Он ниспровергся и перевернулся, как будто плащ простой перевернули.

На это не взирая, философы берут любую сущность: в воздействиях своих они ее терзают. Полученные результаты их компасом становятся: они нас научают, что все образовалось так, как наблюдаем мы.

Не видятся ли им в воде элементарные начала разложения? Каков же дар без лишнего внимания не заблуждаться о естестве вещей произведенных и о природе порождающих вещей?

И это несправедливое ученье они распространили на человеческую душу и даже на начало всех вещей. Кто остановит этих лжеучителей, кто свяжет в бездне смерти их, куда они хотели нас низвергнуть?

Не станем проявлять заботу об обращении философов, ведь это, вероятно, бесполезное занятие. Однако нельзя ль, по крайней мере, им воспрепятствовать мысли убивать, разоблачая все иллюзии и ложь, которыми они ее старались убаюкать?

И чтобы политическая власть в своих законах и установлениях несколько не стремилась бы отдать послушных подданных злодеям этим; и если бы последние пытались получить поддержку общества, то направляла б против них людей вооруженных, которые изгнали б их или в узилище забрали.

240.

Осмелится сравнить кто вкус и смысл премудрости, которыми полна душа ребенка, и состояние развращения, небытия, куда людей повергли вещи?

Осмелится на это кто, когда мы сами являемся сравнения предметом?

И значит, есть с чего нам сокрушаться горячими кровавыми слезами.

Пусть доверительной и смелой, вплоть до безрассудства, твоя молитва будет. Желает Он, чтоб Его взяли силой. Всей силою в пределе сумрачном, где пребываем.

Желает Он, чтоб ты Его заставил, как бы покинуть созерцание Свое, взгляд устремив к твоей беде и полетев к тебе на помощь.

Здесь прекращается работа человека, поскольку начинается труд Божий. Бог хочет, чтоб Им силой овладели, однако он желает через любовь отдаться.

Здесь прекращается работа человека, но начинается сей ласковый зэфир, который веял на Илию на горе Хорив.

Господь проникнет в мысль твою и в твоём сердце распространит тепло живое, подобное тому, какое ты вкушал в младенчестве своем.

Права твоего века зрелого из рук трудов твоих проистекут, из разуме-
нья духа твоего, словес, сошедших с уст, из умилительного благородства
сердца твоего.

Все совершится в покое сущности твоей без тревожненья и движенья,
едва успеешь ты заметить это. Себя осознать не перестанешь в своем
естественном ты состоянии, которое всегда такое, когда ты с Богом слит
Своим.

Господь, Господь, к Тебе мы воззовем с единственной лишь вещью,
дабы душа для человека дана была не зря!

241.

Кто даст мне взять кадило и идти, как Аарон, средь воинского стана,
чтоб змеям помешать уничтожить детей Израиля?

Как нам рисуют тех, кто не воспринял *жизни*? Для нас тенями толь-
ко их изображают и мнимым отражением того свеченья, которого они не
видели.

Осмелятся ль они явиться в лагерь, чтобы оттуда удалить врага? Придя
же в стан от имени Господня, бежать им суждено, когда им скажет враг,
как и еврейским заклинателям: «*Я вас совсем не знаю*».

Вы от теней изыдите: они — проводники прохлады. Ведь даже сим-
волы, хотя полезностью своей и обладают, необходимы только тем, кто
принципа не знает.

И прежде чем писать картину, образчики имейте для нее; и кисть бери-
те в руку лишь тогда, когда пребудет жизнь, которая вас согревает.

Вот почему жизнь содрогается от заблуждений, что порождает неразу-
мия бестактность: жизнь предается только мудрым управленцам.

Но перечел ли ты ступени человека? Воззри на лестницу его. На
ней он — беззаконник развращенный, а также чувственный, чувстви-
тельный, мягкосердечный, нравственный, духовный, мудрый и божий
человек.

Сравни же крайности ты обе эти и рассмотри их два предела: тогда
увидишь, насколько низшему всему присуще различаться с высшим.

Итак, не можем мы сказать, откуда происходят произведения наши, но
главное никак не говорить об этом, но чувствовать достаточно его.

242.

Я голову свою склонил над бездною с ее источниками. Способен кто
перенести хотя бы миг зловонье это, не испытав удушья? Ее угрюмые го-
рящие огни томят и ранят взор.

Какие хриплые звучанья из глубины исходят этих сумрачных пещер! И это вопли истины врагов. Когда же день возмездия придет, еще чудовищнее вопли станут.

Несчастные, они пока стенают только, причитая. И, кажется, лишь слезы льют свои. Тогда они от иступления завоюют, от ярости зубами скрежеща.

Пусть прежде находились больше они в земле, но не в воде; сегодня больше обретаются в воде и не в огне; а в будущем окажутся гораздо более в огне, чем в Слове; и их терзание будет заключаться в том, что непосильно станет извлечь им пользу из страданий и казней искупленья.

Они способны свои характеры на человеке отразить, чего они, к несчастью, достигают. Удача эта их безнадежность умеряет, определенную отсрочку давая их беде ужасной.

Когда же сумрак их пребудет абсолютным, когда же человек уж более не уделит им света сердца своего, тогда они не смогут сделать шага, не сделав пронзенными тысячекратно характеры свои; они не смогут пребывать мгновение одно, не погрузившись в гнев, который будет их носить, и никогда они не смогут умереть.

И бездна огласится воплем иступлений их. И вопли эти будут столь ужасны, что устршат самих несчастных, и только смерть внимать им сможет: так далеко они окажутся от области живых.

И даже молитвенные слезы не смогут снизойти к ним. Когда б одна из этих слез проникла в их пучины, они очистились бы тотчас.

Но беззаконье на часах стоит у бездны врат; сюда оно пускает лишь того, кто может увеличить царство развращения.

Оттуда оно выталкивает даже имя миролюбия, как самого опасного врага; его произнести оно не сможет, в оцепененье страшное не приведя всю бездну.

243.

Но если зло имеет силу делаться живым, то почему в подобной силе отказано молитве было? Она на свет родилась в источнике предвечном жизни! Как стать могла она, с премудростью и истиной общаясь, слабее лжи?

Дадим же ей живительную силу, которая ее удерживать не станет ни в продолжительном молебне, ни в многословии его, но сотворит, что порожденное душою нашей воспрянет пожирающим огнем, который поглотит все наши скверны.

Дадим же ей живительную силу, благодаря которой не будет тщетным наше всякое духовное движенье, и цель оно свою достигнет тотчас.

Дадим же ей живительную силу, которая, как ложное, отсець готова все травы сорные, открыв одновременно в нас растения спасенья. Духов-

ный мир деянье получил благодаря тому же Слову, что отделило свет от тьмы.

Дадим же ей живительную силу, которая, действуя на нас трудами искупленья, нам может случай предоставить их нашим ближним сообщить.

Дадим же ей живительную силу, посредством коей достигнем мы того, что наши преступления забвенью предадутся, Господь всем нашим овладеет существом, и благовоние молитвословий наших взойдет к Его престолу.

Тогда сказать мы сможем с матерью пророка Самуила: *«... возрадовалось сердце мое в Господе; вознесся рог мой в Боге моем; широко разверзлись уста мои на врагов моих, ибо я радуюсь о спасении Твоем»* (Первая Книга Царств, Глава 2, стих 1).

244.

Отсрочь суждения свои, надменный человек, и ожидай, пока приблизится Господне Царство, чтоб дать ответ пред правосудием Его.

Печалуйся о нестроениях земли, несчастях праведного и процветании людей виновных! И разве сможет отрицать твой разум, что правосудие Господне предало сей мир его же собственным законам извращенным?

И мнение свое не выражай по поводу движений и пути людском в подлунном мире. Еще в утробе матери таится эмбрион; он в потрясениях от своих порабоощающих и слабых элементов, которые способны, впрочем, быстро достигнуть равновесья своего, хотя его никак еще не восприняли.

Как можно здесь судить о силах тела, строении его, какие будут в зрелом возрасте у человека?

Желаешь ли от мысли успокоиться своей об этих выдающихся предметах? Желаешь ли о ней осведомить совет? В пучину возрожденья погружись. Она два основания имеет: и первое из них — бродящий элемент; второе — разрушаемый, гниющий элемент.

При помощи двух этих элементов ты собственную жизнь из смерти извлечешь, в которую она облачена, которой она содержится во мраке.

Тогда же правосудья вес, число и мера придут в движение перед глазами, тогда не сможешь ты уж больше сожалеть о бедах праведного и процветании виновного.

Уразумеешь ты, когда один с другим взойдут в обители, кому куда вселиваться, и будут подчиняться живым и действенным законам правосудья, которое уж не ослабит ничего: его законы уж не прикроет оболочка тела.

Какой безвременный уход! Необходимо, чтобы он претворился в мысли человека! Необходимо, чтобы стереть о нем воспоминанье и обо всем, что видел человек!

Необходимо, чтобы в ничтожество бы обратилось все, что пробежало пред его глазами, и чтобы не считал он верным то, чего не видел вовсе!

245.

И пусть возрадуется сердце у тебя! Ты ищешь Бога, но ищет Он тебя гораздо дольше, и первым Он тебя всегда искал.

Ему молись ты! И будь уверенным в успехе своей молитвы. И если даже ты окажешься довольно слабым для молитвы пылкой, то не найдется ли любовь, которая молиться будет за тебя?

И все благодеяния любви Его тебя познают. Неблагодарный человек их забывает: пренебрегает ими смертный, что разочарован; он в сторону уходит, их оставляя за собой.

Воспринял луч ты этого огня; он должен возгореться и грани новые нести тебе любви сей, и новое тепло, которое сильнее в сорок раз.

Воспрянь же, человек. Тебя Он призывает, и сан тебе дает между священства, тебя провозглашает жреческою расой. Одень ефод с тиарой. Перед собранием явись, исполнившись как будто бы величием Господним.

Там всех наставят, что проводник ты святости Его и что Господня воля в том, чтоб святость облеклась бы полнотою своего господства.

Коснись же музыкальных инструментов: они готовы звуки издавать. И ко всему, к чему приблизишься в природе, твоей рукою вдохновится, Господню славу восприняв.

И это твои слезы, которые дадут им слово. Ты власть их узурпировал, в себя ее упрятал, как будто вещь похищенную. Необходимо, чтобы вышла из тебя она путем скорбей, поскольку в тебя вошла тропею беззаконья.

Все мирозданье своим доверием перед тобою протестует; так не задерживай же долго возврат того, что причитается ему.

И утопи всех развратителей в потоке слез своих; и лишь по морю этому способен плыть Ковчег Завета.

И только этим ты праведное семя сохранишь, и истины закон сойдет всю землю одухотворить.

246.

Изумлены тому вы, что, вытащив из бездны нас, нам все же нужен Избавитель, и мы не можем в одиночестве скитаться.

Изумлены тому вы, что медленно, с задержкой внешнюю работа совершалась, и вы несколько не ее неисчислимые труды, которыми она обременяется безмерно посредством человеческой руки.

Исследуйте круг ваших отношений. Вы обнаружили бы в нем родство с началом, ведь вы в его утробе пребывали. Затем вас связывали с ним и отношения вашего предназначенья. И после преступленья оно привязано к вам чувством нежности.

От этих отношений переходите к отношениям раздельной непрестанной действительности; отсюда, коль вы соблюдете верно их, под силу вам восстановиться в ваших вечных отношениях.

О, ты, прекрасное число Того, Кто ведаёт одновременно рождением, развитием и завершением!

Не знаете ль Того, Кто держит все во власти Слова Своего, и циркуль Кто заносит постоянно над мірами.

В какое время можете Его пройти, и как хотите вы Его опередить, когда вы не идёте вместе с Ним? Блаженно сердце, которое одну нужду лишь знает: соединиться без остатка с Тем, Кто держит все во власти Слова Своего!

Блаженно разумение, которое, поднявшись в предел верховный этот, не обладало б небреженьем собирать цветы в пределах предыдущих!

Оно смогло бы разделение сущностей произвести, смятенных до неузнаваемости вперемешку, поскольку очистительный огонь всегда зажжён будет.

Когда войдет в святилище оно, не обратится больше, чтобы видеть то, что происходит в портике, поскольку знание здесь обретет.

247.

Каков предмет и место каково, от коих человек получит удовлетворенье, когда он не привносит в них ни принципа, ни зарожденья?

И если вносит в них собою он зарожденье и начало, то каково же место и каков предмет, от коих не получит удовлетворенья человек?

Как будет пребывать священник у жизни алтаря, когда сам не несёт он луч, который притягивает жизни дух? И если чем-то обладает он, что привлекает жизни дух, не смог бы он все оживить и даже смерти жертвенник?

Так знай, прельщенный человек, какой характер ты обязан во вселенную нести. Ты, как хранитель жизни, все вещи сущие запечатлел.

Ничтожеством они являлись для тебя, пока не начал их одушевлять огнем священным ты, который право брать имел на алтаре живом.

Но разве жизнь сегодня вокруг себя ты сеешь? Ее несешь к вещам, что приближаются к тебе? Не стоит ли тебе от них взять радости и жизни, которые ты должен им давать?

Однако ты стремишься в них погасить луч огненный, дарованный природой. Все сущности переставляешь ты; считаешь ты, что не на месте всё.

Ты искажаешь все, уродуешь, вплоть до своей природы, ища повсюду радостей и наслаждений, которые не должен был в себе производить. Что извлечешь ты из своих направленных на пагубу усилий? Из них извлечь ты можешь только жестокие разочарованья.

Не ощущаешь разве с условием каким ты раньше мог использовать блаженство? Тогда необходимым представлялось, чтоб разум твой не пребывал мгновенья одного без мысли верной, и сердце бы твое не билось без чувства нового и чистого, и действие твое не оставалось бы без животворной и спасительной работы.

И научись, по крайней мере, ты в заблуждениях убеждаться в величии своем, предназначении высоком. Жизнь ложную, однако, стремишься сам распространить на все предметы, которыми ты окружен.

И даже в ложности своей она еще прообраз жизни сущей, которой призван был ты наделять.

Ты плохо действуюешь, ты действуюешь во лжи, но ты несешь деянье: оно одно и доказует, что дано было во благо и для истины, поскольку даровал его Создатель истины и блага.

248.

Когда виновным оказался человек, он был мгновенно подчинен трем испытаниям и искушениям трем: они собой объяли всю полноту времен.

Не смог бы, человек, ты вынести и одного из этих испытаний, не будучи ни сокрушенным и ни побежденным.

Десница мощная перед врагом лукавым и тобою встала в миг твоего паденья, лукавого убрав из времени второго испытанья, остановив тем самым удар, который намеревался нанести тебе князь тьмы.

И вновь появится она между тобою и врагом в конце времен и в пору последнего соблазна, поскольку тебя любит, не желая твоей гибели.

Эпохи эти были продлены во избавленье человека. В них обнаружился лукавый, когда пытался искушать Спасителя, ведь он Его терзать посмел еще перед началом всех времен.

Пытаться станет искушать Его он и в конце эпохи третьей, однако, как ответ, получит низвержение в бездну.

И для того, чтоб совершать работу тройственную эту, божественная Восьмерица отделилась от Десятерицы, и в ней пока не восстановлена. Вот почему и остается существовать число-посредник, которое сегодня служит интервалом им.

Вот почему огонь еще внизу, тогда как, повинаясь закону восхожденья, он должен быть вверху; отсюда в терпении пребывает вся природа, и существа все ей подчинены.

В предел покоя взор свой устремил: пребудут там все сущности благие в воздействии безмерном истины и света.

Судьба такая ожидает тех, кто смогут победить, и тех, кто совершат свой труд до исполнения времен, тех, кто сумел работать в общении все-ленском.

Ведь завершить свою работу прежде, не значит ли, по крайней мере, много заработать с *внешней стороны*, хотя иллюзия сия всегда ущерб нам предвещает?

249.

Как мог забыть бы Свой союз Господь Предвечный с человеком? Ведь даже отступления людей существенней его прообразуют. Их нестроения останавливают движение жизни над ними; лучи божественные заставляют течь они назад к источнику: так узнает Господь о наших нуждах и грехах.

Пребудем праведны, умеренность познаем; и Божии лучи тогда распространятся мирно, без препятствий, вплоть до последних веток древа.

Послушными же станем голосу Господню; когда же повеление придет нам приготовить брачный пир, мы не откажем для него свой дом отдать.

И если б не было любви у Бога к человеку, искал бы сблизиться Он с нами?

Земной и темный человек, не из-за чувственных ли отношений тебя влечет к соблазнам материальным?

И почему же, отношеньям внемля с вещами, что тебя превыше, тебе никак не удавалось соединиться с ними в устойчивости истины и духа?

И если б человек не забывал, что он — стезя Господня, Бог Сам бы вскоре сделался путем для человека.

250.

Пророков Господа оставим управлять вещами Бога. Дух истины на них почиет своей властью; и только через них он исполняет все замыслы и волю Божества.

Они подобны ртути с жидкостью спиртовой и предназначены являть *температуры* атмосферы Божьей.

Отдельно действующие, кто вы подле этих колонн великих зданья? Усилья ваши многие, посты, обряды вам подчиняют несколько пределов или отдельных лиц из этих областей.

Господство это послано ли вам от Бога? Не зыбко ли оно? В поддержке не нуждается ль оно, чтобы от вас не убежать? И после, каким ужасным смутам только вы не подвергались!

Когда насилие ваших действий вам принесет определенные итоги, вы скажете: «*Такое дело сделал я*»; и ваше самолюбие предстанет тем, кто от него плоды все собирает.

В писаниях Иеремии узнает Даниил счет лет опустошения Иерусалима. И это озаренье он никогда бы не обрел в труде от собственного изволения.

Ничуть себя не прославляя, он простирался ниц и ведал лишь молитву, пост, власяницу, пепел; в признании своих ошибок и заблуждений своего народа, он разумел: его молитва была услышанною от начала.

Поскольку представлял *желанья человеком* он, постольку был смиренным, пройдя через избрание Господне.

Вторая Даниилова молитва была услышана от самого начала, хотя плоды свои дала лишь по прошествии дней двадцати и одного.

Ибо Персидский царь все эти дни сопротивлялся духу, царь Греческий пришел, чтобы усилить сопротивление его, но дух помощником явился в этой брани посредством Ангела Евреев.

Что от людей желанья просит дух? Да только то, чтобы к нему они прибегли в своем труде. Да только то, чтоб помогли они ему своей молитвой покорить *царей* народов избранных.

251.

В молитве с Богом я соединюсь, как корни древ соединяются с землею. Соединю свои сосуды я с сосудами земли животворящей этой, и буду с ней отныне жить одною жизнью.

Плыви всегда в своей молитве, как в распростертом океане, в котором не найдешь ни дна, ни берегов, где беспредельность вод тебе приносит каждое мгновенье свободный и спокойный ход.

И вскоре человеческой душой Господь овладевает. В нее Он входит, будто властный господин в свои владенья.

Изыдет вскоре и она из рабства края и порабощенья дома, где час она пребыть не может без нарушения божественных законов.

Из той земли порабощенья, где понимает только чуждые наречья и позабыла свой родной язык.

Из той земли, где даже яд становится необходимым, чтоб из скорбей ее изъять.

Из той земли, где много времени она в смятении живет; и лишь смятение осталось: вот в чем могла бы отыскать она соотношение и тождество себе.

252.

Когда исполнится деянье? Когда же груды скал сойдут во прах? Не это ли труда отдохновенье, который все окаменевшим сделал? Не здесь ли возрождение деянья, что дать должно движение и жизнь?

Отдохновение от трудов рождает затемненный цвет. Но возрождение деланья светящимся в себе его являет.

Сколь он животворящ цвет этого свечения! Ничтожество пред ним ты, лилий белизна! И умаленней его намного белизна снегов: ничем вполне живым не обладаешь ты, чтоб верно передать свечения цвет.

Собою отражаете вы лишь его прообраз. Имеете вы человека цвет, что от грехов омылся. Однако не изображаете вы человека, восставшего в активности животворящей.

Кипящее в печи железо лишь отразить способно человека в активности животворящей. Се человек потоком жизни увлечен. Он им взволнован и исполнен: божественный огонь творит теперь все вместе с человеком.

Не вспоминает больше он о своих грехах; к ним боле непричастен он, пусть зло и существует. Зло для него ужасной тайной предстает, к которому приблизиться со страхом только может.

Вот тот, кем стать способен человек, который свою душу без остатка премудрости раскрыл, кто волен ощущать теперь лишь кротость ее присутствия, ее любви.

Так поспешите омовение совершить в купели, в духе обновившись. Способно ль тело ваше от раны исцелиться, коль больше не почувствует малейшей боли своей скорби?

То время миновало, когда поодиночке человек войти в купель стремился; сегодня всем в нее низринуться возможно: имеет повеление Ангел в ней воду непрестанно возмущать, дабы все те в семье людской, которые желают, в нее бы погрузились.

253.

С того момента, как закон бинарный обрел рождение свое, могла его бы разве устранить премудрость без обладания тождественным законом? Под властью вторичного закона явился человек; он вышел из единства, дабы остановить закон бинарный.

И человека объял закон вторичный в соотношениях с эманацией его.

В соотношениях с его существованием духовным и телесным.

В соотношениях с двойственным существованием, меж ним и Евой разделенным.

В соотношениях с его сопротивленьем злу.

В соотношениях с законом действия с противодействием, который правит мирозданьем всем.

Однако разница какая у бинарного закона со вторичным! Один является законом смерти, а также разделения и разрушения законом; другой —

закон объединения, восстановления и сотворенья, поскольку все премудрости произведенья стремятся к жизни.

И третьего жена должна была образовать посредством силы мужа, зло исправляющего. Она создала новый бинер, со злом соединившись; и человек после нее образовал и третий бинер.

Ведь приближаясь к злу, в них повторяются число с законом, не составляя с ним союз реальный, поскольку сущность зла есть разделение.

Другой закон вторичный снизошел тотчас от преступления; однако необходимо стало, чтоб снизошел и третий закон подобный, и женщина должна была предуготовить законы все вторичные, поскольку она служила существом, сосудом, средством для трех бинарности законов.

Рождение она дала потомству человека изначального.

Своей пятой она уж раздавила голову змеи.

И образовала человеческую оболочку Спасителя.

Она восстановила закон троичный, который должна была создать первоначально.

Но создала она его по отношению к человеку только, и потому первичный замысел еще для исполнения остался.

И значит, смертные, слова свои вы больше изучаете, но не идеи. Вас можно слушать превосходно, но рядом с вами ничему не научиться. Путь истины исследует идеи больше, нежели слова: ему без слов наставиться возможно.

Ужель людское красноречье может в святыне водвориться этой? Ведь легковесный человек заморожен очарованьем слов своих; благоразумный человек заморожен безмолвием очарованьем.

254.

И содрогнулись горы, когда народ Еврейский вышел из Египта, земля поколебалась при виде Господнего лица; и взволновались небеса в победе вящей, освободившей человека от гибели земли.

Превосходившая победы Моисея, победа вящая не сокрушила никакого племени людского, поскольку в Израиле людское все семейство представляло, что избавлялось из земли порабощенья.

И князя беззакония она обрушила в его пучины; врата она открыла славы и могущества всем тем, которые желали приблизиться к Освободителю и в истине, и в духе.

Не исполняется кто смелостью и силой в присутствии одном отважного, могучего и славного воителя? Не поделился ль только с избранным Давид, что будет избран?

Зачем рассказывать о сей победе вящей и славе Избавителя тем, кто еще не начал Египтян покорять и тяготы сносить пустыни?

Придирчивые люди, воспитанные сухостью ума, служить хотите вы лишь циркулем с линейкой.

Но для строительства ведь нужен мастерок? Когда вы им служить не захотите непрестанно и без боязни жары дневной, свое вы здание не возведете вовсе.

Вы не приблизитесь к воителю, и ведать о победе вящей не станете ничуть.

Без действия вы разуметь хотите; но Тот, Кто отделил вас, имеет право требовать, чтоб действовали прежде пониманья вы. Ужели грехи ваши вам не дают достаточного разуменья?

255.

Предызбранны ль пророки? Не могут ли существовать наследники труда их и борений?

Столь часто большие гении произвольно получали высокие идеи, но также часто они овладевали ими, от облаков освобождая, которые идеи окружали.

Ученые в познаниях людских порою обретали большие озаренья света в момент, когда они его лишь в наименьшей степени достигли. Но также иногда они их для себя разоблачали посредством пристальных и неусыпных наблюдений.

И вы, кто ценит добродетель, вы часто ее ощущали, когда она в сердца ваши внезапно нисходила и их обогревала.

И часто вы врага отталкивали от себя, который замышлял ее держать от вас подальше, и после усилий славных вы вновь могли соединиться с ней в союзе кротком.

Так вдохновись же, человеческая сила, скажи горам, что преграждают путь тебе, перенестись далёко от тебя, — и сокрушатся они в море. Тогда, как грозный царь, пойдешь ты на завоевание святого града.

Земля, что горше смерти, какую тяжестью довлеешь ты над человеком, когда желал бы он свою главу возвысить до небес! Но только этим тяжким грузом ты можешь привести его к первоначальной простоте.

Тем самым ты смываешь все его грехи, которыми он наполнялся и наполняется все дни. Смываешь ты презренные металлы, чтобы лишь золото сиять оставить, ведь им единственным язык пророков из камня выжимает мед и платит выкуп за плененных.

256.

И от того, что люди заблуждались и заблуждаются все чаще, посмели вы неверие свое распространить на Бога Самого.

Когда ж они деснице предадутся, которая поддерживает и ведет их? Когда они забудут собственную мудрость, чтоб им воздвигнуться на основании едином, где вечная колонна истины восходит?

Придите в ликованьях танцевать вокруг этого животворящего столпа. Он сам произведет все гармонические звуки, что упорядочат движения у вас, определив им меру.

И от него же изойдет свет кроткий и блистающий, который заповедное пространство озарит.

Фестоны и гирлянды протянутся с его вершины до крайних точек этого пространства, образовав собою восхитительные арки, которые не перестанут вас предохранять от всех превратностей погоды.

Ваш взор они утешат зрелищем прекрасным и благовония распространят, которыми все ваша сущность заблагоухает; вы обретете столь отрадные жилища, что впредь не захотите их покинуть.

257.

Не для того ль, чтобы оставить часть духа на земле, сюда на испытанье послан человек? И для чего бы действие его служило, как если бы не для того, чтоб силы, добродетели живые на нем свои особенности запечатлевали, за ним их прочно закрепляя?

И горе, смертные, из вас тому, кто появился на земле напрасно, кто не сумел посеять никакой здесь добродетели. Однако горе и тому, кто вашу мысль блуждающе сделал, кто никакой не проявил заботы о вашем существе, чтоб мысль у вас на место водворить!

О таковых никак не скажут: «Они достоинство существования ощутили своего, и долг исполнили со славой».

И души мирные о них подобного и вовсе не отметят:

«Они в несчастии нам помогли, они спасли от развращения нас, и поддерживали нас своим примером, и вкус к премудрости в нас породили; и к ней одной должны стремиться мы, ее предпочитая наслаждениям мирским».

Вы будете ничем для ваших ближних: такими вы сумели стать и для себя. Забудут вас, как дуновенья легкие ветров, которые теряются в воздушной массе.

И горе вам, когда вы символами остаетесь злодеев и лжецов! И горе вам, когда народы придут вас укорять из-за своих заблудших! И горе вам, коль могут они сказать вам:

«Вы есть причина наших разочарований и обмана, в котором оказались мы; вы есть причина преследующего нас смятенья; и ваши имена способны мы произносить на языке проклятий только!»

Слова чудовищные эти преследовать вас станут даже до могилы; они вас истязать еще сильнее будут, чем трупный яд всех ваших домовин.

258.

О, просвещение и гордыня! Как могут совмещаться эти вещи две? Послушай.

Тебе необходима жизнь одна для изучения лишь имен у малой части органов, что образуют тело; и эти наименования условные тебя уж не обучат ничему.

И оказалось нужно всего одно деянье слова, чтоб сотворить существ безмерность с их принципами, положительными именами, всеобщностью законов их.

Смиренье как тебя объемлет силой? В господство принципа тогда ты входишь, и сила вся исходит от тебя. Когда же восхваляешься, то делаешься слабым, поскольку отделяешься ты от начала, себя желая поместить на его место.

Когда для осушения слез твоих и пота животворящая премудрость желает звучной сделаться тебе во всякой сущности твоей, металлу звонкому уподобляясь, с чем можешь ты связать благодаянье это?

В самом себе ты не соединился ли с непроницаемыми самыми и тайными субстанциями?

259.

Мне недостаточно раскрыть премудрость, мне нужно, чтобы свет ее помог мне различить все то, что встречу на своем пути.

Необходимо, чтобы, напрягаясь, я приподнял надгробие свое и смог свободою облечься и свежим воздухом дышать. Мою могилу составляют осколки утлые вселенной; вверху лукавый враг ее отягощает из опасения, что камень легок.

Нельзя довольствоваться тем, что человек мир поднимает, несет его, уподобляясь Геркулесу, на собственных плечах, ведь самому ему необходимо водвориться над сферой мироздания: от высоты сего престола сумел бы он парить с ветрами в бескрайности пространства.

Его наречье отточилось, пронзающим предств, как меч Господень; оно объяло все планеты и там открыло элементы и сущности, слагающие их.

Оно низвергло огненные облака, наполненные дымом, что изошли от внутренних пристанищ. Оно свело все к намерениям порядка, и неуверенность со смутю исчезли.

Не расслабляйся боле, человек; медлительность есть небреженья плод. Познай себя и постарайся достичь высот, с которых не низринуться тебе уж.

Господь тебе поможет в твоём деле: тебя Он не оставит впредь в твоих проступках, слабости твоей.

Не вскормлены ли реки водами от своего истока, пусть даже и они нисходят в бездны моря?

Он ожидал с терпением Своей любви, чтоб дни Его утешенья пришли.

Они настанут эти дни, когда ты посвятишься навсегда служению Его и размышлению над божественным законом, желая твердо человеком в своем сердце претвориться.

260.

Соединится Он со мной, и станем мы союзом, который никогда не распадется, *ведь мы в единой плоти будем двое*.

Так наши блага общими пребудут, и примемся мы вместе созидать и непрерывно возвращать все наше достоянье.

И польза одного навеки будет пользою другого. Любовь всегда ведь существует для двоих, скупее алчности она, которая живет лишь для себя.

Порядок с безопасностью поддержим в наших мы пределах. Нас будет средство занимать, как дольше сохранить богатства наши.

С мгновенья пробужденья своего не перестанем мы о планах размышлять, чтоб ежедневная работа нам приносила значимую пользу.

И вечером, у очага усевшись, мы подведем итоги дел дневных.

И вскоре мы заметим, сколь *золото* обильно между нами. И вскоре *торговля* наша распространится до краев *земли*.

Богатства наши *доверье* установят к нам; окажется достаточным присутствовать нам просто, иль даже имя нашего честного, чтоб все могучие дома открыли нам *сокровища* свои.

Желанья наши отверженья не узнают, и радости любые нами будут щедро раздаваться для достояния своих *сограждан*, ведь наши выгоды законными предстанут и платой за работу нашу.

Кто так поступит, коль, по устроенью дома нашего и украшению его изящными дарами, вельможи светские впадут в немилость из-за наших посещений?

261.

Но почему же люди стремятся мало к продвиженью своего труда? И почему в труде своем они враждебны столь друг другу? Хотя тогда бы кротко исполнялся он путями ликования и мира.

Тогда смогли б они воздеть над бездной свои руки, над жерлами, через которые огонь и дым вздымаются в воздушное пространство.

Без брани, без томления иного само бы беззаконье пребывало в глубях своих убежищ темных. Земля о нем не обладала бы познанием малейшим; и правосудья человек по ней бы пролагал свои спокойные шаги, и мир повсюду шествовал за ним бы.

Людские руки, распростритесь во имя правосудья, образовав собою свод безмерный, который бы упрятал навсегда от наших глаз воспоминанье и следы смятений.

Придите, люди, созидать сие громадное сооруженье. И воздвигайте памятник для вашей славы. Не убоится даже времени он власти, и будущие поколения во всей своей красе его увидят, равно как те, которые его создать сумели.

И каждый из родившихся людей пребудет живым камнем строения сего; и всякий человек, который к своим отцам причтется, им принесет еще сильней опору, чем в пору своего земного пребывания.

Они не пожелали этого. Они никак не распростерли руки свои над бездной. Они, наоборот, лишь увеличили отверстия ее.

Огонь и дым почти их удушили. Вот так они и смогут уберечься; такой ценою свет от тьмы здесь станет отделяться.

Теперь обязанность их — побороть свои же силы не для того, чтобы обрушить беззаконье в бездну, а дабы беззаконие туда их не низвергло с собою вместе.

Когда они оборонятся со стороны одной, с другой оно одолевает не перестанет их. Ни днем, ни ночью они отдохновенья не узнают. Необходимо устремляться им по направлениям разным сразу, чтоб уберечь себя пусть и неважно.

И столкновенье страшное случится меж силами людскими и могуществами бездны, которая готова окончательно сразиться; кто из людей, познать способный, какое победителей число предстанет?

262.

Чему я уподоблю душу человека и человеческую мысль? Сравню я их с великим градом, на водах многих восседающим, которые приносят в средоточие его творения земные.

В Писании Священном потоки эти текут со всех сторон, собою разверзая плодородные долины.

И значит, непрестанно они вбирают в изобилии богатства, которые приходят к человеческому духу питанием разнообразным.

Несчастье тому, кто ежедневным пропитанием своим не сделает Священное Писанье! Иссошатся и кровь его, и клетки нервные, тому подобно, как у человека, страдавшего немало от голода и жажды и не вкушавшего нисколько пищи.

И почему столь превосходно уметь цитировать Священное Писанье для назидательных бесед? Но ведь когда отрывок из Писания удачно приведен, не нужно больше делать ничего.

Тогда сам Дух, который диктовал Писание Святое, становится на наше место и открывает истины рассудку тех, кто слушал нас.

Не замечаете ли вы в подобных случаях, что каждый слушатель смолкает и тотчас размышляет в тишине?

Являемся мы в дольний мір лишенными любого вида знаний. И доказательством сему нам служат забавы детства, поведение детей: все здесь неупорядочено, не подчинено рассудку.

Однако в себе несем предрасположенность к познанию, отсюда в детстве мы обладаем способностью и правотой, какие в данном смысле передаются часто зрелым людям.

Последуем же неотступно законам этих нежных насаждений, пока мы не достигнем высоты ливанских кедров, к чему придем, коль ежедневно будем поливать свои *коренья* водою из Священного Писанья.

263.

Предали вы сей мір для распри человеков. Для них же счастье только препираться меж собою!

И если бы открыли им пружины тайные, которые крамолой движут повсюду в катастрофах, мір сокрушающих, возможно, они бы сами не снесли подобного спектакля.

Еще бы меньше смогли бы выдержать они людской истории анналы наблюдать: последние плачевнее намного и потаённо больше.

Отсюда недоразумения исходят. Они всегда лишь спорили о естестве, но человека отрицали.

О, человек, столь существо твое огромно, что только действие одно способно доказать твое величие.

Никак не можешь обрести ты место между сомнением и чудом. Коль не воздействуешь ты на міры, то прекращаешь думать, что произошел ты от Зигдителя міров.

Кто может перечесть все человеческие чудеса, вселенная какая способна их вместить?

Займись же добродетелями прежде, чем заниматься силами своими. Старайся лучше поступать ты раньше, нежели *влеченья сил твоих* запечатлеться смогут на тебе своей печатью. И на тебя они ее и вовсе не наложат, когда не дашь доступности им легкой в себя; и только добродетели твои должны служить проводниками им.

Как благодетельна и снисходительна премудрость!

Из вящих добродетелей, которые ей были посеянными в человеке с возможностями достижения ее, она лишь об одной из них у человека вопрошает.

И человека она просит открыть единственный канал, дабы она проникла бы в обитель его души и духа.

Не притязай на власть, пока сам не усвоил одну единственную добродетель, но уповай всегда соединиться с ней, поскольку любой узою своей она тебя удержит в родстве с собою кровном.

О, если человек извлек бы пользу пусть и в одной из мимолетностей счастливых, какие посылаются ему течением жизни!

Взяв в толк одну из них, он смог бы вполне увериться в своем пути и обеспечить для себя благое завершение странствия.

И разве пахарю, прошедшему по пашне одну прямую борозду, ее достаточно не будет, чтобы по ней выравнивать все остальные?

264.

Нет ничего прекрасней порожденья вечного. Все сущности в нем друг за другом следуют в покое и способом неосязаемым. Заметьте, как происходят удачливые мысли ваши. Образование их легко, естественно, и вам не стоит усилять никакого.

Но порожденье духа для преходящего порядка мучительней, ведь целью его является сопротивление насилью. Вы испытуете тогда отчаянное ощущение, пусть и оплакивали нечто вы из милосердия.

Господь сказал: *«Тебя Я породил сегодня»*. И Он сказал: *«Тебя Я произвел до всех столетий»*. Кто разницу не чувствует двух порождений этих?

Хотя закон первоначальный способен с человеком нисходить и в область преходящего, он следовать за ним не перестал бы в безднах, когда б там мог он порождение иметь в пределе смертном.

Последовал бы он за человеком и в порождении материальном, когда б свое происхождение из вида не утратил и ревности святой по умножению праведного войска.

Блаженно поколение, которое появится на свет благодаря такому порожденью! Оно ведомо станет божественными вечными законами, присутствиями их исхожденью.

Оно пройдет сквозь материальные пределы, ни беззакония, ни скверны там не восприняв; оно пройдет сквозь области мыслительного сора и не узнает в них ни потрясений, ни скорбей.

Ведь неотступно будет жить оно в законах кротких божественного порожденья; вот потому-то враг пред ним и вострепещет, и пленники его получат избавленье.

265.

Ты доступа взыскуешь к сердцу человека, как если бы нуждался в нем! И разве днем и ночью не взыскуешь Ты меня, дабы во мне любовь бы возродилась из зерен покаяния?

Ты сделаешь меня воителем ужасным для врагов Твоих.

И сильным врачевателем болезней.

Хозяином для элементов.

И другом всех избранных.

И защищенным своими *благодетелями*, что никогда меня уж не оставят.

И драгоценным чадом своего отца.

Учеником послушным для наставников моих святых.

И подлинным поклонником Моего Бога, который хочет, чтобы поклонялись Ему лишь в истине и в духе.

Пусть длительной и совершенной силой обильно наполняются сосуды сущности моей, подобные волокнам вечных кедров!

И пусть побегу этих древ бессмертных произрастут от средоточья человеческой души. Пусть огонь проникнет в девственную землю!

Когда Господня крепость оживит растения спасительные эти, Его глагол разжигит все: движеньем предстает он. И удивимся ль от того, что мог бы он расплавить скалы, в движенье все оборотив?

Какие наслаждения сравнятся по состоянию с Господней радостью? Предметы содрогаются от радости ребенка, поскольку все ему являет отблеск чистоты его, невинности и жизни.

И разве наслажденья Божии и радости святых не будут всеобъемлющи и непрерывны? Они — сплошное отраженье совершенств предвечных Бога Нашего.

266.

Одушевляется глас естества; движенье образуется; все пробуждается. Слух человека шумом поражен, что порождается вселенским воскресеньем.

Смерть убегает медленно, шепча о том, тревожит что отдохновение ее. И вой она еще свой испускает, от беснованья скрежеща зубами.

Но мир уже провозглашен в Израиля военном стане. И часовые уж не смогут переключаться меж собою, бодрствуя ночами и стражу содержа в порядке. Для них уж более не будет ни возгласов войны, ни криков облегченья.

Все сущности, из коих состоит природа, в пронзающие звуки обратятся, проникнувшись всецело преклоненьем. Вот новая земля и небеса.

И гласы сущностей природы, людские гласы, и глас первосвященника с левитами своими соединятся разом, чтоб образовать хор вечности в ограде Нового Иерусалима.

Миролюбивый человек, предуготовь свой слух и свое сердце: тобою чаемые наслажденья вовек не прекратятся.

267.

Премудрости служителем явись; и обучайся под ее началом смиренным быть и действенным одновременно. За ней последуй скромно, держась всегда на верном расстоянии, откуда, выказывая ей свое почтение, готов ты станешь постигать ее наказания в мгновение ока.

Когда вступаешь в дом, то думай только ты о разгадке ее желаний, а также исполнений их. Ее ты предваряй во всем, что может ей понравиться; не оставляй сносить ей никакой нужды и никакого неудобства.

Когда же завершится день, о том помысли, как услужить подобным ровнем ей и завтра. Будь на ногах восхода солнца прежде, и делай так, пока *зарю утренней себя не выкажет* она своим служителям, найдя все надлежащим в своем доме.

Благодаря усиленным и непрестанным бдениям она тебя отметит среди служителей своих, вознаграждением воздав, которое достаточным пребудет на *склоне дней* твоих.

И ни на миг не забывай, что создан человек, чтоб быть премудрости слугою, и это самый благородный титул, который может он носить.

268.

Зачем вы засеиваете поля своим зерном, о, люди века преходящего? Не в упованиях ли, что это обильный урожай вам принесет?

Зачем вы тело изнуряете свое усталостью и потом? Не для того ль, что обольщаете себя извлечь из всех усилий ваших плоды, которые сторицей возместят убытки ваши?

И почему вы не хотите так же использовать иные ваши свойства?

Зачем расходуете понапрасну свои слова, и как беспечны в результатах вы, которые влекут они собою? И разве слово вам не дано, как и другие зерна, дабы производить вам урожай?

Блажен, кто всякий день заботится об урожаях слова, способен кто себе сказать по завершении дня: «Я не напрасно его *сеял*, и не *возделывал* его я зря; земля мне воздавала большим, чем я ей отдавал!»

Но разве в книгах должно сеять слово? Не есть ли книги мертвая земля, где слово уж ничто не может обрести и дать ей ничего не в силах? Душа людская — вот земля естественная слова.

И в душах нас и наших ближних необходимо сеять слово, чтобы оно произвело нам урожай разнообразный.

Создателю же слова нужно воздавать почтение словом и его плодами, поскольку Он — земля живая, что порождает, производит самое себя и не имеет никакой нужды в посеве.

269.

Когда исполнится моя молитва силой? Когда же она станет подобная огню печному, металлы расплавляющему?

Служением жестоким, необходимостью суровой будь скорее, моление мое! Бальзам становится таким же очищающим для ран! Любая его капля, в них проникающая, несет выздоровление и жизнь!

И несомненно, что для дарованья жизни и здоровья, Ты, Господи Всевышний, человека сотворил. О чем судить он может по доброте, какую испытует его душа, когда им выполняется божественное назначение.

О чем способен он судить и по скорбям, когда рассматривает бедствия народа, желая в распоряжении своем иметь бальзам из Галаада, чтоб исцелить их.

Исполни же слезами, коль не можешь ты применить бальзам из Галаада. И если непрерывными они пребудут, возобладают силою его произвести, заставив вместе с ними течь.

И если позволительно желанью ревности предаться, то это для души, что ощущает скорби милосердия.

Мои глаза, наполнитесь слезами! Рыдать мне должно будет на протяжении столетий, пока не возвращу бальзам животворящий.

Но почему столь долгий срок? Да потому, что все столетия я в расстояние обратил меж Ним и мною.

К тому же, если б обладал отвагой я рыдать в течение столетий, то разве не обрел бы я Его, не овладел бы Им вне времени и вне столетий?

270.

«Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего» (Второзаконие, Глава 18, стих 9, 10, 11, 12).

Бог основал Свой храм у человека в сердце; и там он план его предначертал; а человеку остается стены возводить храмины и завершать строенье все.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему...» (Бытие, Глава 1, стих 26).

Здесь будет установлено святилище Мое, Я это место сокровенное назначил святым святых.

О, человек, здесь тайновидец избрал обитель для себя; так окружи ее деревьями большими и густыми, чтоб их вершины, соединяясь в арки, над ней склонялись, ее от взгляда профанического пряча.

И для себя ты сбереги врата единственные эти, желанья удрученный человек, и в них вступай ты как первосвященник, снаружи оставляя все нелепые хотенья, всю алчность ложную, все ризы оскверненные свои.

Вступай туда один с единой мыслью, чтобы она была бы мыслью Бога Твоего. Так без остатка ты отделиться сможешь от мироздания всего, имея только Господа в свидетели своих молитв и просьб.

Почтительно приблизься к тайновидцу и ожидай в безмолвии, все свои внутренние силы как бы устранив.

Не преминешь воспринять ты ответ, пусть не услышишь слов произносимых вовсе.

Оттуда выйдешь, излучая славу обители священной этой. Ты будешь вынужден скрывать лицо перед народом из опасенья, чтоб его не ослепить.

Ему ты о Божественных решениях сообщишь, и будешь сам предохранен от уловлений и обманчивых указов князей лукавства.

Пусть твои мысли непрестанно устремятся в тайновидящее сердце; Господь желает, чтобы слушал ты лишь одного его; обязывает Он тебя бежать всех предсказателей иных.

Храм основал и тайновидца Своего поставил Господь у сердца твоего, чтобы в столетие любое, в любом из мест, где будешь находиться, ты смог войти туда и посоветоваться с Ним.

271.

И разве, погрузившись в лень и небрежение, ты должно обрешь взгляд Божий и Божию десницу?

Не забывай же никогда: Господь Наш — Бог ревнивый, Он любит, чтоб Ему молились, поскольку лишь молитва открывает доступ к Его божественному житию.

Взмолись, душа людская, взмолись, моя душа: не можешь ты молиться, когда б Сам Бог с тобою не молился. Как может Он тебя отвергнуть, когда влечет тебя, прося лишь об одном: Ему молиться?

Предавшись сильно вещественному миру, который от тебя идею устраняет вещей возвышенных, захочешь ты задать вопрос себе однажды: *«А существует ли предел духовный?»*

Когда ж до краю одухотворишься ты, то в состоянии будешь спросить себя: *«А существует ли материя вообще?»*

Небытие и квиетизм материи триумфом предстают, однако они являются для духа адом.

Ведь ты не отрицаешь, что шаг единый к заблуждению с собой приводит страсти, и разве недостаточно всего лишь шага, чтоб быть пресыщенным страстями?

И если сделаешь второй ты шаг, страстям предавшись, то станет сложно для тебя оттуда возвратиться, поскольку это будет не обманом соблазняющего естества, а жалом смерти, которая посредством своего числа и своего отравленного жезла тебя опутает своим господством.

Но почему ты дальше не пошел стезею извращенной? Не приводила ли она тебя к чудовищному рабству? Да потому что ты во власти избавления, свободы, счастья пребывал.

272.

Мой друг, води меня к источникам живым. Начнем питаньем силы восстанавливать свои. Ведь нам необходимо сорок дней идти, чтобы достичь горы Хорив.

Мой друг, води меня к источникам живым. Призвав Предвечного, пойдем познать земные страны. Пойдем, смиряясь и себя безмолвием готовя; не должно ли нам именем Господним облачиться, чтоб в этих странах нам не затеряться?

Пойдем на Север, чтоб исполниться там силой и доверьем; и вскоре будет покорен сам Юг. Затем к источникам живым мы возвратимся, чтобы воздать им поклоненье.

Зачем они закон с распоряженьем дали, которые рассматриваться могут только советом благотворным? Насколько кротка же верховная премудрость! Она нас призывает, хотя и не повелевает нами вовсе.

Мы можем человека к убеждению привести, поскольку оно зависит лишь от мнений наших, но мы его не сможем в веру обратить, ведь единение она и чувство вместе.

Мы можем привести его к учению и просветить благодаря занятиям ежедневным, но мы не сможем привести его ни к мудрости, ни к жизни одухотворенной, поскольку дух сам по себе ему дается.

И он дает единственное знание наставлять, по случаю вещая, но вовсе не по движенью воли человека.

273.

Но по какой причине отводите вы место славное эпическим поэмам? Не потому ли, что они пред нами предстают, как плод духовный, для наших глаз вскрывая пружины тайные больших событий, о коих повествуют?

О, человек, прикован ты, вне всякого сомненья, к познанию всех сокрытых и духовных средств, поскольку связаны они и с сущностью твоей, и с элементом естества твоим.

К тому же, поэмы эпические эти, хоть лживы и искусственны порою, господствуют над миром больше, нежели научные произведения.

В иллюзиях эпических поэм присутствуют определенные оттенки, что истины самой суть проблески и отраженья: они-то зачаровывают нас своим подобьем с вечным идолом нужд и желаний наших.

Поэзия пророков, происходит ты можешь от поэзии эпической, которая лишь пересказ торжественный интересующего факта.

Однако поэзия эпическая не может появиться от поэзии пророков, единственной поистине могучей и достаточной для всех законных нужд рассудка нашего.

В Европе некогда блистала поэзия эпическая. И только в Азии на свет родилась поэзия пророков.

Но разве Азия не колыбель для человека и достижений всех великих его истории разумной? И не оттуда ли произошли все знаменитые религиозные ученья, что обладали влияньем на вселенную великим?

И это зрим мы в стиле рисунков самых смелых и аллегорий самых живописных, и разумом своим одновременно: великие реальности там преобладали.

А ты, Европа, собирала лишь плоды древ этих урожайных, и никогда не обладая превосходством вдохновенья, всегда ты в пересказах упражнялась.

Лучей ты отсвет, кои в Азии сияли. Поэты азиатские влияли; поэты европейские лишь рады оставались изображать влияние это.

После чего поэзия пророков уже утратилась для них, ведь прибегали европейцы к поэзии мифической и мнимой, чудесное предпочитая черпать в воображаемом порядке, вместо того, чтобы решиться преодолеть его.

Ведь высший и святой характер, который Творец вещей запечатлел на человеке, неизгладим.

Неблагодарный человек, исследуй сам свои произведения, коль силы не имеешь исследовать создания Творца, и в них всегда ты обнаружишь свидетельства против себя.

274.

Во все мгновенья жизни нашей мы воскресать должны из мертвых. Мысль, действие и воля наши, а равно чистые и верные стремленья, — все это погребла могила.

Расставили повсюду стражу *синагогальные владыки* из опасенья истины друзей, учеников ее. И сдвинуть нам необходимо камень с начертанья, и бдительность охраны обмануть, иль сокрушить ее своею силой.

И саван нужно нам совлечь с себя, порвав повязки, которые опутали все члены наши.

Вновь воспринять необходимо нам и ловкость прежнюю с такой же чистотой, первоначальную подвижность, и в небо вознестись, как дух, вернувшийся к своему собственному существу.

Но прежде чем достичь сего всемерного исполненного воскресенья, пройти необходимо чрез воскресенья частные: они и составляют элементы всей нашей жизни временной.

Как нам самим достигнуть частных воскресений, и разве Тот, Кто воплотил их все в Своих сражениях и победе не положил нам в той же мере участвовать в Его усилиях и отваге?

Вот потому Он *«и сказал им: очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием. И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается»* (От Луки Святое Благовествование, Глава 22, стих 15, 16, 17, 18, 19, 20).

275.

Как здрава и жива душа, коль крещена она в молитве, ей омыта! Оставьте выразительным словам их силу: премудрость их наполнит, чтоб потрясти слух грубый и нечуткий.

Благодаря чему она нисходит к селянину простому: без этого он не уразумел бы вовсе наречия ее.

Премудрость хочет говорить для всех людей; не потому ль она порою величава, принижена и даже раболепна, проста и остра как стрела, груба и грузна, словно человек деревни?

Она сама ли не клялась, желая, чтоб вся земля исполнилась бы славою Творца?

Имеешь время ты? Спешి его облечь в молитву; не трать его ты столько на размышления свои.

О, умозрители, на кафедрах воссевшие, вы хорошенько позаботьтесь предостеречь от ваших слов! Чем больше изучаются они, тем более опасными пребудут. Мысль человека может зародиться от плодов их.

Частенько даже он не ожидает, чтоб плод поспевшим был, и мнит его он зрелым прежде, чем созреть он начал.

И для него плоды сии становятся оружием священным, и удушает он своих учеников, когда они о хлебе его просят.

Каков тот человек, который не оставил в себе твориться определенной формы, где все должно принять один и тот же отпечаток? Все то, что формой не смогло облечься здесь, вне разумения его; он может это только отвергать.

Чти пастырей, коль Сам Господь их направляет; когда ж невеждами они являлись, то это испытание для Церкви. И если приходят они сами по себе, необходимо за них молиться, дабы верховная десница от их безумия их исцелила.

Все совлечем с себя мы сами, когда желаем превосходно облачиться, в беспечности не пребывать по отношению к плоду нашей мысли.

276.

Материя была дана для человека в качестве отдохновения среди его усталостей великих. Она являлась тенью большого дерева, под коим жнец заснуть бы смог на несколько часов палящим летним зноем.

Однако возмнил он, будто бы в материи самой заключена и вся его работа; он в культ ее возвел с заботой, непрерывностью, усердием неимоверным, которые в пределах вечности царят и в культе Созидателя существ.

Несчастные, желали ли они на место бездны небо передвинуть? Достаточным здесь оказалось лишь мысль их переставить: теперь довольно, чтобы им увидеть каким являлась их первичное предназначенье, и станет каковым их осужденье.

О, человек, когда бы знал ты, какие пламенеющие бездны самим тобою вырыты в тебе же!

Огонь подземный вздымается через руины мира и освещает бренность их. Он в воздух поднимается благодаря закону собственного естества.

И сколько времени обязан он блуждать в пространстве, пока соединится в элементах чистых, субстанцией животворящей став, спасительной и порождающей?

Все вещи проходящие в обличьях внешних только существуют; и кажутся они живыми внешне со средоточьем мертвым. Какое здание желаешь ты воздвигнуть из этих материалов?

Наоборот, устойчивые истинные вещи погребены во мраке нашего предела, и представать должны с животворящим средоточьем и мертвой внешностью.

О, радость мудрых, ты потому профану неизвестна, что можешь сделаться реально ощутимой, лишь приходя от Бога к человеку.

277.

Когда поднялся ключ над сводом, то стали бесполезными леса. Ведь все иные камни от него их силу обретали. Он человека спас, смерть поразив; однако он не лишил его возможности в погибель впасть.

И если б властью мы не обладали смерть создавать, нуждалась бы божественная сила Пришествием Своим ее разрушить?

Вот почему Она во всем подобной стала человеку, который мог приблизить смерть; вот почему Она грехом не обладала, который мог ее разрушить.

Кто описать способен ликование небес, когда они узрели сокрушение смерти?

О, люди, жизнь плоти вы даете своим детям. Вы отмечаете их день рождения, как праздник, освещением слепящим, так памятуя о небесном свете, сопровождавшем первоначальное рождение человека.

Когда же человек земной исполнил путь свой в жизни преходящей, и входит он в пространство духа, все обитатели его, подобно вам, ликуют при виде возрастания духовного семейства.

И каковым должно быть счастье божественного царства, когда оно увидело рожденного для Бога человека! Кто как не Бог воздать бы мог нам этой божьей жизнью и обновлением семейства Бога?

Ступени порождения имеют наслаждения свои. Их все познать способна лишь душа людская, поскольку сопряжена со всякою ступенью.

Безумцы! Они твердили, будто человек ничтожеством являлся! Безумцы! О, как они однажды постыдятся за это ишедшее от них проклятье!

278.

Способен корень все творить лишь своей потенциальной силой. Вот почему Бог все творит через Своих пророков. Ты Сам, божественный Спаситель стезю в душе Своих апостолов открыл; и мог ты действовать лишь им благодаря.

Вот почему настолько труд неспешен и потаен, ведь должен он пройти дорогой человека, который более не пребывает в своем установлении первоначальном и в чистоте.

Не должен ничего Ты человеку, поскольку он все от Тебя воспринял; однако Ты его и в сумраке взыскуешь, и в преступлениях его. Не можешь Ты его забыть, ведь есть живое, святое и безраздельно кроткое стремление корня к силе.

Единый луч божественный не может ли все чудеса произвести? И удивительным бы стало, как целый мир бы покорился человеку, когда бы человек оставил Бога царствовать в своей душе и Им Единным вдохновлялся?

Какой покой возник бы на земле, когда бы в новые простые души детей слова бы засеивались и верные идеи?

И Бога с человеком отношения первоначальные в эпохе каждой проявлялись бы в естественных их состояниях, и цепь веков для человека представляла бы лишь долгим развитием познания, добродетелей и наслаждений, которые на алтаре хранятся сущности Его.

И значит, какова должна быть скорбь у человека изволения, когда читает он: *«Когда б воззрел Господь с небес на землю, чтоб знать там есть ли человек, который благ, обрел бы Он на ней хотя бы одного такого?»*

279.

Необходимо ль дать вам доказательства величья человека? Он есть единственное существо в природе, которое способно на иные сущности оказывать влияние по праву воли собственной.

И все они, кроме него, поражены ограничениями в правах своих, зависящих от их природных сил. Они и требовать не могут ничего от сущностей других.

Но человек имеет власть все дать им вплоть до слова, и удивительного нет, что изначально он нарекал их именами! Ведь не для них же установлены века над всей планетой?

Но почему ты отрекаешься от этих славных званий? Ты не погибнешь — это знаешь — поскольку ты есть сущностная сила Божества. Когда бы захотел, то мог бы сам не быть несчастным, ибо мгновенья одного прожить не можешь ты без Бога Своего.

И по примеру солнца, ты был освобожден лишь для того, чтобы ростки невидимые оплодотворить, которыми наполнено твое пространство.

Ты перестал орудием милосердия являться, но прекратив им быть, ты целью сделался его, и служишь ты ему в свидетельство вовеки. Премудрости законы и благотворные постановления ведь неизгладимы?

280.

К чему приводят первые шаги премудрости? К испугу от пороков, сверн, что наполняют землю. Какой безмерный груз должны сносить деяния фундаментальные колонны?

Они — Гераклы истинные, которые поддерживают мир: дать послабление себе они не могут и на мгновение; в противном случае, уклад моральный мира обрушился б, в руины обратившись.

О, люди слабые и развращенные, пред мудростью вступаются столпы за ваши заблуждения; небрежные правители, они за вами и вашими державами следят, которыми не в силах вы ни управлять, ни защищать их.

Но беззакония иного рода исчерпываются вплоть до причинения смерти, чтоб одолеть их. Над брешью крепости, врагами осажденной, витают слезы и молитвы, и милосердие, и непрестанные усилия всех свойств защитников твердыни: вот состояние, когда ослаблен в человеке грех преступления и лжи.

Немудрено: защитники спокойны средь всех терзаний этих, поскольку страдания сохраняют человека для высшего предела.

Пророки с истинными мудрецами всегда страдали неизменно. И часто они желали смерти, хоть ни один из них ей и не предавался; являлись ли Архитопелами с Иудами они?

Принесший в жертву сам себя Самсон был вовсе не по преступленью удручен, но от желания спасти народ свой.

Есть ложные мученья, рожденные от преступления, которое мы совершаем во время прозябання нашего под игом и, от него избавившись, страдаем.

Утаиванье их для нас фатально: благодаря сему жестокому лекарству, мы, вместо исцеленья, получаем горшие болезни, поскольку еще дальше отступаем от закона.

281.

Смотрите, как человеческий язык черты, зажженные собою, образует над всеми сущностями. Смотрите, как он покрывает вселенную своими письменами светлыми. Повсюду растворяет он сгущенную и плотную материю; повсюду он спешит *металлы* переплавить.

Чего он не коснется, все искры источает, поскольку сам исшел от света и должен царство света умножать.

Ты содрогаешься звенящей медью, когда тебя он поражает, истины противник! Пытаешься ты ясность помрачить его огнем нечистым, и все усилия предпринимаешь, дабы противоборствовать его влиянию.

Но никогда его не превзойдешь ты. Не отразился ли на человеке божественный язык? Не начертал ли он на нем святые и бессмертные письмена? *Кто мог бы рассказать его происхождение?*

Кто мог бы описать его, когда на нем запечатлела свое божественное имя святость? Ниц пали небеса от поклонения и изумления пред мощью и величием Господа. Враг трепетал, и ангельское сердце явилось жизнью поглощенным.

И даже ныне, человек, еще способен твой язык в перо писателя пылающего обратиться, в перо светящееся, гулкое.

Поскольку ты для этой цели появился, то разве не можешь ты извлечь глагол вселенский, рассеянный в безмерности пустынь.

282.

Зачем ты мнишь оставленным себя, когда душа твоя страдает? И сможешь ли забвению предать, что очищение тебе необходимо в дольном мире?

И если божественная мудрость интересуется тобой в твоих ошибках, то думаешь, возвышенное состраданье в твоих скорбях к тебе не обратится?

Не знаешь Бога ты, коль мнишь короткою Его десницу, хотя десница Его сердца безгранична. Ты изучи источник здесь сих безнадежных недогазумений.

Не должно нам здесь ни на что ссылаться, ни разоблачаться, ведь мы хороним заживо себя под собранными оболочками иллюзии позора.

Должны мы в дольном мире подвергнуться спасительному испытанию, которое с собой доставим и в иной предел. Тогда уж испытаниям двум сумеем мы подвергнуться однажды, о том не зная, будем ли мы в состоянии их перенести.

Как мы рождаемся? Освободившись от всего! Все наслаждения и блага, к нам поспешающие, являются бесплатным даром, который предоставлен нам: вернее хочется воспринимать его, как приношение.

И почему бы наших чад нам не рассматривать как некий вид пенсионеров, даваемых нам Богом, для возрастания к Нему?

И ропщем мы, когда приходит жертвенное время, мы, кто в себе не обладали крупницей жертвенного вещества!

Сыны Израиля, не сетуем мы больше на несчастья и от беззакония не плачем, — все это данные ступени нам для восхождения на алтарь и жертвенный костер до той поры, пока огонь чистый не сойдет на нас, как в пору искупительного жертвоприношения, и не восхитит нас с собою в жизненный предел.

Хвалите Господа, Израиля сыны; имеем мы нужду лишь в том, чем жертвоприношения нам творить Ему. Когда же на мгновение обращать мы прекратим к Нему свои псалмы и жертвоприношения, виновными пребудем горше татей. Удержим все принадлежащее Ему и предназначенное для святого уклада жертвоприношений, для жертвы искупительной.

Израиля сыны, коль все другие вещества для жертвоприношений не существовали бы для нас, в самих себе бы обрели мы жертву, что для Него явилось бы приятным самым благовоном. И только *не приносите жертвы вы слепых и хромых, но жертвы здоровые и постоянные.*

283.

О, сколько раз писатели твердили об искаженьях первородных, которые вещей начало изменили!

Их книги подчиняют нас воззрению другого человека, тогда как мы должны его черпать лишь в мысли духа.

И получается частенько по прочтении, что литератора хвалили, и фи-миам ему курили. Но вещь божественная разве не таит развития вящего в себе, и будет ли зачет их труд ко дню последнему счисленья?

Что думать нам о тех, кто с истиной могли сражаться, вернейшие свидетельства отбросив?

Не дожидаясь эпохи будущего мира, не осудили ль их уже и в мире настоящем? Но какова их участь?

Она во лжи, которой истину терзают, в небытии, каким они желают реальность уничтожить. И коль сам сатана не ополчился на себя же, как истина могла б вооружиться против правды?

Ведь книга естества се человек, и книга человека есть Господь. И если бы не перестали мы читать внимательно в образчике Своем, природа бы читать не прекратила в нас.

Господь Всевышний бы не перестал своею славою и своим светом достигать ветвей последних из своих произведений.

Душа людская является отдохновенья местом для Творца, а естество должно быть местом отдохновенья человеческой души. Но нестроенье простирается повсюду. Господь не обретает больше отдохновения в душе у человека, душа же человека отдохновения в природе не находит.

284.

И как работа совершится наша, коль наше тело раною не станет, и вся душа в страдание и скорбь не перейдет?

И если из-за первородного греха лукавый враг посеял в нас свои плоды, благодаря молитве и смиренью его мы низвергаем в бездны снова, и вместе с ним туда же падает его работа. Тогда в нас возрождается покой.

Но до тех пор преследования нас терзали сего лукавого заимодавца, который требует от нас довериться ему.

Заступник верный, достаточно того, чтоб *сострадание Ты к нам имел, чтоб Ты разрушил наши беззаконья, и все наши грехи низверг на дно морское.*

Заступник верный, достаточно, чтоб ты гонителей обрушил наших в бездну и их труды.

Необходимо, чтобы ты крепко запечатал эту бездну, чтоб вскоре бы врата ее они не источили для причинения опустошений новых.

285.

Он до агонии молился; однако страдания Его плоти ничуть не ослабляли веры у Него; у нас, ничтожных смертных, вся наша вера исчезает пред радостями тела нашего! Как сохранить нам веру в страданиях наших?

Однако не за Него ли Он страдал? Не за Него ли Он сносил все тяжести греха? И эта вера с этим постоянством Его Утешителем укреплялись.

Пророки Божии, предчувствовали вы и знали торжество Его за несколько столетий до Его явления.

Но много ли победоносцев, которых можно праздновать победы еще до их рожденья? Не отмечались ли победы эти с тех пор, когда их одержали?

Эллады и Ассирии цари, действительно завоевания ваши возглашали пред вашим появлением на свет, но были они только преходящи и жизни стоили для ваших ближних.

Завоевания Победоносца должны давать жизнь людям всем и даже тем, кто мертвыми предстали, поскольку Он — единственный Создатель жизни.

Вот почему *«Кость Его да не сокрушится»* (От Иоанна Святое Благовествование, Глава 19, стих 36); поскольку не сокрушались никогда и кости агнца, на Пасху коего вкушали.

286.

Откуда исходит гармония господств, как не от точности, с которой каждый свои задачи выполняет? Какую гармонию увидели бы мы вокруг себя, когда бы исполняли первоначальные свои задачи?

Благоразумие и сила являются одной и той же вещью; гармония есть силы и благоразумья дочь. И существо, живущее от духа, Его в Троицх познает и обретет в Них снадобье от всяких бед своих.

Не исправляется ль все духом? И если истребляется оно по мере, как он питается, сие не по причине ль чистоты Его огня? Но нестроения нашего предела нас постоянно вынуждают к действиям неполным, которые питают нас лишь смертью и небытием.

Напоминаем на земле мы существо преступное чрезвычайно, которое всегда истощено, хотя не прекращает пожирать.

И какова гармония, что правит между нами? Как Иов скажем: *«Вот земля, на коей не властвует порядок вовсе, но ужас вечный»*.

Дерзай, несчастный человек, восстанови на деле принципы порядка, что в существе твоём погребены.

Задышим, наконец, огнем духовным, дышать им будем, пока не сможем от него возжечь наш пламенный. И если однажды мы его сияния достигнем, ему угаснуть боле уж не в силах.

Покроет над землей алтарь бессмертный он, где мы должны бы были нашу жертву возносить и проявлять невидимое в видимом пространстве.

И не подобны ли все свойства человека свечениям бессмертным, которые должны на светочех златом установиться.

287.

Стрела каленая пробила мою душу. Она разрушила все путы, сковавшие меня, подобно пеленам в младенчестве моем.

Наш Бог свои секреты сообщает лишь тем, кто посвящен Его служению. Всем, *кто становится причастниками Его духа и знания Его с Его любовью.*

Ведь человек является вселенной целой, где всякие агенты всех миров работают над исполнением закона своего. Воздействуйте на все его начала, овладевайте каждой его частью.

Смотрите за него, внимайте за него, деянью предавайтесь за него и говорите за него, и существуйте за него, поскольку существование его ничтожеству подобно, когда он предоставлен сам себе.

Особенно, помощники святые человека, его в молитве укрепляйте, ибо мертва его молитва, пока не возродилась.

Она покажется дыханием тшедушным, которое едва ли может возмутить листву дерев, себя подавленной оставив, как будто бы под зноем удушяющей жары.

Иуда, но почему ты дальше не писал? Есть мысль твоя неудержимый ветер, который в движение приводит всю атмосферу и чувствовать нас заставляет освежение духа после жары чудовищной одолевавшей нас температуры.

288.

Необходимо, чтобы дух на человека нисходил и водворялся в нем, и силою бы заставлял его освободиться от всего, что засоряет человеческую сущность.

Грядет нести на землю Он не мир, но меч, не вопрошая, как скоро разгорится брань.

Желает Он, чтоб с ближними своими мы пребывали в мире, но в состоянии войны с собой самими. И если ты воюешь сам с собою, тогда с себе подобными ты в мире.

Каков тот человек, которого я вижу ступающим среди народов? Он будто светом праведных осиян. Его великолепная наружность о мудрости Его вещает и дарованиях, и силе. Он как светило движется огромными полями небосвода.

От летаргического сна очнитесь своего, изыдите от гробниц своих, людские души, грядите взор свой устремить на человека, блистающего посреди народов.

Он явится пред четырьмя ветрами, им повелев отсрочить бури. Сойдет Он в пропасти земные, и в бездны сокрушиться повелит Он беззаконью.

Для человека возродитесь, дни покоя! Земля не убоится больше силы ядовитой, которая однажды обратится в спасительный бальзам.

Лукавый враг от человека отъят навеки будет. Когда-то он вкушал спасительный бальзам, но превратил его в отравленную желчь, которая не может язвы исцелять: она умеет только ранить и заражать собой самою.

289.

Во всех пределах я замечу частицу своего греха, дабы они ее низвергли, в прах обратив. И стоит ли мне опасаться, что мироздание мой грех узнает, когда я не боюсь, что Бог об этом ведает.

Я вам доверил свою слабость, и вы сочувствие мне окажите своею силой и возможностью своей.

Объединимся же в союз священный, чтоб грех бы для меня являлся, как будто вещь незнакомой и неспособной к совершенью и помыслам о нем.

Без ослабления сражайтесь, пусть всяк метнет свое копье на стены башни помраченья, что посреди Иерусалима поднялась.

И сокрушайте каждый день ее частями: обломки эти, падая, расселины закроют, которые огонь беззаконья проточил в земле.

И стены рушатся, и брешь пробита, и победитель водворяется с триумфом в крепость, спеша ее сравнять до оснований.

Без этого огонь беззаконья еще просачиваться сможет; чтоб полностью его забить, необходимы все обломки башни Вавилонской.

Всех жителей мечу предали: никто из них не спасся, — ни старики, ни женщины, ни дети.

Струилась в граде кровь ручьями и погребалась в бездне, неся туда с собою все, что оставалось от животворящего начала, чтоб раса развращенья уничтожена была бы, а ее имя стерлось бы под небесами.

Идет воздвигнуть победитель новые основы на тверди земли очищенной.

И здесь он возведет град мира и свеченья. Народ святой в нем станет обитать. Его врата откроются при восходящем солнце и уж не затворятся боле в течение времен безмерных.

К нему народы притекут под звук кимвала, поя псалмы, хваля и славя Бога, Кто благодеяньями их обеспечил.

290.

При мысли я отверз глаза. Увидел людей, отягощенных в душах их.

Изыди от меня, хранитель верный, чтобы спешить на помощь к ним. Моя молитва станет деланьем великим, поскольку уж пребуду я один.

Не перестану бдеть уединенно в своем вдовстве, и мысль моя подвигнет мою душу на дело милосердия.

Наш труд не должен ли вершиться в союзе между нами и ангелом, хранящим нас? Когда ж в ином краю наш ангел занят милосердьем, не нужно ли, чтобы усилили свою работу мы, чтобы она никак от опоздания не страдала?

Поскольку ангел наш так часто нас сопровождает в скорбях, в опасностях, болезнях наших, то справедливо, чтобы мы его по случаю благодарили.

О, мои братья, взаимностью вы ангелам своим воздайте, и впредь не будет удрученных среди вас.

Взаимностью воздайте вы ангелам своим, благодаря чему вы печась станете о пользе истинной своей, и впредь не будет между вами бедных.

Изволят они отвергнуть искажение человека с отпадением его от состояния первоначального; однако присутствуют среди них скорбящие сердца, которые желают!

Изволят они отвергнуть извращения вторичные, следовавшие за этим первоначальным искажением; однако присутствуют среди них и немущие, и бедняки!

По крайней мере, своих грехов не отрицайте, коль не сумеете их исцелить.

Как врачевателю прийти, когда его не позовут? Как ангел ваш хранитель призовет его, коль вы ему не оставляете свободы тут, коль вы не доверяете ему пространство ваших прегрешений?

291.

Является всегда Господне имя новым. Вот почему готов Он человека возрождать.

Се Бог, Который дает огню и силу, и деянье. Се Бог, Который пожелал, чтоб мы могли бы схватывать огонь посредством зренья только.

Се Бог, Который сотворил из высших элементов воздух; создал его сверху от грубых элементов, невосприимчивым для зренья сделал.

Се Бог, Который исполняет светила воздухом активным, таится в коем и хранится Его прямое руководство; вот почему стремится каждое светило к пределу своему.

Так вдохновись же, слабый смертный, на действенное созерцание природы. И дня не проводи без вовлеченности в работу, пока влиянью духа не поддашься.

Вот хлеб, который всякий день давать тебе способна жизнь, поскольку имя Бога постоянно ново.

И разве словам и рассуждениям предается избранник сильный Бога? Подобен человеку он, вступающему в град Великого Царя.

И человеку каждому, которого встречает, и в дверь, когда стучится ненароком, он говорит: «Я — обитатель города сего, слуга и подданный Великого Царя».

Во все врата вселенной постучитесь. К земле, вулканам, рекам, рыбам океанским, полевым зверям, небесным птицам обратитесь, они ответят все: «Да, слуги мы и подданные Бога».

Взойдите в собрание Святых, к тьмам Ангелов вы обратитесь, в небесной сфере обладающим жилищем. Они ответят все: «Да, слуги мы и подданные Бога».

Благословен будь человек, вселенную спросивший о признании и кротком, и законном!

Пусть не узнает он покоя, пока привлечь не сможет всех существ поведать божественную славу, и силу имени Господня возносить.

Пока все сущее не наречет себя слугою Господа и подданным Его.

292.

Я видел шествие молодого человека в премудрости. И первые шаги его являлись славой разумения и знания. Оберегись же от опасностей шагов первоначальных этих.

Предстанут они сразу пред тобой, как ошибутся люди, которые невежды; докажут ли они тебе, что мудрым будешь ты? Возможно, ты таков, когда бездействуешь? Премудрость в действии могла бы обладать одновременно наружностью премудрой?

О, человек молодой, твоя премудрость только отражение твоей гордыни. Она есть зеркало, что пока лишь служит для уловленья заблуждений иных людей.

Мужаешь ты и действие творишь! Гордыня способна тебе сопутствовать еще мгновенье; однако фанатизм деянья ее обуздывает власть.

Очарование какво для человека, когда раскрытые его прав вершится, который обладает свидетельством неоспоримым своих врожденных званий!

Будь начеку, и ты к деянию привыкнешь; гордыня, являвшаяся на пути твоим задержкой, с тобой соединится вскоре.

Уразумей же шаг, который остается тебе сделать: предать деяние свое в Господни руки, что значит отрешиться от всего, влиянию Господню подчинясь: его органа звуки в воздухе витают, который ими насыщается.

Блаженный тот, кто инструментом станет божественного гласа! Он будет от гордыни защищен.

И где бы мог он это обрести? Деянием и знанием обладает он. Однако сам по себе творит без знания и без деянья: когда приходит вновь в себя он, и дуновение духа прекращает свое влияние на него, он не имеет больше уж ни знания, ни деянья.

Исполнено все деланьем Господним. О, человек, как мог бы ты свое деянье водворить на подобающее ему место?

293.

Он благами меня осыпал, и я Его не знал и, дорожа своим житьем, я в слабости остался, и если бы ее я не возненавидел, то быть Его достойным бы не смог!

Намного слаще покаяние греха.

Людская мудрость века, ты черпаешь себя в науках и усилиях; ты разумением своим все потребляешь для ложных и пустопорожних дел! Как обрести тебе премудрость и покой?

Исследуй *землю*: ей благодаря к тебе *растительность* должна стремиться и подкрепления всяких видов.

Кто обеспечивает безопасность лагерей и воинств? Кто ставит часовых с передовую стражей и защищает вас от всех сетей и ухищрений врага?

Коль грешника мольбам, взывающим к Нему, Он внимлет, то разве не сделает того же для человека чистого, сумевшего от скверн предохраниться?

Благочестивый человек, скверн не познавший, блистает словно свет. Алмазу уподобившись, является оружием острым он; рассеивает пред собою все он, уничтожая как огонь.

Не увлекайся никогда ни схожестью и ни наружным видом; отдохновения не давай себе, пока ты не достиг реалий во всем разнообразии.

Не там ли это, куда устремлены все люди, того не сознавая? И все они не ищут ли отдохновения единственного места?

И можно ль обрести его в ином пространстве, а не в единстве с действием начала нашего и Бога?

В единстве, к которому они увлечены животворящей силой непрестанно, которое само произрастает как бесконечность?

294.

Не сомневайтесь больше в силе слова; в любой науке, во всяком языке вы преуспеете, лишь непрерывно прибегая к слову.

О, сколь людей жизнь проводили в чтении и изучении едином, но не достигли цели того, что изучали, из-за отсутствия поддержки друг у друга!

Чего б мы не добились, когда бы пользовались словом любви святой и сокровенной, которая есть восполнение и совокупность всех совершенств и радостей!

С любовью этой нам на земле уж ничего не нужно: она вмещает все, что всем является и понимает все. Вот почему мы в отношениях с Богом непрестанно, ведь Он — вселенская любовь.

Когда мы поднимаемся, то обретаем высшую любовь, что элемент есть бесконечного пространства. Коль силою не обладаем в пределе этом удер-

жаться, тогда, спускаясь, находим мы еще любовь, поскольку снизошла она за нами.

И в отступлениях своих находим мы ее и даже в их последствиях — болезнях: наполнено ей все, она оставить нас никак не может.

И значит мы всегда в общеньях с Божеством, сообразуясь с уровнем своим и мерою своею.

Увы! Подобных отношений нет у нас с людьми, ибо общаются они умом, отнюдь уж не любовью.

К тому же, имеются меж ними жены, о коих Павел Тимофею говорил, что научают всех они, не достигая сами познания истины ничуть.

Они за солнце принимают световую точку, и каждая из них желает ее себе подобным выдать за свет единственный вселенский.

О, как несчастны мы! Итак, не перестанем помнить, что мы живем в отягощенном царстве: отнюдь не в области единства. Тогда начнем мы разуметь себя.

295.

Кисть зла из края вширь простерта над землей. Блаженны мы, когда влачим существование лишь во тьме и сумраке! И если совершаем на один шаг больше, то для того лишь, чтоб в беззаконие войти.

Не занимает ли пять степеней по отношению к материи наш дух? И в первой степени, возвышенной над всеми, не замечает он материю, как будто ее совсем не существует.

Дух замечает ее в степени второй, но он стонет, видя как бесформенна она, и от того, что чувственное царство для царства духа очень вредоносно.

На уровень один встает он с нею лишь в третьей степени, привязываясь к ней и в ней черпая удовольствие свое. Но наслаждение это его отягощает, поскольку естество его взывает к радостям иного рода.

Рабом материи дух делается в степени четвертой, в ней уловля больше уз, чем удовольствий: она властолюбивая хозяйка, которая никак не послабляет прав своих.

Он в пятой степени находит только нравственные угрызенья, печали, казни, безнадежность, поскольку здесь плод чрезвычайный и предел последний, к которому материя ведет любого, кто ей уподоблялся.

Здесь нет уж больше удовольствий с раболепством; здесь только сборище всех ужасов утрат, скорбей превратности сплошные.

Так следуй же путем обратным, и ты увидишь, что порядок вечный он дальше продвигает и проявляет его истину и праведность его.

Благодаря подобьям сопряженным, все свои качества премудрость увязала, чтобы дорога наша пролегла бы по мягкому пути, неощутимому как будто.

Вот почему смерть стала бы утешением вящим, когда б мы прежде рассмотрели этот мир подготовительным подобьем по отношению к иному возвышенному более подобью и назидательному.

Ибо подобия должны всегда расти в значении и в пользе: подобье всякое — образчик тому из сходств, которое предшествует ему, однако оно лишь образ от того подобья, что следует за ним.

И разве символом не служит всё в физическом пространстве, в котором мы живем? И разве естественный характер тел не знак, не иероглиф их качеств, их начал?

296.

Как зараженье мы перенесем, что будет ощущаться по завершении вещей?

Мы смерть вкушали в течение столетий долгих. И вскармливалась иллюзиями юдоли рабства и обмана наша мысль.

И прежде чем в край истины вступить, необходимо ей очиститься, избавившись от развращенной пищи.

Се только крики душ людских, усилия, которые они предпринимают для совершенья этого чудовищного очищенья.

Все их жилища мусором и грязью изойдутся. Исполнятся все страны запахом зловонным и чумным.

Взгляните же на разложение трупов и тошнотворный смрад, что ими источаем. Всю свою жизнь они питались мертвечиной, поскольку сами были существами смерти и не могли иным кормиться.

Куда бежать вам, о, людские души? Как вам избавиться от зараженья, которое распространите вы, которое вслед вам самим тянуться будет и после вас?

Они блаженны, если в час жизни не распространяли это зараженье и не производили растений ядовитых, пустивших корень в почве смерти!

Когда сказать уж им не смогут: *«Спешите в поле Иезекииля. Все кости сохранять совершенно, чтобы облечься в плоть и нервы, возродившись».*

Пророк даст повеленья четырем ветрам небесным: воспрянут кости, и человек, который был подвержен заражению с тленьем, вновь явится во всей своей красе».

Когда сказать уж им не смогут: *«Участвуйте же в дарованиях Того, Кто в мир явился время выкупить, которое продали мы».*

Когда сказать уж им не смогут: *«Спешите нам помочь и время выкупить за тех из наших братьев, которые имели слабость его развезть понапрасну».*

297.

В отдельности и, в общем, человек в своих соотношениях преуспел; по мере же того, как смертных вождь Адам воспрял, его потомство поднялось, великий свет восприняв.

Вождь смертных, на крыльях духа воспарив, поочередно был перенесен на восходящие ступени.

На каждой из ступеней этих дух отворял ему врата: оттуда на человека милость новая проистекала.

И милости сии предстали чувственными и земными в законе естества, духовными — в написанном законе, божественными — в Исккупителя законе.

Поскольку в имя Божие великолепное у Иудеев добавил Он спасенья букву, которая утроила богатства наши, заставив в изобилии утопать нас.

Поступит как вождь неусыпный этот, из воинов достойный самый? Пройдет он непрерывно по всем пределам войска своего, чтобы спасти отряд от рук врага, который по пятам идет за ним.

В начале самом миссии своей не посылал к язычникам Он никого. Он только направлял к погибшим овцам любимого Израилева дома. Своим апостолам советовал к язычникам идти уж после данного деянья.

Ведь должен был Израиль стать светильником народов и сделаться главою смертных через это.

Ведь слово Иудея, к которому презренье мы питаем, могло бы больше нашего почтенья заслужить, когда б его уразумели мы, достойными его нести преобразившись.

Когда ж Евреи сами не пожелали признавать Того, Кто был им послан, и в жертву принесли Его своим невежеству и ослеплению, тогда врата народам отворились.

И на апостолов Святой Дух снизошел, излив на них языков дар; и получили повеленье они идти и проповедовать по всей земле.

И Павел избран был тогда апостолом языков; тогда описанный пророками поток, в брегах переполняясь, омыл собой народы все.

И оказалось, что мудрость обращает заблуждения людские во исполнение замыслов своих: так лиц отдельных мрачность заставила по всему миру расплескаться свет.

298.

От края бездны вырву свое слово; страдать не стану от того, что долго пребывало оно в небытии и рабстве.

Оно не может созерцать небес пространство и устремлять свой взор к верховному престолу Бога Своего.

Необходимо ль из собрания удалить того из наших братьев, кто будет нарушителем его? Не удалит ли грех его оттуда? Его ли не удержит грех как в карцере?

Удвой отвагу, несчастливый человек, попавший в рабство. И время избери, которое не время вовсе, но промежуток средь времен: он разрешается всегда лишь в истинном числе.

К большому юбилею разум вознеси и посмотри, сколь краток, скоротечен промежуток, который расположен посредине восполнения семи господств духовных и разрушением беззакония числа.

Огонь упования исшел от этого чудесного произведения: он человека смелостью объял; он душу поспешил обнять еще в ее оковах.

Темницу, где она была заключена, потряс неистовый удар, охрану ужаснувший.

Оковы пали сами по себе, врата темницы отворились: оттуда на свободу поспешая, душа ушла, чтоб с братьями своими слиться.

Таков удел, что ожидает слово, когда оно направить все свои усилия сможет на избавление от бездны; и те, кто сокрушил его туда, стремящиеся там его держать, подвергнуться мученью.

299.

Но где начало человеческого знания? Не в человеке ли оно самое или рядом с ним? Несчастье человека в искании сего истока вне самого себя, в предметах, которые не в силах сопротивляться своей причине истинной.

И дальше, какова нелепость — все разделять на классы? Вместо того, чтобы усердно трудиться над познанием вещей, разряды их переставляет смертный.

И первые шаги свои он посвятить смог точно и проникновенно с вниманием неотступным использованью лишь вещей природных, хотя способен был заняться и временем, и качеством существ.

Что представляете вы из себя, чудесные явления природы? Являетесь вы только продолжением законов, вначале установленных. Должны пред человеком раскрываться вы для наставления в порядке высшем, которого вы — образ.

Несокрушимые законы ваши и ваша сила обладают дивной властью для приведенья нас к верховному уделу.

Ведь если чудовища бы родились, то разве не был бы порушен вечный договор?

Святое соглашение, блажен, кто приближается к тебе с намерением чистым, разумом простым, чтоб изучение твоих законов его в смятение никак не привело бы!

Природа, естество, иной задачи не имеешь ты исполнить, как привести существ к верховному порядку, которого они лишились.

Ведь только отделясь от славы высшей, временные вещи рождение получили. Когда они свой путь сумеют завершить, необходимо станет дальше, чтобы возвышенная слава проявилась.

300.

Во время преступления міры непроницаемыми стали, подвергнутыми силе тяготенья: грехопадение сгустило жизни словеса и сделало немой природу всю.

Адамово потомство, ты заблуждалось от безмолвия слова, чтоб развращать себя и дальше, ня, будто слова уж не находилось с тобой поблизо-сти, ни над тобою!

Но разве слово Господа не меч двойной и обоюдоострый и не клинок животворящий? Молчание и онемевшая природы сущность для него — насилие и временное состоянье.

Господь изрек, Его глас торжествует, возносит слово Он над властью преступления. Безмолвие сотрясено. Все уголки вселенной обратились в живые языки.

О, ночь, с безмолвием ты вместе сокрушишься; дано ли сумраку существовать вблизи Господнего глагола? Блещающей природа, словно солнце, станет, поскольку превратится в дарохранительницу слова.

И слово, пробудившись, разделит все міры на два разряда, как некогда Евреи разделялись между Гевалом с Гаризимом; И голоса Гевала будут непрестанно возглашать проклятие врагам Господнего закона.

Беспечный, нечестивый человек, представь себе момент ужасный этот, когда уж для тебя не будет ни времени и ни пространства.

Ты больше не обрящешь в дольном міре источника безмолвия и тени, чтобы тебе укрыться от ужаса, который причинили тебе бы свет и слово Божие. Гоним ты будешь светом и глаголом.

Как человек виновный на земле, болезням преданный смертельным иль правосудия мечу, уразумеешь ты, что кровь и все субстанции твои так слово возымели, чтобы проклясть тебя и все деянья незаконные твои.

Желанья человек, стремись горы благословения достичь; и возроди в себе самом ты праведное слово.

Докучливые голоса далёко от тебя уже пребудут: ты непрерывно станешь слышать священный глас своих трудов и глас трудов всех праведников міра.

Все в слове, в свете возрожденные пределы возвысят, как и ты, свой голос до небес; и будет слышен только звук один вовеки, и этот звук такой:

ПРЕДВЕЧНЫЙ, ПРЕДВЕЧНЫЙ, ПРЕДВЕЧНЫЙ, ПРЕДВЕЧНЫЙ,
ПРЕДВЕЧНЫЙ, ПРЕДВЕЧНЫЙ, ПРЕДВЕЧНЫЙ!

301.

Поверхностные наблюдатели, мои картины вам не покажутся достойными для взглядов ваших. В отличие от вас, не удалялся я никак в своих раздумьях от Сущности могучей, благодаря которой существует все.

Ее повсюду исключив, намеревались вы нам истину открыть. Но в Ней Самой ведь истина и пребывает. Пусть я скажу: Бог с истиной Един. И что могли найти вы без Него?

Пусть души, коим вы стараетесь дать знание чужого языка, сюда идут для переучиванья своего, а ваш язык забудут навсегда!

Вы тешите их ум определенным удовлетвореньем, питаемым от проблесков, что благодетельная творческая мудрость сияньем оставляет и на ветвях последних естества.

Но это блеклое мерцанье от лампы на исходе, как бледные огни, разорванные промежутком и в воздухе спешащие исчезнуть: удалены уж от истока своего они.

Я предпочел остановить вниманье своих братьев на очаге самом и на елее, который служил помазаньем для избранных у Бога Моего.

Единственное средство это, которое в моем распоряжении имелось, чтоб помощь выгодную оказать им; другие превзойдут меня в распространении Божественного царства, сообразуясь с силою своей и по своим трудам.

Я только разделил желанье воспеть Господню славу, разоблачив ложь лицемерную Его врагов, и ближних пригласил нести свои шаги в обитель подлинных невыразимых наслаждений.

Когда бы обладал лишь лептою вдовицы, им предоставил бы ее, чтобы помочь круг странствия земного совершить, и умолял бы их не отвергать ее, не выяснив ее цены.

С утешением кротким я б увидел их собравшими желаний слабые плоды простого человека, который их любил.

Могла бы добродетель их сердец, могла бы набожность столетий быть песнопеньем погребальным, которое исполнится однажды над моей могилой!

Услышу я его во сне покоя, и Богу Своему я им воздам почтенье.

КОНЕЦ

Содержание

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт.

**«Человек желания»: Преодоление доктрины учителя
и начало мартинистской антропологии..... 5**

**Луи-Клод де Сен-Мартен «Человек желания»,
перевод с французского ритмической прозой**

Владимира Ткаченко-Гильдебрандта 17

Луи Клод де Сен-Мартен

Человек Желания

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*

Корректор *И.Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х88 1/16. Усл. печ. л. 15,28. Печать офсетная.

Заказ №

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

